

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

«НАУКА»

МОСКВА — 1992

Главный редактор: Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Заместители главного редактора:

Ю.С. СТЕПАНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В. И.
БАНЕР В. (ФРГ)
БЕРНШТЕЙН С. Б.
БИРНБАУМ Х. (США)
БОГОЛЮБОВ М. Н.
БУДАГОВ Р. А.
ВАРДУЛЬ И. Ф.
ВАХЕК (ЧСФР)
ВИНТЕР В. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ ДЖ. (США)
ДЖАУКЯН Г. Б.
ДОМАШНЕВ А. И.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)
ЗИНДЕР Л. Р.
ИВИЧ П. (Югославия)
КЁРNER К. (Канада)
КОМРИ Б. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)
ЛЕМАН У. (США)
МАЖЮЛИС В. П.

МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
МАРТИНЕ А. (Франция)
МЕЛЬНИЧУК А. С.
НЕРОЗНАК В. П.
ПИЛЬХ Г. (ФРГ)
ПОЛОМЕ Э. (США)
РАСТОРГУЕВА В. С.
РОБИНС Р. (Великобритания)
СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
СЛЮСАРЕВА Н. А.
ТЕНИШЕВ Э. Р.
ТРУБАЧЕВ О. Н.
УОТКИНС К. (США)
ФИШЬЯК Я. (Польша)
ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ХЕМП Э. (США)
ШВЕДОВА Н. Ю.
ШМАЛЬСТИГ В. (США)
ШМЕЛЕВ Д. Н.
ШМИДТ К. Х. (ФРГ)
ШМИТТ Р. (ФРГ)
ЯРЦЕВА В. Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТОВ В. М.
АПРЕСЯН Ю. Д.
БАСКАКОВ А. Н.
БОНДАРКО А. В.
ВАРБОТ Ж. Ж.
ВИНОГРАДОВ В. А.
ГЕРЦЕНБЕРГ Л. Г.
ГАК В. Г.
ДЫБО В. А.
ЖУРАВЛЕВ В. К.
ЗАЛИЗНЯК А. А.
ЗЕМСКАЯ Е. А.
ИВАНОВ ВЯЧ. ВС.
КАРАУЛОВ Ю. Н.
КИБРИК А. Е.
КЛИМОВ Г. А. (отв. секретарь)
КОДЗАСОВ С. В.

ЛЕОНТЬЕВ А. А.
МАКОВСКИЙ М. М.
НЕДЯЛКОВ В. П.
НИКОЛАЕВА Т. М.
ОТКУПЩИКОВ Ю. В.
СОБОЛЕВА И. В. (зам. отв. секретаря)
СОЛНЦЕВ В. М.
СТАРОСТИН С. А.
ТОПОРОВ В. Н.
УСПЕНСКИЙ Б. А.
ХЕЛИМСКИЙ Е. А.
ХРАКОВСКИЙ В. С.
ШАРБАТОВ Г. Ш.
ШВЕЙЦЕР А. Д.
ШИРОКОВ О. С.
ЩЕРБАК А. М.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волконка, 18/2. Институт русского языка
редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 203-00-78

СОДЕРЖАНИЕ

Бомхард А.Р. (Бостон, Масс.). "Закон Стертеванта" в хеттском: реинтерпретация	5
Рябцева Н.К. (Москва). Ментальные перформативы в научном дискурсе	12
Крысько В.Б. (Москва). Неличная одушевленность в древнерусском языке	29
Вахтин Н.Б. (С.-Петербург). К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (Предварительные результаты исследования)	45
Дорэ Л.-Ж. (Квебек). Возрождение или вымирание языка в Канадской Арктике	60
Ямшанова В.А. (С.-Петербург). Инструментальность как семантическая категория	63
Яковлева Е.С. (Москва). Языковое отражение циклической модели времени	73
Поляков О.В. (Вильнюс). Славянский аккузатив единственного числа и один фонетический закон конца слова	84
Подлеская В.И. (Москва). К типологии предикативного сочинения	90
Тарасова И.П. (Москва). Структура смысла и структура личности коммуниканта	103
Яцкевич Л.Г. (Гомель). Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования	111

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Франчук В.Ю. (Киев). А.А. Потехня и славянская филология	123
Бондарко А.В. (С.-Петербург). Аспектологическая концепция Эрвина Кошмидера	131

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Николаева Т.М. (Москва). <i>Fougeron J. Prosodie et organisation du message. Analyse de la phrase assertive en russe contemporaine</i>	143
Ширяев Е.Н. (Москва). <i>Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике</i>	147
Кривко Н.Н. (Минск). <i>Манаенкова А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии</i>	149
Козинцева Н.А. (С.-Петербург). <i>Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов: изменения значений</i>	153
Ивлева Г.Г. (Москва). <i>Van den Baar A.H. Nederlands-Russisch Woordenboek</i>	157

CONTENTS

Bomhard A.R. (Boston, Mass.). Sturtevant's Law in Hittite: a reassessment; Rjabceva N.K. (Moscow). Mental performative utterances in a scientific discourse; Krysko V.B. (Moscow). Impersonal inanimate nouns in Old Russian; Vaxtin N.B. (St.-Petersburg). On the typology of language situations in the Extreme North (preliminary results); Doré L.-J. (Quebec). Rebirth or extinction of language in the Canadian Arctics; Jamšanova V.A. (St.-Peterburg). Instrumental relations as a semantic category; Jakovleva E.S. (Moscow). The cyclic time model and its reflection in language; Poljakov E.S. (Vilnius). The Slavonic forms of accusative singular and a phonetic law governing the end of the word; Podlesskaja V.I. (Moscow). On the typology of predicative coordination; Tarasova I.P. (Moscow). The structure of the meaning and the structure of the speaker's personality; Jatskevič L.G. (Gomel). The morphological paradigm as a complex unit of word-formation; From the history of science: Frančuk V. Ju. (Kiev). A.A. Potebnja and the Slavonic philology; Bondarko A.V. (St.-Peterburg). The aspectological theory of Erwin Koschieder; Reviews: Nikolayeva T.M. (Moscow). *Fougeron T.* Prosodie et organisation du message. Analyse de la phrase assertive en russe contemporain; Širjajev E.N. (Moscow). *Pospelov N.S.* Thoughts en Russian grammar; Krivko N.N. (Minsk). *Manaenkova A.F.* A dictionary of the Russian dialects of Byelorussia; Kozintzeva N.A. (St.-Petersburg). *Krekič J.* Semantics and pragmatics of terminative verbs: changes of meaning; Ivleva G.G. (Moscow). *Van den Baar A.H.* Nederlands-Russisch woordenboek.

© 1992 г. БОМХАРД А.Р.

"ЗАКОН СТЕРТЕВАНТА" В ХЕТТСКОМ: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1. Введение. "Закон Стертеванта" — это название закономерности, в соответствии с которой хеттские удвоенные написания смычных в срединном положении (разумеется, в тех случаях, когда это было возможно в силлабической клинописной системе, но и тогда непоследовательно) в ряде слов противопоставляются неудвоенным (простым) написаниям срединных смычных в других словах. "Закон Стертеванта" интерпретирует данное явление как правило, при помощи которого хеттские писцы обозначали то или иное фонемное противопоставление. Обычно считается, что речь здесь идет о срединных глухих смычных, с одной стороны, и срединных звонких смычных — с другой [1, с. 26—28, разд. 53]. Такая интерпретация основывается на следующем соображении: слова, в которых представлены удвоенные написания срединных смычных, обычно этимологически соответствуют в родственных и.-е. языках словам со срединными глухими смычными (или их эквивалентами), в то время как слова с неудвоенными (простыми) написаниями срединных смычных обычно соотносятся в и.-е. со словами, в которых представлены срединные звонкие смычные (или их эквиваленты). Последние являются рефлексамии согласных, традиционно реконструируемых в праиндоевропейском как чистые звонкие либо как звонкие придыхательные. Приводимые ниже примеры иллюстрируют описанную модель в целом (формы, реконструируемые для праиндоевропейского, даются в традиционной транскрипции):

Срединные удвоенные написания:

А. хет. (3 pl. pres.) *li-ip-ra-an-zi* "они мажут" (возможно написание *li-pa-a-an-zi*) = скр. *lipā-h* "смазанный, намазанный"; греч. *λίπαρος* "маслянистый, жирный", *λίπος* "жир, масло" ← праи.-е. **lip-*.

В. хет. *a-ar-ra* "потом, опять, снова" = скр. *āra* "прочь, от, из"; греч. *ἀπό*, *ἀπό* "из, от, прочь, кроме, далеко от, обратно" ← праи.-е. **H₄epo-*.

С. хет. (3 sg. med) *ki-it-ta-(ri)* "лежит" = скр. (3 sg. med. impf.) *á-śeta* "кладет", (3 sg. med. pres.) *śéte* "лежит"; авест. *saēte* "лежит"; греч. (3 sg. impf.) *ἔκειτο* "кладет", (3 sg. pres.) *καίτα* "лежит" ← праи.-е. (3 sg. med. флексия) **-to-*.

Д. хет. (acc. sg.) *u-it-ta-an* "год" = греч. *ἔτος* "год"; лат. *vetus* "старый" ← праи.-е. **wet-*.

Е. хет. (3 sg. pres.) *lu-uk-ki-iz-zi* "загорается, становится светлым" (также *lu-uk-zi*) = греч. *λευκός* "светлый, яркий, блестящий, белый"; лат. *lūceō* "сиять" ← праи.-е. **leuq-*.

Срединные простые написания:

А. хет. (nom.-acc. sg.) *ne-pf-iš* "небо, небеса" = скр. *nābhas-* "небо, облако, туман"; греч. *νέφος* "облако"; церк.-слав. *nebo* "небо" ← праи.-е. **nebhos-*.

В. хет. (nom. acc. sg.) *pi-e-da-an* "место" = скр. *padām* "ступень, шаг, положение, место"; греч. *πέδον* "почва, земля" ← праи.-е. **pedom-*.

С. хет. (nom. acc. sg.) *wa-a-tar* "вода" = скр. *udán-* "вода"; греч. *ὕδωρ* "вода"; гот. *watō* "вода"; церк.-слав. *voda* "вода" ← праи.-е. **ued-/ *wod-/ *ud-*.

Д. хет. (1 sg. pres.) *e-it-mi* "я ем" = скр. *ádmi* "я ем"; греч. *ἔβομαι* "я ем"; лат. *edō* "я ем" ← праи.-е. **H₁ied-*.

Е. хет. (nom.-acc. sg.) *i-ú-kán, i-ú-ga-an* "яро" = скр. *yugám* "яро"; греч. ζυγόν "яро"; лат. *iugum* "яро"; гот. *juk* "яро" ← праи.-е. **iugom*.

Ф. хет. (nom. sg.) *ḥar-ki-iš* "белый" = скр. *árjuna-ḥ* "белый, яркий"; греч. ἀργός "сияющий, яркий, сверкающий"; лат. *argentum* "серебро" ← праи.-е. **H₃erǵ-*.

Г. хет. (nom. sg.) *pár-ku-uš* "высокий" = арм. *barjr* "высокий"; скр. *bṛhánti* "высокий" ← праи.-е. **bhrǵh-*.

Н. хет. (nom. acc. sg.) *ḥé-kur, ḥé-gur* "вершина, пик" = скр. *ágram* "точка, кончик, вершина" ← праи.-е. **H₃eg^hr-*.

Кроме того, существует ряд общеизвестных исключений из "закона Стертеванта". Речь идет о хеттских словах с удвоенным написанием срединного смычного, которым соответствуют слова со срединными звонкими в родственных и.-е. языках [2, с. 14; 3, с. 116]:

А. хет. *ú-uk-ga* "я" (также *ú-uk, ú-ga*; и, возможно, по аналогии с личным местоимением 2 л. *tu-uk, tu-ga* "ты") = лат. *egō, egō* "я"; греч. ἐγώ(v) "я" ← праи.-е. *H₃erǵ-oH*.

В. хет. флексия 2 pl. pret. *-dduma*, например, в *i-ya-at-du-ma* "ты ушел" = скр. флексия 2 pl. med. sec. *-dhvam* ← праи.-е. **dhuem/*dhuom/*dhum*.

С. хет. (3 sg. pres.) *pád-da-i, pād-da-i* "копать" = лат. *fodiō* "копать"; литов. *bedù, bėsti* "копать, хоронить"; гальск. *bedo-* "канал, канава"; церк.-слав. *bodq, bosti* "колоть, бодать" ← праи.-е. **bhedh/*bhodh-*.

Д. хет. (acc.-dat. sg.) *am-tu-uk-ga* "мне" (также *am-tu-uk, am-tu-ug-ga, am-tu-uq-ga, am-tu-ga, am-tu-uk-qa*) = греч. (acc. sg.) ἔμε-γέ "меня" ← праи.-е. **-ge*.

Е. хет. (nom. sg.) *me-ik-ki-iš* "большой" = греч. μέγας "огромный" ← праи.-е. **meǵ-*.

Первоначально именно исключения заставили меня усомниться в верности "закона Стертеванта" [3, с. 116—119].

2. Реконструкция праиндоевропейской системы смычных. В начале нынешнего века реконструкция праиндоевропейской фонологической системы, осуществленная младограмматиками и основывавшаяся на представлении о том, что фонетические законы не имеют исключений, получила широкое признание как адекватное отображение праиндоевропейского языкового состояния. И по сей день многие индоевропейцы признают правильность этой реконструкции (или ее модификаций). Система праиндоевропейских смычных была реконструирована младограмматиками с опорой на данные древних индоарийских языков (ведийского и классического санскрита) как содержащая четырехстороннее противопоставление (1) чистых глухих, (2) глухих придыхательных, (3) чистых звонких и (4) звонких придыхательных смычных [4, с. 52]:

1	2	3	4	
<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	(билабиальные)
<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	(дентальные)
<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	(палатальные)
<i>q</i>	<i>qh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	(велярные)
<i>q^h</i>	<i>q^hh</i>	<i>g^h</i>	<i>g^hh</i>	(лабиовелярные)

В нынешнем столетии широкое распространение получила точка зрения, согласно которой согласные, реконструировавшиеся в традиционной системе как придыхательные глухие, должны быть исключены из праиндоевропейского фоэемного инвентаря (подробнее см. [5, с. 69—71]). Система, получающаяся после изъятия согласных этой серии, не имеет, однако, типологических параллелей ни с одним из известных языков [6, с. 528; 7, с. 115]. Тем не менее постулирование в праиндоевропейском трехстороннего противопоставле-

ния (без глухих придыхательных) вместо четырехстороннего (с глухими придыхательными, как это было предложено младограмматиками) может считаться оправданным лишь из чисто структурных соображений.

Имеется также ряд проблем, связанных с согласными, которые традиционно реконструировались как чистые звонкие. Одна из них, обычно упоминающаяся в стандартных учебниках, — статистически слишком низкая частотность билабиального *b. В сущности и весь ряд чистых звонких характеризуется низкой частотностью по сравнению с согласными, реконструированными в классической системе как чистые глухие и звонкие придыхательные. Более того, смычные, традиционно восстанавливавшиеся в виде чистых звонких, редко встречаются в местоимениях и флексиях. Наконец, существует ограничение на структуру корня: наличие в нем двух чистых звонких запрещено.

Стремление устранить эти несоответствия привело к тому, что в начале 1970-х годов советские ученые Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов, а также американский лингвист П.Дж. Хоппер независимо друг от друга предложили полностью пересмотреть систему смычных, восстанавливаемых для праиндоевропейского периода. Отметив, что смычные, традиционно реконструированные как чистые звонкие, обладают, по-видимому, типологическими свойствами глоттализированных (эффективных) согласных, они предложили реинтерпретировать эту серию как серию эффективных смычных. В своей концепции, получившей известность как "глоттальная теория", Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов реинтерпретируют согласные, считавшиеся в классической системе чистыми глухими, как глухие придыхательные, оставляя без изменений серию звонких придыхательных. В этой интерпретации аспирация понимается как избыточный признак, и предполагается, что рассматриваемые фонемы могли быть реализованы как придыхательными, так и непридыхательными аллофонами в зависимости от парадигматических чередований в корневых морфемах. Система, предлагаемая Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым, может быть представлена следующим образом [8, с. 403]:

1	2	3	4	
p ^[h]		(p')	b ^[h]	(билабиальные)
t ^[h]		t'	d ^[h]	(дентальные)
k ^[h]		k'	g ^[h]	(палатальные)
k ^[h]		k'	g ^[h]	(велярные)
k ^{w[h]}		k ^{w'}	g ^{w[h]}	(лабиовелярные)

Реинтерпретация Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова и П.Дж. Хоппера позволяет предложить типологически естественные решения перечисленных выше проблем: (А) если смычные, традиционно считавшиеся чистыми глухими (стлб. 1), рассматривать как глухие придыхательные, то это снимает основывавшиеся на типологических соображениях возражения против постулирования в праиндоевропейском серии звонких придыхательных (стлб. 4), т.е. несоответствие, вызываемое исключением из системы согласных, традиционно реконструированных в виде глухих придыхательных (стлб. 2), в этом случае устраняется; (В) реинтерпретация смычных, считавшихся в классической системе чистыми звонкими (стлб. 3), как глоттализированных позволяет легко объяснить статистически низкую частотность билабиального согласного этого ряда, поскольку именно губно-губной характеризуется низкой частотностью (а иногда и полным отсутствием) в известных нам языках с эффективными согласными; (С) в этих языках эффективы обычно не бывают представлены в местоимениях и во флексиях; (D) во многих языках с эффективными согласными существует запрет на наличие двух эффективов в корне. Далее,

реинтерпретация, предложенная Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Ивановым и П.Дж. Хоппером, позволяет по-новому понять принципы, лежащие в основе "закона Грассмана" и "закона Бартоломэ". Наконец, следует заметить, что эта концепция существенно поддерживается данными германских, армянского и (довольно слабо изученных) фракийского и фригийского языков. В соответствии с традиционной реконструкцией считалось, что эти языки претерпели "передвижение согласных" (*Lautverschiebungen*); в свете же новой теории они справедливо рассматриваются как сохранившие более древнее состояние.

Система праиндоевропейских смычных, описанная выше, может быть рассмотрена как отражающая позднюю стадию развития. Для доанатолийского периода общиндоевропейского смычные, традиционно восстанавливавшиеся как звонкие придыхательные, должны быть реконструированы как чистые звонкие, а переход смычных этой серии в звонкие придыхательные можно считать более поздним явлением [3, с. 31—34], хотя звонкие придыхательные и следует постулировать для праязыка всех дочерних неанатолийских индоевропейских языков, а не только для праязыков греческого, итальянских, индоиранских и армянского, как я полагал раньше [5, с. 74—76]. То, что согласные данной серии в доанатолийский период общиндоевропейского не были придыхательными, будет показано ниже.

3. От праиндоевропейского к праанатолийскому. Три серии смычных, реконструированные для праиндоевропейской системы в предыдущем разделе, сохранились как самостоятельные ряды в праанатолийском. Это видно, например, из того, что звонкие и незвонкие веларные смычные по-разному отражаются в положении перед гласным верхнего подъема переднего ряда в языках лувийской ветви (иероглифическом и клинописном лувийском, а также в более позднем ликийском). Здесь незвонкие согласные сохраняются, а звонкие утрачиваются, например (формы, реконструируемые для праиндоевропейского), приводятся в соответствии с системой Гамкрелидзе—Иванова):

А. клин.-лув. *kiša-* "чесать" = хет. *kišai-* "чесать" — праанат. **k^hles-* "чесать" — доанат. праи.-е.¹ **k^hles-*. Неанатолийские соответствия: греч. *κέσκειν* (**kes-kes-*) "пакля"; церк.-слав. *češq, česati* "чесать".

В. клин.-лув. (ном. sg.) *(i-)iš-ša-ri-iš* "рука"; иероглиф. лув. (dat. sg.) *istri* "рука"; лик. *izri-* "рука" (все формы с утратой исходного начального веларного перед гласным верхнего подъема переднего ряда) = хет. (ном. асс. sg.) *ki-eš-šar* "рука" — праанат. **gēsar* "рука" — доанат. праи.-е.¹ **gēsr*. Неанатолийские соответствия: скр. *hāsta-h* "рука"; др.-перс. *dasta-* "рука"; авест. *zasta-* "рука"; лат. *praestō* (← **prae-hestōd*) "под рукой". Иероглиф.-лув. форма содержит эпентетический *i*.

Другим подтверждением этому, по-видимому, является отражение инициальных дентальных смычных в той же позиции в хеттском. В этом случае сохраняются глухие придыхательные и чистые звонкие, а чистые глухие (из более древних глоттализированных) переходят в *š*, как это видно из следующих примеров: хет. (dat.-loc. sg.), *šiwatti* "день" и (gen. sg.) *ši-(i)-ū-na-aš* "бог" = пал. (ном. sg.) *Ti-ya-az(-)* "имя бога Солнца"; иероглиф.-лув. *Tiwat-*, (adj.) *tiwātami-* "яркий, солнечный" — праанат. **iyēwat-* — доанат. праи.-е. **iyēw-*. Неанатолийские соответствия: скр. *dyáu-h* "небеса, небо; день", *devā-h* "бог"; греч. *Ζεύς* "Зевс", *δῖος* "похожий на бога, божественный"; арм. *tiv* "день"; лат. *diēs* "день", *deus* "бог"; др.-ирл. *die, dia* "день".

Дополнительные свидетельства в пользу рассматриваемого положения, вероятно, могут быть получены, как это пытался показать В.В. Шеворошкин [9], на материале позднеанатолийских ликийского и лидийского языков. Так, В.В. Шеворошкин считает, что праиндоевропейская система смычных имела

¹ Термин "доанатолийский праиндоевропейский" используется в настоящей статье для характеристики некоторого доисторического состояния индоевропейского языка-основы, предшествовавшего вычлениению в соответствующем ареале анатолийской ветви

в ликийском следующее развитие:

и.-е.	Милийский ивид.	Милийский сред.	Ликийский ивид.	Ликийский сред.
t	t-	-t-	t-	-t-
d	d-	-d-	dd-	-d-
dh	t-	-d-	t-	-d-

Однако некоторые факты, приводимые В.В. Шеворошкиным в качестве доказательства его точки зрения, ненадежны и использовать их следует с предельной осторожностью. Более того, имеются и другие ликийские данные, не упоминаемые В.В. Шеворошкиным, которые указывают на противоположную трактовку.

Мы располагаем достаточным количеством фактов дочерних анатолийских языков, указывающих на то, что три серии смычных, реконструируемые для фонологической системы индоевропейского праязыка, сохранили противопоставленность друг другу в праанатолийском. Нельзя при этом однозначно решить, были ли согласные серии 3 в праанатолийском глоттализированными, так как нет данных, которые бы на это указывали. Я полагаю, что согласные серии 3 в праанатолийском не были глоттализированными. Существенно то, что согласные серий 3 и 4 представлены в хеттском в срединном положении не удвоенными написаниями, а согласные серии 1 — удвоенными. Итак, праанатолийскую систему смычных, по всей видимости, следует реконструировать в следующем виде:

1	3	4
p[h]	p	b
t[h]	t	d
k[h]	k	g
k[h] _{w/u}	kw/u	gw/u

4. Хеттский. Хеттские тексты написаны силлабической клинописью, ведущей свое происхождение от древнеаккадской клинописи, использовавшейся в северной Сирии во II тыс. до н.э. [10, с. 91—92]. Более древняя силлабическая клинопись не была приспособлена для передачи аккадского и в еще меньшей степени — хеттского языка. Древнеаккадские глухие, звонкие и эмфатические согласные не различались на письме, хотя постепенно и вырабатывались приемы для отражения в письменных текстах большинства аккадских фонологических противопоставлений. Это важно иметь в виду, поскольку даже после того, как аккадские писцы стали использовать разные знаки для передачи слогов с глухими//звонкими//эмфатическими согласными, не было предпринято попыток использовать те же приемы для обозначения противопоставления хеттских глухих/звонких смычных. Из этого следует заключить, что хеттские писцы не считали необходимым обозначать данное противопоставление, в чем бы ни состояла его фонетическая сущность.

Что же тогда означают (и вообще, означают ли что-нибудь) удвоенные написания срединных смычных, если не контраст по глухости/звонкости? Получить ответ на этот вопрос помогает обращение к праанатолийской системе смычных в том варианте, как она была реконструирована выше. Согласные серии 1 отличаются здесь от согласных серии 3 наличием придыхания, а от согласных серии 4 — еще и отсутствием голоса, в то время как смычные серий 3 и 4 противопоставлены друг другу лишь по глухости/звонкости. И если только согласные серии 1 передаются удвоенными написаниями в срединной позиции, то, видимо, именно аспирацию писцы считали существенным признаком хеттских смычных. Это означает, что согласные серии 4 не были придыхательными, иначе и они обозначались бы в

данном положении при помощи удвоенных написаний. Это значит также, что противопоставление удвоенных и простых написаний не могло отражать контраста по наличию/отсутствию голоса, поскольку в таком случае согласные серии 3 тоже передавались бы при помощи удвоенных написаний. В действительности же для обозначения согласных серий 3 и 4 в срединной позиции используются только простые написания. Следует заметить, что первым предположение о том, что удвоенные написания смычных в срединной позиции отражают наличие придыхания, высказал Т.В. Гамкрелидзе: "Придыхательные смычные передавались в хеттской клинописи при помощи удвоенных написаний, в то время как простые написания использовались для обозначения чистых согласных" [10, с. 94].

Позднее Т.В. Гамкрелидзе посвящает детальному анализу хеттского консонантизма специальную работу [11]. В частности, он отмечает: «В свете изложенных фактов правило Стертеванта приобретает совсем иное содержание: Графическое удвоение смычных используется для обозначения не просто глухих, а соответствующих придыхательных форм, в то время как простые написания отражают непридыхательные согласные.

Итак, мы можем сформулировать вывод о том, что в хеттской фонологической системе было две серии смычных: придыхательные согласные, обозначавшиеся графическим ударением, с одной стороны, и непридыхательные, передававшиеся простыми написаниями, с другой.

Три серии праиндоевропейских смычных: 1) глоттализированные, 2) звонкие (придыхательные) и 3) глухие (придыхательные) редуцировались в хеттской фонологической системе в две серии, противопоставленные по наличию/отсутствию аспирации. В хеттском придыхательность (напряженность) — единственный различительный признак смычных, не связанный с исходным противопоставлением по глухости/звонкости, бывшим релевантным в праиндоевропейской системе. Корреляция праиндоевропейских звонких/глухих/глоттализированных смычных замещается в хеттской фонологической системе корреляцией по признаку "придыхательность" (напряженность).

Аспирация, которая была фонологически иррелевантна для праиндоевропейских фонем серий 3 и 4, становится фонологически существенным признаком в хеттской системе смычных. В ходе эволюции праиндоевропейской системы согласные серий 1 и 2 объединились в серию непридыхательных смычных, противопоставленную серию придыхательных, восходящих к праиндоевропейским глухим (придыхательным) серии 3.

После заимствования аккадской клинописи две серии хеттских смычных — простые и аспирированные — стали обозначаться не при помощи знаков глухих и звонких смычных, поскольку данные согласные не различались на письме в аккадском, а при помощи удвоенных и не удвоенных написаний соответствующих звуков. Соответственно, *простое* написание использовалось для передачи *чистых* смычных, в то время как для обозначения хеттских *придыхательных* (напряженных) был найден новый способ — *удвоение* соответствующих написаний; тем самым проблема графической дифференциации простых и аспирированных смычных была решена» [11, с. 78—79].

Все это не позволяет, однако, объяснить картину в целом, так как нуждаются в интерпретации и исключения из "закона Стертеванта". Поскольку в хеттских формах представлены удвоенные написания смычных в срединном положении, которым в других и.-е. языках в этимологически родственных словах соответствуют срединные звонкие (или их эквиваленты, восходящие к праиндоевропейским глоттализированным или звонким придыхательным), то из этого следует, что аспирированность не могла быть различительным признаком. Обратимся вновь к списку исключений (праиндоевропейские фонемы транскрибируются в соответствии с системой Гамкрелидзе—Иванова со ссылками на традиционную реконструкцию):

А. хет. *ú-uk-ga* "я": в данном случае это частица, присоединяемая к основе [1, с. 103, разд. 179a], так что в действительности мы имеем дело с геминацией: праи.-е. **H₁lek-+k'e/o* (в традиционной системе **H₁leḡ-+*-ge/o*) — протоанат. **ek + ka* → хет. (с аналогическим *u*) **uk + ka*. В греческом эта частица отражается в виде *-ye*, по диалектам *-ya*.

В. хет. флексия 2 pl. pret. *-ddumma*, например, *i-ya-at-du-ma* "ты ушел": здесь глагольная основа реконструируется, по-видимому, в виде **H₁iy-eH₄-* [1, с. 34, разд. 61]; Пухвел [12, 1/2, с. 334—335], однако, считает *iya* тематической основой, сопоставимой с вед. 3 sg. pres. *ayate*, и выводит ее из исходного **eyo-* и к ней присоединяется флексия **-dum-* (в традиционной системе **-dhum-*). Вероятнее всего, второй ларингал (утратившийся как самостоятельная фонема в хеттском) объединился с последующим ден-тальным, что дало геминату. Таким образом, в данном случае удвоенное написание указывает на исходный ларингальный, который оставил след в виде геминации последующего взрывного.

С. хет. (3 sg. pres.) *pld-da-i, pad-da-i* "копать": здесь праи.-е. основа **bed-/*bod-* (в традиционной системе **bhedh-/ *bhodh-*), и к ней присоединяется ларингальный суффикс: **bed- + *-H-*. В данном случае гемината является результатом слияния ларингала с предшествующим взрывным.

Д. хет. (acc. *-dat. sg.*) *am-tu-uk-ga* "мне" (также *am-tu-uk, am-tu-ga, am-tu-ug-ga, am-tu-uq-qa, am-tu-uk-ga*): здесь, как и в первом случае, геминация — результат присоединения частицы к основе.

Е. хет. (nom. sg.) *me-ik-ki-iš* "большой": аналогично третьему случаю — начальный ларингальный согласный суффикса в сочетании с предшествующим взрывным дает геминату: праи.-е. **mek-* (в традиционной системе **meḡ-*) + **-Hi-* → хет. **mekkis*.

5. Заключение. В соответствии с проведенным анализом "закон Стертеванта" необходимо реинтерпретировать в следующем виде: удвоенное написание срединного смычного обозначает согласный в сочетании с придыханием или геминацией, а простое написание используется для передачи обычного, чистого, простого смычного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sturtevant E.H.* A comparative grammar of the Hittite language. 2-nd ed. V.I. New Haven, 1951.
2. *Kronasser H.* Etymologie der hethitischen Sprache. Bd 1. Wiesbaden, 1968.
3. *Bomhard A.R.* Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam, 1984.
4. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. B., 1904 (перинт — 1970).
5. *Bomhard A.R.* The aspirated stops of Proto-Indo-European // *Diachronica*. 1986. III. 1.
6. *Jacobson R.* Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics // *Jacobson R.* Selected writings. V. I. The Hague, 1971.
7. *Martinet A.* Économie des changements phonétiques. 3-me éd. Bern, 1970.
8. *Gamkrelidze Th.V.* Linguistic typology and Indo-European reconstruction // *Linguistic studies offered to Joseph Greenberg / Ed. by Juillard A. V. 2. Saratoga, 1976.*
9. *Shevoroshkin V.* Indo-European consonants in Anatolian // *A linguistic happening in memory of Ben Schwartz: Studies in Anatolian, Italic and other Indo-European languages / Ed. by Arbeitman. Y. Louvain-la-Neuve, 1988.*
10. *Gamkrelidze Th.V.* Hittite and laryngeal theory // *Pratidānam: Indian, Iranian and Indo-European studies presented to Franciscus Bernardus Kuipers on his 60-th birthday. / Ed. by Heesterman J.C., Schokker G.H. and Subramoniam. V.I. The Hague, 1968.*
11. *Gamkrelidze Th.V.* Problems of the consonantism of the cuneiform Hittite language // *Societies and languages of the Ancient Near East: Studies in honour of I.M. Diakonoff / Ed. by Postgate J.N. Warminster, 1982.*
12. *Puhvel J.* Hittite etymological dictionary. V. 1—2. The Hague, 1984.

Перевел с английского Князев С.В.

© 1992 г. РЯБЦЕВА Н.К.

МЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

"Разуму труднее погружаться в самого себя, чем идти вперед"

Лаплас

Теория речевых актов возникла благодаря открытию перформативных высказываний. Это тип автореферентных предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и действительностью; они истинны в силу факта их произнесения. Сказать *Обещаю, Отказываюсь, Благодарю, Ухожу в отставку* значит выполнить одноименное действие и продемонстрировать целенаправленное поведение [1, 2] и др.). Это поведение связано с определенной социальной ролью, нормами поведения, общепринятыми церемониями или конвенциями (ср. термин "перформативные неудачи" в [1, с. 35]), поэтому такие перформативные высказывания было бы более точно назвать социологизированными перформативными речевыми актами. Тогда станет очевидным факт, что под эту квалификацию подпадают не все перформативные высказывания. В речевом акте можно выполнить не только социальное ("ритуальное") действие (ср.: *Объявляю митинг открытым*), но и ментальное, например, *выдвинуть гипотезу, ввести понятие, обосновать теорию, дать определение* и т.п.

Теории ментальных речевых актов пока нет, хотя ясно, что высказывания вида *Напомню, что (речь идет об отождествлении имен, не связанных синтаксически), Допустим, что (сопротивление воздуха равно нулю)* суть акты напоминания и допущения, относящиеся не к поведению, а к размышлению, и что это тип предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и мышлением, а не действительностью. *Прийти к выводу, извлечь следствия, построить доказательство, сделать допущение* и подобные им (рече)мыслительные действия сходны с остиновскими экспозитивами, о которых он писал: "... они невероятно многочисленны и важны, их легко причислить к другим классам, хотя есть в них в то же время некая уникальность, в которой я даже самому себе не отдаю ясного отчета" [1, с. 120]. Эта уникальность состоит в том, что подобные ментальные действия должны быть вписаны не в социальное поведение, а в "когнитивное", т.е. в рассуждение, в интенциональный (эпистемический) контекст.

Такие фразы, как *Отвлечемся (от параметра P), Определим (трансформации как такие преобразования лексем, при которых P), Вернемся (к пропозициональной семантике)* и им подобные, мы будем называть ментальными перформативными высказываниями, или просто ментальными перформативами. (Ментальными перформативами удобно также называть сами глаголы, выполняющие роль сказуемого главного предложения в таких высказываниях. Эта омонимия легко снимается контекстом). Анализ ментальных перформативов естественнее всего проводить на материале научных текстов. Они являются в большей степени, чем какие-либо другие, рассуждениями.

Научный текст используется в лингвистике больше как материал, чем объект исследования. Он обычно изучается в стилистическом или в терминологическом плане. Не менее важным может стать когнитивный подход, задача

которого — анализ воплощения в научном тексте мыслительных действий познающего субъекта.

Ментальные перформативные высказывания отличаются от "традиционных", социальных перформативов грамматической формой, составом формирующих их глаголов, сферой употребления и функциями, выполняемыми в дискурсе.

1. Грамматические формы и состав ментальных перформативных высказываний

1. Перформативные формулы. Каноническая форма перформативного высказывания — со сказуемым в I л. ед. ч. наст. вр. актива индикатива (например, *Я советую Вам посмотреть этот спектакль*) — не характерна для научного дискурса, ср.: **Настоящим я объявляю гипотезу проективности несостоятельной*. В нем сложились свои стандартные формулы (значение которых, однако, совпадает с каноническим):

(1) с глаголом не в настоящем, а в будущем времени и чаще всего во мн. ч., ср.: *Назовем/Будем называть ("Я называю") эту переменную "актант"; Перейдем ("Я перехожу") к анализу последнего примера; Условимся понимать под переводом процесс P;*

(2) с глаголом, подчиненным модальному слову, ср.: *В связи с этим следует подчеркнуть ("Я подчеркиваю"), что понятие аномалии не вполне симметрично в своем отношении к говорящему и слушающему; Прежде чем предлагать собственное решение, необходимо сделать замечание ("Я делаю замечание"), что P;*

(3) в качестве варианта модального слова может выступать предикат рациональной оценки или психологической установки, ср.: *Полезно помнить ("Я напоминаю"), что P; Нелишне повторить ("Я повторяю"), что P; Стоит подчеркнуть ("Я подчеркиваю"), что P; Компоненты первого класса удобно назвать ("Я называю") конструктивными компонентами. Аналогичные конструкции характерны и для "социологизированных" перформативов, только вместо предикатов рациональной оценки в них, как правило, используются предикаты внутреннего (эмоционального) состояния, ср.: *Рад сообщить / Счастливы поздравить / С сожалением признаю, что P;**

(4) с деспричастным оборотом, ср.: *Соглашаясь ("Я соглашаюсь") с этим мнением, укажем, что оно верно для ограниченного круга конструкций; Называя это явление x-ом, мы имеем в виду P; Принимая ("Я принимаю") эту концепцию в целом, оговоримся, что P; Резюмируя проведенное выше обсуждение, отметим, что можно различать три следующих типа валентностей...;*

(5) с безличными конструкциями, ср.: *Представляется, что P; Теперь становится ясно, что P; Имеются в виду ("Я имею в виду") синонимические конструкции.*

Перечисленные грамматические варианты перформативных высказываний в научном изложении нейтральны. В социологизированной же речи они, напротив, маркированы как более официальные, "церемониальные", вежливые и т.п. [1, с. 60]. Важно, что значение всех перформативных формул неизменно: "... когда перформативы употребляются в формах будущего времени или сослагательного наклонения, они не имеют никаких собственных значений этих форм" [3, с. 215]. Это обусловлено тем, что "перформативным является любое высказывание, произнесение которого говорящим равносильно однократному выполнению действия, обозначенного в этом высказывании группой сказуемого" [3, с. 219].

2. Состав ментальных перформативных высказываний. Состав группы сказуемого в ментальных перформативах также имеет свою специ-

фику. В зависимости от состава группы сказуемого все перформативные высказывания распадаются на три вида:

(1) группа сказуемого не способна ни свертываться, ни распространяться (часто выражается фраземой), например: *Подаю в отставку, Прошу слова* и т.п. Соответствующие перформативные высказывания связаны с церемониями, ритуалами, нормами поведения и т.п.;

(2) группа сказуемого способна и распространяться, и свертываться, например: *Прошу прощения (что заставил всех ждать), Клянусь (что никогда не буду писать стихов)*. Соответствующие перформативные высказывания часто связаны с диалогом и выполняют в нем роль ответных реплик — реакций на предыдущий (речевой) акт. Их эллиптичность компенсируется речевым или прагматическим контекстом, ср.: — *Прощаю*; — *Возражаю*; — *Сочувствую*; — *Поздравляю*; — *Согласен*;

(3) группа сказуемого не допускает сворачивания, ср.: **Советую, *Объявляю, *Объясняю, *Желаю*. В нее входит глагол пропозициональной установки с обязательной сентенциальной (пропозициональной) валентностью (семантической и/или синтаксической), которая должна быть заполнена. Соответствующие перформативные высказывания содержат сентенциальный аргумент (например, номинализацию), без которого они неполны, точнее, "недействительны".

Специфика ментальных перформативных высказываний заключается в том, что в состав их группы сказуемого входит, как правило, предикат, выполняющий роль пропозициональной установки. Он вводит эксплицитный сентенциальный компонент — такой, что может составить самостоятельное высказывание, например: *Назовем эту переменную актантом* = "эта переменная — актант". Причем этот компонент часто состоит не из одного, а нескольких (или даже большого количества) высказываний (ср. такие интеллектуальные действия, как выдвижение гипотезы, обоснование вывода, введение понятия, доказательство, приведение фактов, резюмирование и мн. др., составляющие элементы рассуждения).

Это свойство не столь уж и уникально. Содержание, например, клятвы тоже может состоять и из одной фразы, и из целого текста (или одного *Клянусь*). Различие же в том, что вторая граница — конец перформативного высказывания — у клятвы или другого "социального" акта более очевидна, чем у ментальных перформативов. Ведь последние составляют лишь часть рассуждения, а в нем эксплицитно помечаются и разграничиваются не все логические шаги.

В ментальных перформативах распространенный сентенциальный аргумент часто разбивается на несколько предложений, а вводящая их фраза содержит слово *следующий* (ср. в "социальных" речевых актах употребление слова *настоящий*: *Настоящим уведомляю, что Вы уволены*) и заканчивается точкой или двоеточием, ср.: *Приведем следующие примеры: А, В, С; Мы приходим к следующим выводам. А. В. С.* Например, *В категорию т-терминов целесообразно включить ("Я включаю") еще один класс терминов. Это термины типа: свойства, отношения...* Причем без второй части (*А, В, С*) такой ментальный акт будет "недействительным". Кроме того, в состав ментального перформатива могут входить высказывания, выраженные особыми семиотическими средствами: формулами, таблицами, графиками и т.п., представляющими собой закодированный текст, ср.: *Произведем следующие расчеты: А; В; С; Эти данные можно представить в виде таблицы, см. Таблицу 1* (\approx "Я представляю эти данные в виде таблицы: Т / Вот эта таблица: Т").

Такое подробное описание состава ментальных перформативов вызвано тем, что без учета всего относящегося к ним текста и характера контекста-рассуждения невозможна их идентификация. Так, высказывания вида *Рассмотрим второй пример, Сравним эти две формулы, Представим полученные данные в виде таблицы* могут быть восприняты как дескриптивные, а не перформ-

мативные. О том, что семантические пропозициональные валентности в этих высказываниях не заполнены, свидетельствует то, что после них можно поставить двоеточие, и то, что эти фразы нельзя поместить в конец текста: они не самостоятельны. Похожие на них неперформативные высказывания требуют последующего или одновременного физического, а не речевого действия, ср.: *Рассмотрим этот вопрос: Р — Рассмотрим эту картину; Перейдем к следующему примеру: Р — Перейдем в следующий зал; Сравним эти две формулы: Р — Сравним размеры этих карандашей.* Для первых примеров в этих парах естествен речевой контекст (рассуждение), для вторых — "предметный" — с настоящими картинами, залами, карандашами, на которые будет направлено соответствующее физическое действие. Вне такого предметного контекста эти фразы не могут быть произнесены. Противопоставленные им фразы вписаны в интенциональный контекст — они означают не физическое, а интеллектуальное действие с объектами, содержащимися в них самих, поэтому эти фразы можно произнести и, соответственно, проделать указанные ментальные операции независимо от предметных условий. Напротив, сказать *Шах!* не значит создать соответствующую игровую ситуацию, а создание соответствующей комбинации фигур на шахматной доске может и не сопровождаться этим высказыванием (ср. [3], а также расширение состава перформативных формул за счет учета интонации и [4]).

Забегая несколько вперед, отметим, что употребляемые в переносном — "интенциональном" — значении глаголы, обозначающие в прямом значении физические или перцептивные действия, приобретают и новые грамматические свойства, в частности, валентность на пропозициональный акцент, ср.: *Отметим уровень воды* = "поставим (физически) метку" — *Отметим, что (мы говорили здесь не о закономерностях, а о тенденциях* = "выделяем мысленно"); ср. еще: *подчеркнуть карандашом* — *подчеркнуть, что; выдвинуть ящик стола* — *выдвинуть гипотезу* (как минимум произнести ее). Поэтому слова *рассмотрим, перейдем, сравним* в приведенных выше парах имеют разные значения и грамматические свойства.

Учет контекста важен еще в одном отношении. Многие перформативные высказывания вне контекста рассуждения также воспринимаются как дескриптивные, например: *Эту идею следует считать (плодотворной); Имеются в виду (синонимичные конструкции); Представляется, что Р, Следует помнить / Легко убедиться, что Р; Можно привести пример; X можно рассматривать ("считать") как Y* и мн. др. Это объясняется их составом: глаголы *считать, помнить, рассматривать как, представлять себе, видеть* и др. стативны; модальная рамка в таких высказываниях неоднозначна; в состав таких формул могут входить слова типа *обычно, всегда, в таких случаях, вообще говоря, часто* и пр. Но в контексте рассуждения такие высказывания могут обозначать логический шаг, смену (изменение) ментального состояния, "текущую интеллектуальную операцию" (см. об этом ниже) и потому приобретают смысл действия — элемента рассуждения. В этом случае в их состав могут входить показатели дейксиса к текущему шагу рассуждения — со значением "на данном этапе рассуждения": *здесь, теперь, сейчас* и т.п.; такие высказывания употребляются перформативно, ср.: *Мы исходим (обычно/всегда vs. в данном случае) из того, что лексическая система в известном смысле повторяет эволюцию природы...; Здесь следует помнить [≈ "Настоящим напоминаю"], что Р vs. Всегда следует помнить, что Р; Можно сделать вывод [вообще] vs. Можно теперь сделать вывод [≈ "Я делаю вывод"], что различать и фиксировать в языке представления знаний, типы референции имен нет необходимости* (Рубацкин).

Таким образом, по отношению к ментальным перформативным высказываниям справедливы вывод Ю.Д. Апресяна о том, что "...перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом. Поэтому в сос-

таве таких формул перформативными становятся и другие глагольные формы и даже неглагольные лексемы" [3, с. 211]¹. По сравнению с социологизированными перформативными высказываниями в состав ментальных может входить гораздо более широкий круг глаголов.

3. Классы глаголов, способные формировать ментальные перформативные высказывания. Глаголов, обозначающих физические действия, в словаре на несколько порядков больше, чем обозначающих собственно мыслительные операции. Вероятно, это вызвано тем, что последние не даны человеку "в ощущениях" (непосредственно не наблюдаемы и не "испытываемы") и потому трудны для фиксирования и изучения. К глаголам, описывающим собственно ментальные операции, относятся: *вспомнить, вычислить, запоминать, классифицировать, обобщать, отождествлять, осмысливать, характеризовать, представлять, соотносить, резюмировать, учитывать, думать, анализировать, систематизировать* и др.

Многие мыслительные действия описываются глаголами, которые в прямом значении не обозначают ментальных операций, но каким-то образом с ними связаны — это иллокутивные глаголы, глаголы (перцептивного) восприятия, а также обозначающие "семиотические" действия, ср.: *возразить, оспорить, отвергнуть, согласиться, оговориться, усматривать, взглянуть, выделить, подчеркнуть* и т.п.

Подавляющее большинство выражений, описывающих интеллектуальную деятельность, построено метафорически. Неявная и почти не осознаваемая метафоризация вообще чрезвычайно свойственна человеческому осмыслению мира ненаблюдаемых сущностей [5], а такие объекты, как идеи, мысли, гипотезы, допущения, представления, — наверное, самые "ненаблюдаемые". С лингвистической точки зрения человек обращается с ними, как с физическими предметами, ср.: *подать идею, прийти к мысли, построить доказательство, выдвинуть гипотезу, ввести понятие*.

Значение многих "физических" глаголов (т.е. обозначающих физические действия) способно проецироваться на мыслительную сферу и описывать интенциональные операции. Примечательно, что глаголы со значением "проводить научное исследование" типа *рассматривать, исследовать* (ср. *след*), *показывать* и др. также "произошли" от глаголов перцептивных и физических действий; ср.: *рассматривать фотографию* (= глазами) — *рассматривать проблему* ("мысленно"), *показать дорогу* (рукой) — *показать, почему* (референция не равна смыслу) (= "объяснить").

Как уже отмечалось, приобретая новое — интенциональное — значение, глаголы изменяют и свои грамматические свойства: они обретают способность подчинять пропозициональный аргумент и/или его номинализации — "интенциональные переменные" типа *мысль, идея, гипотеза, доказательство, прогноз, концепция, понятие, рассуждение, вопрос* и т.п. (ср. **переставить мысли, *согнуть вопрос*). Значения таких глаголов в интенциональном контексте приближаются к лексическим функциям (параметрам) в смысле [6], "взятым" от интенциональных переменных, с которыми они образуют устойчивые словосочетания, например, *прийти к выводу, построить теорию, выдвинуть гипотезу, привести аргументы, подкрепить фактами* и т.п.

Метафорический способ концептуализации ментальных явлений (как и эмоциональных, ср. [7, с. 93—110]) приводит к формированию "парадигм", в рамках которых мыслительная деятельность репрезентируется то как разнообразные механические действия, то как биологический или химический процесс, то как работа компьютера ("компьютерная метафора"), ср.: *выдвинуть ги-*

¹ Ср.: *Прения!* ≈ "Объявляются прения", *Пример: Р* ≈ "Привожу пример: Р"; *Пари!* ≈ *Держу пари*, *Мораль: Не зная броду, не лезь в воду* ≈ "Вывожу мораль: Р"; *Объявление: Концерт переносится на 20 ч.* ≈ "Объявляю: Р".

потезу — подкрепить фактами — построить доказательство — прийти к выводу; генерировать идеи; плодотворная гипотеза; ассимилировать мысль, зафиксировать в памяти. Из такого положения дел, вообще говоря, вытекает целый ряд следствий [8]. Здесь важно следующее: на количество таких парадигм не наложены ограничения. Соответственно, практически любой глагол, в метафорическом употреблении приближающийся по значению к лексическому параметру от "интенциональной переменной", может войти в состав ментального перформативного высказывания. Поэтому список глаголов — ментальных перформативов вряд ли можно исчерпывающе задать.

Ниже приводятся классы глаголов, способных формировать ментальные перформативные высказывания, наиболее характерные перформативные формулы и примеры из научных текстов (для экономии сокращенные; разрядкой нами выделены ментальные перформативы).

(1) Иллокутивные глаголы (собственно перформативы): (Следует) оговориться, уточнить, возразить, опорить, отвернуть, признать, согласиться, прокомментировать, осудить, ответить (P/что P); Выскажем следующее предположение: P; Для P предложим следующую формулировку: V; Упомянем (для сравнения), обсудим, добавим, дополним (этот результат: P/ что P); Прочитываем P: "A"; Выразим эту мысль иначе: P; Назовем (Условимся называть) x "P"; Договоримся (использовать термин T только в узком значении); Мы подтверждаем эту точку зрения; От этой идеи следует отказаться; Признаем эту мысль справедливой. Примеры: "Итак, подводя итоги, можно утверждать, что реалистическая точка зрения на природу пропозициональных денотатов имеет определенные перспективы..."; «С этой точки зрения правомерно поставить вопрос так: каков денотат термина "мысль"» (Переверзев); "К сказанному добавим, что задача изучения содержания книги, статьи и т.п. ... на самом деле выходит за пределы собственно библиографии"; "Приступая к характеристике анкетных методов, уточним, что они подразделяются на два вида: адаптивные и позиционные" (Леонов).

(2) Собственно ментальные глаголы: Обоснуем, определим, суммируем, напомним, постулируем, проанализируем, охарактеризуем P; Следует помнить / Не следует забывать (= напоминание), учитывать, иметь в виду, что P; Под P мы понимаем C (\approx "давать определение"); Подумаем, следует ли P; Можно убедиться, что P: A / помыслить три возможности: A, B, C; Сравним примеры A, B, C: P; Резюмируя / заключая, P; Запомним значение этой переменной; Приходим к выводу / заключению, что P; Вычислим P: A, B, C. Примеры: "Можно думать ("Я выражаю мнение"), что в подобных случаях единственным адресатом остается некий неопределенный "наадресат"; "Если принять во внимание (= "Я принимаю во внимание") мнение ряда лингвистов о происхождении славянского повелительного наклонения из опатива, то можно заключить ("Я заключаю"), что это значение в поэтической речи постоянно возрождается в форме повелительного наклонения" (Ковтунова).

(3) "Миропорождающие" предикаты: Допустим, предположим, представим, вообразим, положим, что P; Будем считать, что P. Примеры: "Можно предположить, что оценочные структуры с прилагательными находятся на грани двух сфер — семантики и прагматики. Исходя из этого..." (Вольф); "Допустим, что указание на процессуальность в толкование перформативов не входит" (Апресян).

(4) Перцептивные глаголы (и глаголы, связанные со зрительным восприятием): Покажем, продемонстрируем, рассмотрим (, что) P: A, B, C; Здесь мы усматриваем P; (Это определение) следует пересмотреть: P; Осветим этот вопрос более подробно: A, B, C; Этот вопрос можно прояснить следующим образом: P; Заметим (попутно), что P; Взглянем на этот вопрос иначе: A, B, C. Примеры: "Заметим, что в этих метафорах осуществляется

перенос номинации по некоторым внешним признакам предметов"; "Проследившая употребление термина *словообразовательное гнездо*, мы видим, что он притягивает к себе слова той же лексической и семантической сферы. Появляются термины *гнездовой...*; *родственный...*" (Никитина).

(5) "Семантические" глаголы: *Следует отметить, подчеркнуть, выделить (мысль о том), что Р* (ср. *выделенный шрифт*); *Обозначим х "Р"*. Примеры: "Пользуясь этим обозначением, мы можем записать (8) в следующей символической форме: (х) S (х)" (Столл); "Подчеркнем еще раз, что эту иллюкативную функцию *знать* имеет только при условии управления придаточным предложением, вводимым союзом *что*" (Апресян); "Укажем некоторые факты. (1)...(10)" (Падучева).

(6) Фазисные (инцептивные и др.) глаголы: *Начнем с того, что Р; Займемся теперь Р: А, В, С; Приступим к (тому, что) Р; Перейдем к объяснению Р: А, В, С; Ограничимся (указанием на то, что) Р; Закончим / завершим исследование тем, что Р; Вернемся к определению А: Р*. Примеры: "Приступая к характеристике анкетных методов, уточним, что они подразделяются на два вида: адаптивные и позиционные" (Леонов); "Переходя к другим возможностям, заметим, что словосочетания *высокий человек — человек высокого роста* не во всем подобны словосочетаниям *красный ящик — ящик красного цвета*"; "Возвращаясь к рассматриваемой работе, отметим в заключение, что в ней был впервые поставлен вопрос о словарях анализа и синтеза" (Апресян).

(7) "Физические" глаголы (глаголы, в прямом значении обозначающие физические действия, а в переносном приближающиеся к лексическим параметрам от "интенциональных переменных" — *идея, мысль, гипотеза, вывод* и т.п.): *вести* (понятие, соглашение, термин, обозначение и др.), *выдвинуть* (гипотезу, предположение, мнение, пр.); *извлекать* (следствие, мораль, вывод и др.); *построить* (теорию, рассуждение, доказательство, определение, модель, схему, таблицу и др.); *делать* (вывод, заключение, предположение, прогноз и др.); *прийти* (к выводу, мысли, заключению и др.); *обратить* (внимание, взгляд); *обратиться* (к фактам, мыслям, истории и др.); *получить* (вывод, результат, доказательство, свидетельство и др.); *задаться* (вопросом); *подвести* (итог, черту); *принять* (мысль, взгляд, точку зрения, идею, доказательство, определение, постулат и др.); *предложить* (определение, доказательство, решение вопроса, формулировку, толкование, интерпретацию и др.); *внести* (предложение, уточнение и др.); *привести* (факты, аргументы, примеры, доказательство, определение, рассуждение, интерпретацию и др.); *Положим в основу (наших рассуждений) сведения о том, что Р*; *Подойдем к этой проблеме с другой стороны: Р*; *Выберем второй путь анализа Р*; *Воспользуемся методом Р: А*; *Введем элемент К (в предложение Р: А)*; *Поддерживая эту мысль, отметим, что Р*; *Разберем пример (ответ, аргументы, доказательство Р): А, В, С*; *Оставим (пока) этот вопрос открытым (в стороне тот факт, что Р)*; *Будем исходить из предположения, что Р*; *Подкрепим наш вывод следующими аргументами: А, В, С*; *Сосредоточим наше внимание на Р: А, В, С*; *Уделим особое внимание Р: А, В, С*. Примеры: «Существенно обратить внимание на то, что квантификация при помощи *все/весь* оказывается успешной, только если "объемлющее" множество известно адресату речи" (Булыгина, Шмелев); "Мы введем строчные латинские буквы $x_1, x_2...$ в качестве специальных, ограниченных множествами, переменных" (Мендельсон).

Перечисленные характеристики ментальных перформативных высказываний — формулы, состав и типы глаголов — не являются специфической чертой рассуждения на русском языке. Аналогичные высказывания используются в научных текстах на других языках, ср. английские примеры: *It may be added that Р*; *Next, let us consider Р*; *Consider this sentence: Р*; *Suppose, someone*

says P; It may well be admitted that P; Now, since the supposition A cannot be disconfirmed, we now see that it was wrong to assume that P; Rather, we would assume that P; We immediately realize that P; To see this, we only have to imagine P; First, let us assume that P; Let us proceed to consider the notion P; I conclude from this that P; Ignoring Q, we may propose: P; It is good to add that P; It must be added that P; Next, let us proceed to discuss the question P; At this point it may be useful to offer an analogy: P; Finally I wish to emphasize that P; To sum up the argument of the previous paragraph, P; It has become clear by now that P.

II. Роль ментальных перформативов в структуре рассуждения

Ментальные перформативы — один из наиболее "чистых" метатекстовых компонентов научного дискурса. Этот факт неоднократно отмечался (Лич, Вежбицка, Апресян и др.). Но их роль не ограничивается "пометками на полях" или комментариями к тексту [9, с. 403]. Помимо метатекстовой, на них лежит, в первую очередь, риторическая нагрузка, связанная с организацией структуры рассуждения. Поэтому, вопреки ожиданиям, эти пометки нельзя "стереть".

1. Перформативная схема научного текста. Научный текст (рассуждение) имеет свой "сюжет". В нем есть "завязка" — начало, вводная часть, "развитие сюжета" — экспозиция — различные и разнообразные логические ходы, шаги, переходы, возвраты, отступления от главной линии рассуждения, полемика, аргументация, уточнения и т.п. "Кульминация" — заключительная часть — это выводы, итоги, окончательные суждения о результатах. Такие логические шаги можно сравнить с событиями, а переход от одного "события" к другому — с поворотом сюжета. Все составляющие "сюжета" могут помечаться, и часто помечаются, ментальными перформативными высказываниями.

"Завязка сюжета" обычно предполагает введение объекта научного исследования (предмета, явления, свойства, отношения и пр.) и соответствующих конвенций, т.е. исходных соображений, договоренностей об используемых терминах; постулатов, допущений, сокращений и т.п. При этом производится идеализация объекта и абстрагирование некоторого его свойства А, относительно которого делается предположение, например, о его существенности. Рассуждение начинается, таким образом, с установления связи между объектом и мыслями о нем. Ср.: *Начнем с того, что сформулируем некоторые исходные представления о P: A, B, C; Под P будем понимать...; Будем использовать символы A, B, C для обозначения P₁, P₂, P₃; Возьмем в качестве примера высказывание P; условимся обозначать "бесконечное число" константой c; Будем считать сопротивление воздуха несущественным.* Завершает этот этап рассуждения или вопрос, -указывающий на предмет исследования, или собственно формулировка предмета (цели, задачи, проблемы исследования): *Охарактеризуем (Опишем, Рассмотрим) объект P как систему (в его функциях, с точки зрения его структурных свойств).* Ср.: *Речь пойдет об освобождении логики от приписываемых ей претензий на принудительный характер ее законов (Белянин).*

Собственно "развитие сюжета" складывается из многочисленных "событий" — операций над мыслями об объекте, которые выстраиваются в линию его "идеальной жизни". Высказывается некоторая гипотеза, например, относительно его свойства А, и далее она уточняется, раскрывается, обосновывается, отвергается и т.п. Переход от одной мысли к другой осуществляется при помощи "интенциональных переменных": *мысль, идея, соображение, предположение, понятие, суждение; теория, определение, объяснение, взгляд, точка зрения,*

противопоставление, правило, замечание, сомнение, вопрос, интерпретация и мн. др. [Они, правда, могут опускаться, если эксплицитно выражен соответствующий им пропозициональный аргумент, ср.: *Подчеркнем (мысль о том), что педагог...*] Их вводят, рассматривают, высказывают, цитируют, отвергают, уточняют, подерживают, формулируют, излагают, доказывают, объясняют, обсуждают, обосновывают, развивают, принимают, переформулируют, пересматривают и пр. При этом используются специальные ментальные "инструменты" — доводы, подтверждения, факты, аргументы, примеры, данные экспериментов, свидетельства и мн. др. На них ссылаются, их приводят в поддержку своих мыслей или в опровержение чужих соображений.

Таким образом строится система доказательства гипотезы относительно свойства А. Важными компонентами этой системы будут акценты, уточнения, возвраты, отступления и т.п. Большинство таких "событий" вводятся ("свершаются") ментальными перформативными высказываниями; ср.: *Ниже мы предлагаем две гипотезы... Мы исходим из предположения, что при построении текста...; Для вычисления Р предлагается следующая простая гипотеза: А. В. С.; Заметим, что сформулированная выше гипотеза предполагает последовательность анализа, обратную той, что обычно имеется в виду* (Рубашкин).

"Развязка" сюжета наступает, когда автор высказал все свои аргументы и формулирует окончательные результаты проведенного исследования — заключения, выводы, итоги, относительно (не)верности своей гипотезы. Установление этого факта — и есть то новое знание (или мнение), которое может далее применяться на практике, служить "инструментом" в других исследованиях или, напротив, подвергнуться критике.

Общую прототипическую "перформативную" схему рассуждения можно представить следующим образом; "Рассмотрим объект X : P₁. — Зададимся вопросом, обладает ли он свойством А. — В качестве предварительного ответа выскажем соображение P₂. — Приведем следующие аргументы: P₃. — Таким образом, мы убеждаемся, что объект X обладает свойством А (что данный нами ответ верен)". Эту схему нельзя, конечно, понимать буквально. Реальное рассуждение намного сложнее. Она отражает только главное — что рассуждение имеет некоторый "сюжет" и что в нем выделяется цепь взаимосвязанных "событий".

Рассуждение отличается от обычного описания событий тем, что излагаемые в нем "события" являются не результатом воспоминаний или воображения автора (например, как в художественной литературе), а проделываемыми им интеллектуальными операциями. Но идеи, мысли, соображения и результаты, излагаемые в научном тексте, были сформулированы автором до того, как он написал окончательный текст своего труда. Однако изложенный в форме рассуждения, такой текст приобретает уникальное свойство: его "сюжет" развивается по мере "поступления" (предъявления) текста. Этот эффект вызван тем, что в рассуждении сюжетное время и повествовательное время совпадают. В этом отношении рассуждение и его сюжет сходны с музыкальным произведением: "Максимальное сближение повествовательного времени и сюжетного времени происходит при изображении интеллектуальных и эмоциональных процессов... Сходство речевого произведения с музыкальным здесь особенно велико; оно обусловлено совпадением объекта отражения — внутреннего мира человека" [10, с. 11].

Основным средством, при помощи которого производится синхронизация сюжетного и повествовательного времени, являются ментальные перформативные высказывания: каждое событие, вводимое ментальными перформативами, происходит "как бы сейчас", актуализируется. В синхронизации сюжетного и повествовательного времени заключается риторическая нагрузка ментальных перформативов. Организуя рассуждение, они вступают во взаимодействие с дру-

гими средствами, в которых также воплощаются риторические нормы научного общения.

2. Риторические нормы научного общения. "Риторика — это художественно маркированное старательное говорение" [11], цель которого — повысить эффективность общения. "Научному говорению", не в меньшей мере, чем любому другому, для этого требуется взаимопонимание — кооперация. Поэтому риторические нормы научного дискурса также предписывают следовать постулатам речевого общения: информативности, истинности, релевантности и ясности выражения [24]. Но именно в научном тексте следовать этим постулатам особенно трудно, в частности, потому, что условия успешности и нормы научной коммуникации вступают в конфликт друг с другом:

(1) Выражайся как можно более понятно — не считай адресата глупее себя ("максима такта"),

(2) говори аргументированно — не перегружай рассуждение излишними деталями ("максима убедительности");

(3) объясняй все логические шаги рассуждения — не повторяй прописных истин, общих мест и тривиальных выкладок ("максима рациональности");

(4) Выдвигай гипотезы, предположения, объяснения — не высказывай невыверифицированных суждений ("максима истинности"); и т.п. (ср. [25, с. 63—68]).

Примирить эти конфликтующие стороны призвана риторическая структура научного текста. Она формируется, когда автор фиксирует (эксплицирует) "повороты" сюжета и их связи приемлемыми для этой цели средствами. Одним из них выступают перформативные высказывания, которые выстраивают содержание ("сюжет") текста в форме рассуждения. Какие еще средства участвуют в этом процессе и как они взаимодействуют? В первую очередь это средства, структурирующие текст, те, что выполняют не только связующую, но и "разделительную" (выделительную) функцию. К ним относятся вопросы, заголовки, подзаголовки разделов текста и/или их рубрикация и нумерация.

И действительно, логический шаг в рассуждении — это как бы ответ на некоторый предшествующий вопрос. Он или предопределен логикой предшествующего "события", или введен в сам текст, "встроен в сюжет".

Риторические средства, структурирующие текст, находятся в тесном взаимодействии. Так, вопрос может входить в состав перформативного высказывания, заменять его или совмещаться с ним в одном контексте, ср.: [*Зададимся вопросом:*] *Не оказывается ли оценка, таким образом, выражением наших желаний? Что стоит за таким убеждением? Я полагаю, что за ним скрыта характерная... гносеологическая установка* (Фрумкина). Заголовок же чаще замещает перформативное высказывание, чем сочетается с ним, ср.: *Перейдем к рассмотрению общих свойств презумпций* (высказывание из текста) — "Общие свойства презумпций" (заголовок раздела). Показательно, что вопросительные и особенно перформативные высказывания часто (точнее, почти всегда) являются зачином абзаца — коммуникативно маркированного средства структурирования текста.

Пронумерованные или помеченные "сигналами очередности" (по Вежбицкой) фрагменты текста, т.е. содержащие метатекстовые слова перечисления (*во-первых, во-вторых* и т.п.) (ср. [12, 13]) — также результат эксплицитного структурирования изложения. Они не только сочетаются с ментальными перформативами (и вопросами), но и могут входить в их состав. Многие перформативные высказывания не просто вводят их, а обязательно содержат такие фрагменты в своем составе — в качестве пропозиционального аргумента, например, *Суммируем (перечислим, выделим, произведем классификацию) Р: 1) А, 2) В, 3) С; ср.: Перечислим некоторые методические приемы, используемые при построении тезауруса: 1) введение фиктивных терминов... 2) установление типовых схем определений...; Следует различать по край-*

ней мере два вида языковых *неправильностей*: *неправильность построения и неправильность употребления* (Рубашкин).

Риторические средства организации научного дискурса — ментальные перформативы, вопрос, рубрикация, нумерация и др. (ср. интонацию, шрифты, эмфазу и т.п.) — это способ облегчения восприятия текста. Без них изложение будет недостаточно эксплицитно, и для его интерпретации понадобится больше интеллектуальных усилий (*processibility*, по Дж. Личу).

В таком "риторическом" контексте роль ментальных перформативов в рассуждении еще больше проясняется: это не случайные, а вполне закономерные, прототипические, риторические средства структурирования рассуждения: помимо метатекстовой функции на них лежит также риторическая нагрузка — они входят в сюжет изложения, из которого их нельзя изъять без последствий; взаимодействуя с другими средствами выделения элементов рассуждения, они облегчают восприятие текста адресатом. Более того, они являются средством взаимодействия с адресатом.

III. Ментальные перформативы и фактор адресата

1. Ментальные перформативы и неопределенность научного текста. Неопределенность смысла — важная характеристика дискурса в логическом, референциальном, прагматическом и даже художественном отношении. Так, самой большой смысловой неопределенностью обладает поэтический текст: он имеет неопределенно широкого адресата, благодаря чему диапазон его интерпретации и его "дступность" многократно увеличиваются [14, с. 89]. Р. Барт интерпретирует неопределенность художественного текста следующим образом: "Писать — значит... ставить смысл мира под косвенный вопрос, на который писатель не дает последнего ответа. Ответы дает каждый из нас, привнося в них собственную историю, свой собственный язык, свою собственную свободу... Намек и утверждение, молчание говорящего произведения и слово слушающего человека — таково мерное дыхание литературы" [15, с. 144—145]. И далее: "Что имеется в виду под техникой уклончивого смысла? Писатель умножает значения, оставляя их незавершенными и незамкнутыми... Приемы полагания и ускользания смысла весьма разнообразны" [15, с. 284—285].

По мнению Л. Заде, неопределенность и расплывчатость коммуникации прямо вытекают из неоднозначности естественного языка [16, с. 373], а по мнению И.В. Арнольд — она связана с неполнотой содержания: "В общем виде вербальная неполнота есть одно из проявлений квантования информации. Никакое описание в речи не дает полного описания предмета и всех его свойств, в противном случае коммуникация становилась бы бесконечным процессом... В процессе отражения действительности в речи, искусстве или науке отправитель квантует [континуум действительности на отдельные единицы — кванты. — Р.Н.], а получатель при декодировании восполняет недостающее в соответствии с тем, что дает контекст и его собственный тезаурус" [17, с. 19—20].

Смысловая неопределенность дискурса еще не стала объектом "сквозного" лингвистического анализа (ср. [18, 19]), в отличие, например, от информатики, кибернетики и логики. Так, в информатике исходное понятие информации определяется как средство снятия неопределенности или уменьшения энтропии [20]; в логике на основе формализации понятия смысловой неопределенности был построен язык тернарного описания (ЯТО), при помощи которого были выведены, в частности, 52 вида рассуждений по аналогии, приведших к открытию всех главных законов природы [21], а также произведен подробный разбор проблем референтности, тождественности и мн. др. [22, с. 210—216].

В поэзии смысловая неопределенность создает гармонию эмоциональных

переживаний автора и адресата, в художественной литературе расширяет границы интерпретации текста, в научном дискурсе подразумевает, в частности, возможное незнание.

В отличие от художественного творчества, неопределенность в научном познании не эмоционально, а рационально нагружена. Она необходима в том смысле, что научный текст также предполагает интерпретацию со стороны адресата, и неизбежна, поскольку субъект познания не может быть всезнающим — обо всем судить с полной определенностью или тем более претендовать на носителя истины "в последней инстанции". Говоря более формально, субъект a , знающий (К) нечто (А и В), не обязательно знает и все следствия C_1 из А и В: $K_a(A \text{ и } B) \neq \forall C_1((A \text{ и } B) \supset C_1): K_a(C_1)$. Возможному незнанию C_1 и может соответствовать некоторая неопределенность научного текста. Эта неопределенность "вынужденная" — т.е. связанная с (осознаваемым) незнанием. Кроме того, в тексте может также возникнуть "случайная" неопределенность, обусловленная недостаточно ясным выражением мыслей, связей между ними или их квалификацией. "Видимо, сказать нечто неопределенное психологически значительно легче, чем потрудиться точно, поэлементно обозначить имеющееся или возникающее представление" [23, с. 182]. Неосознаваемая неопределенность изложения имеет прямое отношение к адресату — она затрудняет восприятие текста.

Из анализа перформативных высказываний, проведенного Дж. Личем, следует, что они имеют непосредственное отношение к снятию (неосознаваемой) неопределенности текста. Так, отмечается, что говорящий использует перформатив, только когда он вынужден определить свой речевой акт как принадлежащий к особой категории. Металингвистический характер перформативов — ключ к их сущности. Они сами на себя "навешивают" ярлык и не только эксплицируют иллокутивную силу высказывания, но также и квалифицируют его, уподобляясь *oratio obliqua*. Так, *Садитесь!* может иметь различные и частично неопределенные иллокутивные силы: приглашение, совет, приказ, а *Я приказываю всем сесть* не имеет такой неопределенности. Именно поэтому неверна "перформативная гипотеза", согласно которой любое высказывание имеет в своей глубинной семантической структуре перформатив (см. [18, с. 31—32]). Из этой гипотезы также следует, что экспликация перформатива ничего не прибавляет к высказыванию. Но тогда непонятна ничем не оправданная избыточность языка. Дж. Лич отмечает, что перформативные высказывания — это самоотчет (*self-reporting utterance*): говорящий сам описывает свое речевое действие, снимая тем самым его возможную неопределенность для адресата [25, с. 181—195, 225]. Кроме того, перформативные высказывания описывают ситуации, которые "метаимплицитно" соответствующие ментальные (психологические) состояния субъекта [25, с. 211].

Важное свойство "социологизированных" перформативных высказываний состоит в том, что произносящий их субъект "знает" (чувствует? осознает?), какое именно действие он производит — просьбу, приказ, поздравление или что-то еще, хотя и не всегда (не обязательно) это эксплицирует, ср.: *До свидания* \approx *Я с Вами прощаюсь*. Кроме того, поведение можно наблюдать.

Интеллектуальные операции не поддаются наблюдению. "Про себя" можно и читать стихи, и делать вычисления. Узнать, чем занят в настоящий момент ум человека, можно, только спросив его об этом. В отличие от поведения, ментальные операции не даны субъекту еще и в "ощущениях". Чтобы установить, какие именно мыслительные операции субъект выполняет, он должен предпринять особые умственные усилия — осознанную рефлексю.

Рассуждение состоит из последовательности мыслительных операций. Проследить за ними со стороны можно, если субъект сам осознает и потому эксплицирует составляющие его логические шаги. Авторефлексивность ментальных перформативных высказываний как раз и заключается в том, что с их

помощью автор производит "самоотчет" и тем самым снимает возможную (обычно неосознаваемую, случайную) неопределенность своего рассуждения. При этом он идентифицирует мыслительные операции, производимые им с содержащимися в его сознании объектами — мыслями (и образами). Так, форма одного и того же высказывания ("мысли") может соответствовать гипотезе, верифицированному или ложному суждению, распространенному мнению или содержанию закона природы; ср.: *Сопrotивление воздуха равно нулю*. "Интеллектуальный" (интенциональный) контекст, или экспликация ментальной операции, объектом которой служит такое высказывание в рассуждении, снимает эту неопределенность, например: *Допустим, что сопротивление воздуха равно нулю (Будем считать, что сопротивление воздуха равно нулю) — Итак, мы приходим к выводу, что допущение о том, что сопротивление воздуха равно нулю, неверно*.

Авторефлексивность ментальных перформативов и их способность идентифицировать и квалифицировать (объективировать — для адресата) мыслительные операции делают их важным средством снятия "случайной" неопределенности рассуждения, которая, вообще говоря, в научном тексте должна избегаться. Наложение случайной, субъективной неопределенности на вынужденную, объективную приводит к неоднозначности прочтения текста, его противоречивости или неубедительности, которые будут приписаны рассуждениям автора. Кроме того, с помощью ментальных перформативов автор производит и "самоконтроль" — сверяет свой замысел с формой его воплощения в тексте.

2. Ментальные перформативы и каузальность рассуждения. Ментальные перформативные высказывания осуществляют референцию к "текущему" (рече)мыслительному действию. Это, собственно, и делает их средством синхронизации повествовательного и сюжетного времени в рассуждении. Ср.: "Эти правила иллюстрируются следующими примерами вопрос-ответных соответствий: — *Как меняется цвет лакмусовой бумаги? — Она синеет...*"; "Нужно указать на необходимость различения в этой интерпретации внутреннего и внешнего отрицания" (Рубашкин). Но это же свойство обеспечивает и каузальность научного рассуждения: его восприятие, осознание, понимание и (не)приятие адресатом зависят от того, насколько он смог стать его "участником" — т.е. вовлечься в рассуждение и в "текущее мыслительное действие".

Ментальные перформативы актуализируют мыслительные операции над суждениями текста, что обеспечивается значением перформативной формулы: "Произнося $P(x)$, Я [сейчас] выполняю действие P ". Благодаря такой актуализации адресат имеет возможность следить за ходом мыслей, проверять его и контролировать. Более того, чтобы удостовериться в правильности и убедительности выводов, адресат вынужден выполнять, вслед за автором, его логические шаги, т.е. рассуждать. В этом проявляется импозитивная роль ментальных перформативов [25]. Они приводят в соответствие ход мыслей читателя с ходом мыслей автора, ср.: *Возвращаясь к схеме три, необходимо представить блок объекта как блок автономима (Ладенко); В связи с этой аналогией полезно вспомнить, что условие проективности... используется во всех синтаксических анализаторах (Рубашкин)*.

Форма множественного числа подлежащего — выраженного или подразумеваемого — в формуле ментальных перформативов также не случайна. Она отражает тот факт, что автор считает субъектом текущей ментальной операции не только себя, но и адресата, ср.: *Таким образом, мы переходим от представления о родовидовой классификации к представлению P* .

Итак, рассуждая, автор "каузирует" адресата проделывать составляющие рассуждения ментальные операции. Поэтому интерпретация перформативных высказываний, идентифицирующих эти операции, будет содержать каузативный

компонент. Ср. интерпретацию перформативов в следующем тексте: *Для примера можно взять ("Я мысленно беру + каузирую адресата мысленно взять") грамматическую конструкцию прилагательное плюс существительное. Достаточно сопоставить ("Я мысленно сопоставляю + каузирую адресата мысленно сопоставить) такие пары: "шаровая молния — шаровая мельница", "порошковый кремний — порошковая металлургия"... чтобы убедиться ("Я убеждаюсь + каузирую адресата убедиться"), что тождество грамматического оформления синтаксической связи отнюдь не гарантирует тождества семантической интерпретации (Рубашкин).*

Серль, а затем и Вандервекен [2], анализируя иллокутивные цели перформативов, вывели ряд схем их взаимодействия с действительностью. В зависимости от направления приспособления различаются схемы "слова — реальность", "реальность — слова", "отсутствие направления". В этом отношении ментальные перформативы как элемент рассуждения отличаются тем, что приводят в соответствие друг с другом ход мыслей автора и ход мыслей адресата.

Каузальность рассуждения имеет еще один аспект: не только "автор — адресат", но и "рассуждение — автор". И это также сказывается на форме ментальных перформативов. Они часто содержат показатели модальности: *(не)следует, необходимо, нужно, можно* и др. В этом отражается "вынужденность" автора следовать логике рассуждения, фактам и другим "объективным обстоятельствам", ср.: *Это позволяет обратить внимание на управление в познавательных процессах...; Можно заметить, что существуют определенные корреляции между отношениями в синтагме и отношениями в парадигме; В связи с этим уместно привести цитату...; Такой подход нельзя считать адекватным.*

3. Собственно метатекстовые функции ментальных перформативов. Собственно метатекстовые функции высказываний вида *Выше мы уже говорили...*, *Ниже мы вернемся к этому вопросу* довольно тривиальны и так или иначе упоминались в различных исследованиях. Вслед за А. Вежицкой они суммированы Ю.Д. Апресяном: «Такие метатекстовые "пометки на полях" направляют осознание текста адресатом по нужному пути, указывают, в каких местах текста следует искать ту или иную информацию, определяют относительную информационную ценность различных его фрагментов. Это — своего рода прагматические инструкции по поводу того, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии сообщаемой информации, чтобы она была усвоена оптимальным образом. Хотя метатекстовые элементы нарушают непосредственное семантическое единство текста, они выполняют интегрирующие функции» [13, с. 32—33].

Следить за рассуждением можно, только если оно состоит из связанных между собой мыслей. В этом отношении ментальные перформативы и их дескриптивные ("косвенные") варианты — не главное средство смысловой когезии и действительно равносильны "пометкам на полях". Тем не менее важна их роль в системе метатекстовых средств организации изложения:

(1) Ментальные перформативы, как и другие метатекстовые средства, способны вводить некоторый последующий отрезок текста или квалифицировать предыдущий (ср.: *Никогда не буду писать стихов, Клянусь*), и этим, как отмечалось, снимать возможную неопределенность его интерпретации; они обеспечивают также антиципацию при восприятии текста и эксплицируют референсы в нем.

(2) Ментальные перформативные высказывания допускают дескриптивное употребление, благодаря чему эксплицируют кореферентные и анафорические связи между "событиями сюжета" и "постквалифицируют" их, ср.: *Укажем, что Р... Выше мы уже указывали, что Р; Р — важно... Выше мы подчеркивали, что Р важно.*

(3) В систему метатекстовых средств входят "сигналы очередности" (*во-первых, далее и др.*), показатели связи между фрагментами высказываний (*кстати, короче и др.*), "метаплеоназмы" (*собственно говоря и др.*), "метаорганизаторы" темы (*что касается и др.*), вводные обороты [9], а также целый ряд других маркеров типа *таким образом, тем не менее, как бы то ни было, в заключение, в качестве вывода, ни то, ни другое, теперь, сейчас, здесь, предварительно, более того, помимо X, Y; в этой связи, лишь, итак и мн. др.* [26]. Ментальные перформативные высказывания могут сочетаться с ними (ср.: *Итак, мы приходим к выводу, что P*); заменять их (*Итак, P = Мы приходим к выводу, что P*), вступать с ними в дистантные связи. В этом их организующая роль.

(4) Ментальные перформативы маркируют компоненты рассуждения и потому могут быть использованы при его "пересказе" — реферировании, аннотировании, обзоре и т.п. В неперформативном употреблении глаголы — ментальные перформативы — становятся "маркерами реферативности", ср.: *Рассмотрим проблемы формализации языковых данных в интеллектуальных системах... Обратимся к языковым средствам представления знаний... Опишем логически ориентированный язык... Проиллюстрируем данный подход описанием системы информационного анализа* (отрывок из текста) — *В книге рассматриваются проблемы формализации языковых данных в интеллектуальных системах. Основное внимание обращено на языковые средства представления знаний... Описан логически ориентированный язык... Развиваемый подход иллюстрируется опытом разработки системы информационного анализа* (из аннотации).

Как видно, аннотация — это перечень "интеллектуальных дел" (операций), которые выполнил в своем рассуждении автор оригинала.

(5) Самой интересной чертой ментальных перформативов на метатекстовом уровне является то, что в тексте они имеют множество перифраз, из которых их легко восстановить, ср.: *Данный раздел посвящен проблеме P = "Я посвящаю данный раздел проблеме P"; обсуждаемые способы изложения P = "Я здесь обсуждаю способы изложения P"; Если обратиться к истории, то первые попытки изучения P... = "Я обращаюсь к истории и нахожу, что первые попытки изучения P..."; Список категорий приводится в таблице 3 = "Я привожу список категорий: Таблица 3"; Нет необходимости останавливаться на общих принципах анализа P = "На данном этапе рассуждения (в контексте настоящего рассуждения) я не вижу необходимости..."; Из этого следует P = "Из этого я вывожу следствие...". Этот факт говорит о том, что в рассуждении содержится обычно намного больше "потенциальных" перформативов, чем реально употребленных. Злоупотребление этими средствами, как и любыми другими, нарушает стилистические нормы изложения, но возможность их восстановления свидетельствует о ярко выраженной "субъектности" рассуждения — важнейшего когнитивного процесса, без которого невозможно познание.*

Итак, ментальные перформативы — это вид высказываний, произнесение которых равносильно выполнению мыслительной операции в ходе рассуждения. Являясь в нем одновременно и элементами "сюжета", и маркерами изложения, они синхронизируют сюжетное и повествовательное время и структурируют рассуждение, выстраивая его в логическую последовательность "интенциональных" событий. Производя референцию к "текущему" речемыслительному акту, они актуализируют ход мыслей автора и тем самым приводят в соответствие с ним ход мыслей адресата. Субъектом ментальных операций рассуждения выступает не только автор, но и адресат, который вынужден повторять логические шаги автора. Этим объясняется форма мн. ч. подлежащего в формуле ментальных перформативов (или их безличная форма). Каузальность рассуждения проявляется как в

наличии элемента каузации в значении перформативной формулы, так и в ее модализации.

Ментальные перформативные высказывания обеспечивают авторефлексивность рассуждения, идентифицируют и квалифицируют составляющие его ментальные операции, чем снимают возможную смысловую неопределенность текста. В состав ментальных перформативов входит объект мыслительной операции — синтаксический аргумент, который может вводиться словом *следующий* и/или двосточием. Обычно он состоит из одного или нескольких предложений или его/их номинализаций.

Как метатекстовое средство смысловой когезии ментальные перформативы и их дескриптивные варианты являются маркерами повествования и взаимодействуют со всеми другими метатекстовыми компонентами текста, интегрируя его в единое целое. Они имеют в тексте синонимичные (эквивалентные) конструкции, вместе с которыми эксплицируют ярко выраженный "субъектный" характер познавательного процесса, каким является рассуждение. Формировать ментальные перформативные высказывания могут не только иллокутивные глаголы, но и все те, что в переносном значении описывают мыслительные операции и даже состояния. Контекст рассуждения придает им значение ментального действия — логического шага рассуждения.

Ментальные перформативы противостоят социальным. Между ними есть не только сходство, но и существенные различия (см. [27])^{*}.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
2. *Vanderveken D.* Les actes de discours. Liège, 1988.
3. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
4. *Кодзасов С.В.* Перформативность и интонация // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1989.
5. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago. 1980.
6. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл — Текст": Семантика, синтаксис. М., 1974.
7. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
8. *Рябцева Н.К.* Донаучные научные образы // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1990.
9. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
10. *Азнавеева Е.Н.* Роль кульминации в организации речевых и музыкальных произведений // Организация речевого произведения и его составляющих. Челябинск, 1988.
11. *Retorika w XV stuleciu: Studia nad tradycjami, teorią i praktyką retoryki piętnastowiecznej.* Wrocław, 1988.
12. *Сево И.П.* Сквозной анализ как шаг к структурированию текстовых знаний // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1989. № 2.
13. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности / Под ред. Арутюновой Н.Д. М., 1988.
14. *Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
15. *Барт Р.* Избр. раб.: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
16. *Zadeh L.A.* Precision of meaning via translation into PRUFF // Cognitive constraints on communication. Dordrecht, 1984.
17. *Арнольд И.В.* Роль квантования, текстовой импликации и презумпции в семантике поэтического текста // Разноразмерные единицы языка в содержательно-коммуникативной организации текста. Челябинск, 1988.

^{*}Автор выражает глубокую признательность Ю.Д. Апресяну, взявшему на себя труд рецензента первоначального варианта статьи и сделавшему ряд ценных конструктивных замечаний, а также Анне А. Зализняк и И.В. Васильевой — за доброжелательную и полезную критику.

18. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
19. Категория определенности/неопределенности в славянских языках. М., 1979.
20. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968.
21. *Уемов А.И.* Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.
22. *Уемов А.И.* Системный подход и теория систем. М., 1978.
23. *Мучник Б.С.* Человек и текст. М., 1985.
24. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 223.
25. *Leech G.N.* Principles of pragmatics. London, 1983.
26. *Падучева Е.В.* Говорящий: субъект речи, субъект сознания, физическое тело // Концептуальный анализ: Тез. конф. М., 1990.
27. *Рябцева Н.К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

© 1992 г. КРЫСЬКО В.Б.

НЕЛИЧНАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В то время как вопрос об истоках категории одушевленности в славянских языках остается до сих пор в значительной мере дискуссионным (см. [1, с. 233—240; 2; 3, с. 10—17]), история этой категории в древнерусском и отдельных восточнославянских языках считается достаточно хорошо изученной. На основе первых фиксаций $V=P^1$ от существительных тех или иных грамматических классов и лексических групп установлена весьма подробная абсолютная и относительная хронология формирования одушевленности [4; 5, с. 15; 6; 7]. Несколько настораживает, правда, то обстоятельство, что мнение о позднем появлении некоторых новых форм ВП базируется главным образом на единичных примерах из классических работ [8—10]. Впрочем, в исследованиях последних десятилетий приводятся сочетания с $V=P$, восходящие и к более ранним эпохам, но, нарушая уже утвердившуюся в науке периодизацию, они нередко интерпретируются как эпизодические отклонения от нормы, не имеющие отношения к становлению рассматриваемой категории (ср. [11, с. 171]).

2. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ обширного древнерусского материала, вносящего, как мы полагаем, существенные коррективы в традиционное убеждение о позднем распространении $V=P$ ед. ч. в кругу названий животных (XVI в., см. [10, с. 100]). В лингвистической литературе фигурирует приблизительно 20 конструкций, противоречащих общепринятой датировке, т.е. относящихся к XII—XIV вв. [3, с. 92—96; 4, с. 161—162; 10, с. 101; 11, с. 171; 12—14; 15, с. 20]. Нельзя не заметить, однако, что переходящие из работы в работу примеры во многом случайны, так как представляют собой результат отдельных наблюдений, а не целенаправленного обследования всего корпуса древнерусских текстов. Формулируемые вследствие такой неполноты описания выводы не согласуются с данными сравнительной грамматики славянских языков, демонстрирующих практически одинаковое выражение категории одушевленности в ВП ед.ч. [16] и отражающих использование $V=P$ от нелично-одушевленных существительных уже в древнейших памятниках [17, с. 63—65; 18; 19, с. 41, 48, 49; 20; 21, с. 95—96; 22].

Для восстановления истинной картины функционирования $V=P$ от названий животных в древнерусском языке нами были просмотрены все текстовые иллюстрации на данную группу лексики (исключая имена с основами на *a и *nt), представленные в Картотеке Словаря древнерусского языка [23] (КСДР), в словаре И.И. Срезневского [24] и Словаре русского языка XI—XVII вв. [25]; полностью исследован ряд памятников, не отраженных либо частично отраженных в [23]².

¹В статье приняты сокращенные обозначения падежей: ИП — именительный, РП — родительный, ДП — дательный, ВП — винительный, $V=P$ — ВП в форме РП, $V=И$ — ВП, равный ИП.

²Сокращенные обозначаются древнерусских источников приводятся по изданию [23, т. I, с. 28—68]. Для памятников, исследованных дополнительно, используются следующие сокращения: ГА — *Истрия В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг., 1920; КЗ — "Книги законные", содер-

Собранный материал, крайним хронологическим пределом которого является середина XV в., включает 640 употреблений В=И и В=Р.

Статистический анализ показывает, что на протяжении древнерусского периода формы В=И отнюдь не безраздельно господствовали над В=Р: если в предложных сочетаниях В=И, действительно, существенно преобладает — 113 примеров против 32 (что естественным образом связано с исконно объектной функцией В=Р), то в конструкциях без предлога В=И в целом засвидетельствовано 287 примерами³, а В=Р — 208, что составляет соответственно 58,0 и 42,0%. Использование В=Р отмечается в источниках с самого начала письменной истории: так, уже в XI в. данная форма представлена 21 контекстом, в XII в. — 19, в XIII в. — 39, в XIV в. — 107, в первой половине XV в. — 54. Хотя количество форм В=И постоянно превышает число генитивно-аккузативных конструкций, очевидно, что многие сочетания с В=И, зафиксированные в позднейших списках с ранних древнерусских сочинений и переводов, на фоне всевозрастающего распространения В=Р должны расцениваться как явление пережиточное, наследие предшествующих этапов языковой эволюции.

3. Богатый материал, предоставляемый древнерусскими текстами, дает возможность проверить релевантность для употребления В=Р различных факторов, которые рассматривались исследователями как благоприятствующие либо, напротив, препятствующие выбору этой формы.

3.1.1. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что В=Р от названий животных встречается в источниках, относящихся ко всем жанрово-стилевым разновидностям древнерусской письменности. Тот факт, что соответствующие конструкции в меньшей степени отражаются деловыми и бытовыми памятниками, едва ли может быть, на наш взгляд, интерпретирован как свидетельство отсутствия подобных сочетаний в народно-разговорной речи.

Во-первых, наиболее древний пример В=Р в грамоте наблюдается достаточно рано — в конце XIII в.: ты княжо тые коне обизрель. и оулюбилъ еси одного коня Гр ок. 1300 (2, рижск.). В связи с этим важно отметить, что до середины XIII в. мы располагаем лишь шестью контекстами с бесспорным ВП (В=И) ед. ч. от названий животных в деловой письменности — а именно в берестяных грамотах № 69, 160, 163, 350, 404 и 735. Тем самым конструкция из рижской грамоты оказывается весьма информативной, так как демонстрирует самую первую фиксацию ВП от названия животного в тексте неновгородского происхождения. Употребление в этой грамоте после В=Р трех беспредложных В=И [*дайте* вы мне конь; *дали* тебе конь; *о(т)даи* Герлаху конь] подтверждает все еще сохраняющееся преобладание старой формы и вместе с тем указывает на определенную ее лексикализацию.

Пятнадцать примеров В=Р (наряду с 27—В=И) представлено также в древнерусском переводе КЗ, который восходит к XII—XIII вв., но дошел до нас в списке XV в., ср.: Аще кто вола, или осла, или конь, или какоую иноую животиноу по невѣданью осподаря его *възметъ* КЗ, 50. Учитывая, что в списках с законодательных источников прослеживается стремление к сохранению языковых особенностей протографа (ср. последовательное сохра-

жащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885; СП — Синайский патерик. М., 1967; УСб — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. Данные по неопубликованным берестяным грамотам почерпнуты из лекций А.А. Зализняка. Графическая передача иллюстративного материала упрощена.

³В это число не включены формы существительных *зѣбрь* и *скоть* в значениях "дикие звери" и "домашние животные", так как семантика собирательности в принципе препятствовала употреблению В=Р (см. [17, с. 27]), например: в нихъ же суть, храбрѣя жены ловити *зѣбрь* крѣпко ЛЛ 1377, 50б.; поймаша по лоугѣ вси кони и *скоть* ЛН XIII—XIV, 128об. (ср. также *гость* в значениях "кущы").

нение языковых особенностей протографа (ср. последовательное сохранение В=И в списках "Русской Правды" XIII, XIV и XV в.), можно предположить, что и список КЗ отражает сосуществование двух форм аккузатива не только в XV в., но и в эпоху, когда создавался перевод данного юридического памятника.

Во-вторых, ВП от названий животных вообще встречается в деловой письменности реже, чем в церковно-книжных текстах: соответственно 122 и 440 примеров, в том числе 19 и 203 с В=Р; существенно, что многие архаичные формы повторяются в позднейших списках "Русской Правды" и "Закона судного людям". При большей многочисленности и разнообразии контекстов мы вправе были бы ожидать и большей вариативности В=Р и В=И.

В-третьих, из 103 примеров В=И в деловых памятниках более трети (35) приходится на предложные конструкции, а среди них 14 — на устойчивое сочетание *възвѣсти на конь*, которое, по наблюдению В.И. Борковского, "...переходит без изменения... из грамоты в грамоту" [26, с. 374]. Между тем, как единодушно полагают исследователи, в необъектной позиции распространение В=Р задерживалось.

В-четвертых, деловые тексты отражают ряд однотипных перечислительных конструкций, в которых сохранению старой формы ВП могла способствовать ассоциация с так называемым "именительным перечислением" [27, с. 129], ср.: еще кто *оукрадетъ чин песь* или *ястребъ*. или *соколь* РПрМус сп. XIV, 15.

В-пятых, значительная часть В=И от названий животных (32 примера) представлена в рукописях новгородского происхождения, В условиях сохранения архаичных аккузативных форм от существительных со значением лица (*послоу* и <а> *тя ябътникъ* ГрБ. № 421) данные конструкции следует расценить как подтверждение мысли К. Мюллера: "...der alte Akkusativ im Nordwesten des Sprachgebietes später aufgegeben wurde" [5, с. 12]. Причина этой задержки кроется, по нашему мнению, в принципиальном отличии declinационной системы древненовгородского диалекта от прочих древнерусских диалектов: в то время как на остальной (восточно)славянской территории праславянское совпадение ИП и ВП ед.ч. у одушевленных существительных мужского рода устранялось за счет распространения в роли аккузатива формы генитива, на северо-западе падежи субъекта и объекта в **δ*-склонении различались благодаря утверждению в ИП флексии *-e* [27, с. 129, 133; 28, 29]. Иными словами, общеславянской оппозиции "неодушевленные masculina — В=И" / "одушевленные masculina — В=Р" в древненовгородском диалекте соответствовало в **δ*-основе бинарное противопоставление ИП на *-e* и ВП на *-ъ*, не требовавшее формального разграничения объектных падежей у одушевленных и неодушевленных имен, а в **й*- и **ї*-основах — омонимия ИП и ВП как у неодушевленных, так и у сравнительно немногочисленных одушевленных существительных (ср. вывод П.С. Кузнецова о "нормальности" В=И *сынъ* в новгородских памятниках [30]).

Именно этими грамматическими факторами определяется, на наш взгляд, преобладание В=И у существительных типа *человѣкъ*, *мужь* и т.д., а также отсутствие В=Р типа *коня* в новгородских грамотах XI—XIII вв. Первые примеры В=Р от названий животных отмечаются в берестяных грамотах лишь с XIV в.: а изъ конѣ *поими* моего *цалца* № 266 [27, с. 241]; у мнь *коня* *познали* № 305; *дайте* *коницка* до видомира № 579. Знаменательно, что в ГрБ № 266 форма на *-а* характеризует диалектную лексему *чалыць* "чалый конь", к тому же в диалектном фонетическом облике, тогда как ниже фигурирует форма В=И: *поими* *коне* *корилескы* (ср. [27, с. 199; 3, с. 95—96]). Закономерно предположить, что замена ВП одушевленных существительных на *-ъ* общерусской формой на *-а* проходила в новгородском диалекте парал-

тельно с постепенным вытеснением окончания ИП -е нулевым. Но так как еще в XV в. в живой новгородской речи обе флексии ИП несомненно сосуществовали [27, с. 132], столь же бесспорным представляется и вариативное употребление в кругу одушевленных существительных исконной новгородской формы ВП на -ъ (-ѣ) и вытеснявшей ее общерусской формы на -а, которая во всех остальных восточнославянских диалектах к концу древнерусского периода уже безусловно утвердилась в "повседневной речевой практике" [11, с. 169; 26, с. 369; 4, с. 151], ср. выше: *коня познали* — и в то же время: *конь позналъ* у нѣмчина ГрБ № 25.

Таким образом, материал грамот и юридических текстов не дает оснований для заключения об отсутствии В=Р от названий животных в восточнославянских диалектах XI—XIV вв. Более того, использование В=Р в "Книгах законных" XII—XIII вв. и в грамоте XIII в., с одной стороны, и появление генитивно-аккузативных конструкций, ранее не свойственных древне-новгородскому диалекту, в берестяных грамотах XIV—XV вв. — с другой, позволяют утверждать, что по крайней мере в позднерусский период эти формы уже закрепились в живой речи.

3.1.2. В силу того, что наиболее ранние списки летописей относятся к XIII—XIV вв., их материал также не может служить базой для точной хронологизации неличной одушевленности в древнерусском языке. Поскольку же в ЛН XIII—XIV отсутствует не только В=Р, но и В=И от названий животных, за исключением единственного контекста: *зми видѣша лѣтящ ЛН, 78*, нам приходится довольствоваться сравнительно поздними примерами из ЛЛ 1377 и ЛИ ок. 1425. Эти две летописи предоставляют в распоряжение исследователей 18 конструкций с В=Р (ЛЛ — 8, ЛИ — 10) и 60 — с В=И (ЛЛ — 18, ЛИ — 42). Впрочем, более половины архаичных форм выступают либо в составе устойчивого сочетания *на конь* (26 примеров), либо в сопровождении определения *свои* и обстоятельства *подъ собою*, однозначно указывающих на падеж пациенса — аккузатив (11 примеров). Следовательно, количество позиционно не обусловленных форм В=И в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях лишь незначительно превышает число конструкций с В=Р (соответственно 23 и 18). Нередко летописи демонстрируют параллельное употребление варьирующихся форм, ср.: *и налѣзоша быкъ великъ и силенъ. и повелѣ раздраждити быка ЛЛ 1377, 42об.*; *кто имѣ(т) конь — всѣдъ на конь погна... оувороти коня направо ЛЛ, 105об.* (аналогично — ЛИ ок. 1425, 128—128об.); *повороти коня Мстиславъ ЛЛ, 114об.* — *повороти конь Мьстиславъ. подъ собою ЛИ, 170об.* В некоторых случаях форма *коня* допускает двоякую интерпретацию; определение ее как В=Р ед.ч., а не ВП мн.ч. обуславливается рядом критериев: а) наличием В=И ед.ч. в других списках и изводах (см. пример из ЛЛ, 114об.); б) контекстом, указывающим на то, что речь идет об одном коне (Берендѣвѣ *яша коня* за поводъ рекуше. княже не ѣздъ ЛИ, 198об.); в) противопоставлением формы мн.ч. при упоминании множества всадников форме ед.ч. применительно к одному всаднику и одному коню (ка [так!] еси быль оумолвить со мною. и с братомъ моимъ Двдомъ. восѣсти на конѣ... аж еси не всѣлъ на конь... абы не стряпа всѣлъ на коня ЛИ, 239). Принимая во внимание, что большинство летописных записей, отражающих использование В=Р (16), относится к X—XII вв., правомерно предположить наличие данной формы еще в период создания "Повести временных лет".

3.1.3. Наиболее ранние, многочисленные, позиционно и лексически разнообразные примеры В=Р представлены в оригинальных и переводных памятниках церковно-книжного характера. Генетическая связь многих из этих текстов с южнославянскими источниками наводит на мысль о неисконном, заимствованном статусе В=Р. По мнению П.С. Кузнецова, появление В=Р в церковных памятниках "...может быть объяснено наличием соот-

ветствующей формы на южнославянской и, в первую очередь, на болгарской почве" [10, с. 101]. Действительно, в некоторых болгарских рукописях XIV в. В=Р от названий животных безраздельно господствует, в том числе и в предложных конструкциях, что свидетельствует об усвоении его в среднеболгарском языке до XIV в., ср.: мраморъ снѣгозраченъ вола великоревра въображаетъ и льва назнаменуеть, наскачаща на вола и пижца кровь КМ, 192; А кадъцеи вьлка... пса. коткж. ежа... да покаетса лѣ(т) Д. Прав., 145⁴ (ср., однако [21, с. 124, 128]). С другой стороны, в канонических старославянских памятниках X—XI вв., судя по [17, с. 63—65; 19, с. 41; 31], В=Р заметно отстает по своей употребительности от В=И: в то время как старая форма представлена 47 примерами (69,2%), новая — только 21(30,9%). Особого внимания заслуживает тот факт, что большая часть сочетаний с В=Р приходится на "Codex Suprasliensis mit seiner vorwiegend ostbulgarischen Sprache, jener Sprache also, die am meisten von allen südslavischen Sprachen zum Ostslavischen überleitet" [32], ср.: повелѣ бѣсомъ ити и обратити вьлка съ дѣтиштемъ цѣломъ Супр., 44; аште видиши осла врага твоего падыша подь брѣменемъ Супр., 126. Можно констатировать, что ко времени появления первых письменных памятников на Руси распространение В=Р на южнославянской территории еще не было таким активным и повсеместным, чтобы оказывать решающее влияние на грамматические нормы восточнославянских текстов. Более вероятным представляется допущение о праславянских истоках анализируемой формы, утверждавшейся в отдельных языках и диалектах параллельно, хотя и с разной интенсивностью. Проведенное выше исследование деловых и летописных текстов позволяет предположить, что употребление В=Р в памятниках, переписанных на Руси, но имеющих южнославянские протографы, поддерживалось наличием аналогичных форм в живой восточнославянской речи. Именно столкновением древнерусской речевой стихии, постепенно закреплявшей В=Р как основную аккузативную форму от названий животных, с архаичными нормами канонических текстов старославянского происхождения обуславливается, как мы полагаем, постоянное варьирование В=Р и В=И, засвидетельствованных в памятниках церковно-книжного характера соответственно 203 и 237 примерами, ср.: видяше овнь оустръмляющъ ся на нь. и хотяща и рбгы толочи СП, 103 — и паки того же видяше овьна. на нь оустръмляюща ся СП, 104; ноя... посла врань видѣти аще есть оустоупило воды Пал 1406, 52—53 — нон препита врана въ ковчезѣ Пал 1406, 53а.

На всем протяжении древнерусского периода отмечается также параллельное употребление В=Р и В=И в составе конструкций с определениями и причастными оборотами: видѣвъ... мойси козель пожрена въ бжьи хранинѣ ПНЧ XIV, 97в; стратигъ... конь црѣви приведе Михаилу добля и яровидима ГА, 505. Подобные примеры, как и структуры с однородными или параллельными (сравниваемыми) членами в форме исконного ВП и в В=Р (воль бмь творяхоу... козла же и овцѣ ГА, 63—64; повелѣ... жерти и козоу и овна ПНЧ XIV, 5г), явно указывают на восприятие данных форм как представителей единой граммемы ВП.

Наконец, в памятниках с древнейшей поры наблюдается использование В=Р после предлогов, свидетельствующее о том, что в основной функции ВП — объектной — генитивно-аккузативная форма уже утвердилась: Яко на аспиду и василииска на тя вступлю Гр. Наз. XI в. [24, т. I, стб. 31]; врьгышааго каменьмъ на пьса КЕ XII, 182а. В этой связи обращает на

⁴Старославянские и среднеболгарские примеры цитируются по изданиям: Супр. — Супрасльски или Ретков сборник. София, 1982—1983; КМ — Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988; Прав. — Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чт. ОИДР. 1912. Кн. 3. Отд. 2.

себя внимание конструкция из ПНЧ XIV, 36г: да не въсьдая боудени на коня и осель без ноужа (ἐπί ἵπλοῦς καὶ ἡμίονοις); хотя форма коня соответствует множественному числу греческого оригинала (т.е. в протографе перевода обозначала ВП мн.ч.), в данном списке она, по-видимому, переосмыслена как В=Р ед.ч., что доказывается появлением формы осель, ориентированной не на мн.ч. первоисточника, а на ед.ч. предшествующего существительного. Несколько примеров В=И после предлога зафиксировано в русском Софийской списке сербского перевода "Повести о Варлааме и Иоасафе" [33], включенном в число источников Словаря древнерусского языка; показательно, однако, что при наличии большого количества однородных дополнений с предлогом въ В=И, восходящий, как можно предположить, к сербскому оригиналу и сохраняющийся в начале фразы, затем заменяется закрепившейся в народно-разговорной речи формой В=Р: нѣнии оубо о(т) ни(х) вѣроваху во овень друзии же в козель. инии же в телець. друзии же в вепрь. инии же въ врань. и въ крагуи. и в гуна. и во орла. инии же в кор-кодила ЖВИ XIV—XV, 102а.

Предложные обороты вообще занимают значительное место среди конструкций с В=И: так, в двух русских житиях из УСБ — СкБГ и ЖФП — четыре однотипных сочетания (възвѣсти) на конь противостоят беспредложной форме съвративъ коня ЖФП XII, 60г, а в целом В=И с предлогом представлен в книжно-славянских текстах 52 примерами. В пяти случаях объект в форме В=И сопровождается определением свои, а в 22 контекстах существительные, обозначающие животных, выступают в реифицированном значении, ср.: въсади ю въ мѣдьянь волю, ражежень и сожьже ю ПрЛ XIII, 43в — "котел в форме вола, орудие казни"; Паки обретохомъ... дяконы емлюща бж(с)твнныи агньць КН 1280, 545а — "часть просфоры" и др. Естественно, что распространение грамматического признака одушевленности в подобных конструкциях могло осуществиться лишь под влиянием неметафорического употребления и при условии упрочения В=Р в прямом значении: скрижали скроуши, и тельца потребивъ ГА, 98 (ср. Исх. 32, 19—20). Как мы видим, количество позиционно и контекстуально не обусловленных конструкций с В=И в церковно-книжных источниках оказывается даже меньшим, чем количество генитивно-аккузативных форм.

Многочисленные примеры В=Р от 35 существительных—названий животных, наблюдаемые в памятниках религиозного содержания в течение всего древнерусского периода, с несомненностью указывают на то, что тенденция к включению данных лексем в круг одушевленных имен проявилась в рассматриваемую эпоху со всей определенностью: как справедливо отмечал Г.А. Хабургаев, "книжник... мог... нарушить норму лишь в том случае, если она решительно расходилась с его повседневной речевой практикой" [11, с. 78].

3.1.4. Итак, жанровые и стилистические различия древнерусских текстов не могут быть признаны релевантными для распространения нелично-одушевленных форм. Хотя большинство примеров В=Р отмечено в церковно-книжных памятниках, — что вполне закономерно в условиях абсолютного преобладания этого типа источников среди дошедших до нас древнерусских рукописей [3, с. 93], — употребительность данной формы в народно-разговорной речи XI—XIII вв. подтверждается, на наш взгляд, самим фактом значительно более широкого использования В=Р именно в русских текстах по сравнению с его ограниченной фиксацией в южнославянских памятниках того же периода. Относительно более позднее и скудное отражение генитивно-аккузативных конструкций в деловой письменности и летописях объясняется прежде всего экстралингвистическими причинами; однако передавая явления живой речи более непосредственно, эти источники недвусмысленно доказывают, что процесс утверждения В=Р, засвидетельствованный церковно-книжными текстами

еще в то время, от которого до нас не сохранилось ни летописей, ни грамот, носил автохтонный характер.

3.2.1. Обращаясь к семантике нелично-одушевленных имен, следует заметить, что уже в XI в. памятники не обнаруживают сколько-нибудь существенных лексико-семантических ограничений на употребление В=Р. Древнерусский материал не позволяет присоединиться к выводу Х. Виссемана [20] о нескольких стадиях в распространении В=Р среди названий животных: не только обозначения "крупных диких зверей, опасных для человека", но и наименования "взрослых домашних животных и мелких диких животных" встречаются в генитивно-аккузативной форме с самого начала письменной истории, причем многие слова второй группы, например, *быкъ, воль, конь, осьль или льсь*, используют В=Р чаще таких представителей первой группы, как *вълкъ, звѣрь и медвѣдь*. В=Р наблюдается также у существительных на *-ць*, которые, по мнению немецкого ученого, сохраняют старую форму "besonders treu" (ср. [17, с. 65]): *агньць, пѣтеньць* (впрочем, только в переносном значении: Да *оузърю си* единочадаго *сѣна* моего, *пѣтѣньца* гнѣзда моего Златостр. д. 1200 [24, т. II, стб. 1756]), *тельць, уньць, чальць* — и даже при обозначении насекомого: наставници слѣпни *цѣжающе комара*. вльблѣу[д]ы же пожирающе ПНЧ XIV, 30в (ср. в старославянском: *оцѣждаѣщеи мѣшици* МФ 23, 24 Мар [31, 4, с. 176] — *οι διυλίζοντες τὸν κόωντα*).

3.2.2. Исследованные языковые факты вносят значительные коррективы в традиционное суждение о преимущественном использовании В=Р в метафорических, персонифицирующих контекстах. Так, согласно Г.А. Хабургаеву, в канонических и житийных текстах постоянно фигурирует словоформа В=Р *змяя* — «... как правило, со значением "дьявол, искушитель" (а также в качестве символа коварства, лживости)» [11, с. 171]. В нашем материале из 37 примеров В=Р от существительного *змии* персонифицированные конструкции представлены в 15 [г(с)ь бѣ нашъ. *оуби змяя*. и бывшего в немъ *дьявола* Пал 1406, 38г]; чаще, однако, форма *змяя* относится к тем или иным пресмыкающимся, ср.: в ровѣ вѣвержень бы(с) в нем же бе *змии* Д м(с)ци створи в ровѣ *оукроти змяя*. яко на нь вѣскладати ся и почивати Пр 1383, 109 г. В переносном значении спорадически отмечаются и другие названия животных: о горе вамъ *жидове...* вълци бысте и зоубы изошрени на *агньця божия* УСб, 404; Аще *калоугер*. ходя на *тряпезу людскоу*. или по бракъ. то *медвѣдя* и бѣ *наречеть* СБТр XII/XIII, 51; сею бо *кръвию...* вѣпниочи къ боу... на *безаконьнаго стѣпѣлка...* безглавнаго *звѣри* Парем 1271, 258—258об. (В=Р по **у*-основе!). В отличие от среднеболгарского перевода КМ, демонстрирующего формы В=Р главным образом в сравнительных конструкциях (гнѣснаго Хозроа *възненавидѣвше*, *азами крѣпкими сътасажтъ* многѣажащаго, *яко кита*, и *яко льва* ташкосръда, и *пардоса* дивѣаго 172), в древнерусских источниках подобные сочетания фиксируются относительно редко, ср.: мечемъ *оувѣкнуша* и... *яко овьна* нарочита Пр 1383, 23я-г. На *наш* взгляд, метафорическим и сравнительным оборотам, составляющим в своей совокупности менее четверти (47) от общего числа нелично-одушевленных форм, едва ли принадлежала иницирующая роль в развитии В=Р: ограниченные узким кругом лексем, они образуют скорее периферию рассматриваемого явления, выступая в качестве его вторичной реализации, производной от гораздо более широкого употребления В=Р в прямом, семантически не осложненном значении. Восходящие к А.Мейе [17, с. 27] попытки истолковать форму В=Р от названий животных как средство "грамматического олицетворения" [11, с. 171] встречаются два, как мы полагаем, существенных возражения. Во-первых, в функции прямого дополнения в древних славянских памятниках часто используются и собственно генитивные формы (см. [34]), которые заведомо не имеют отношения к персонификации и служат такими же показателями объекта, как и варьирующие

с ними формы ВП (ср. [3, с. 39, 109]), например: *сътвори любвѣе — сътвори съвршѣноу любвѣ* СП, 256: *срачинѣ богатѣ сы вельми. и любвѣе вельми стѣго николаы* ЧудН XII, 69в; а кого бѣ поставитѣ князя. а с тѣмъ *мира потвердитѣ* Гр 1189—1199 (новг.); *цр(с)кыхъ же полатѣ и бѣствѣноу ю цркѣвѣ* и *всѣхъ домовъ зажегѣ* ГА, 297 и т.д. Но коль скоро мы признаём, что формы собственно РП от неодоушевленных существительных не выполняли персонифицирующей функции, правомерно было бы заключить, что и те формы РП, которые употреблялись применительно к названиям животных и вследствие этого переосмысливались как В=Р, тоже изначально отнюдь не обязательно должны были ассоциироваться с персонификацией. Во-вторых, в случае параллельного использования имен существительных, обозначающих соответственно лиц (людей), животных и неодоушевленные предметы, последние выражаются формой В=И, тогда как нелично-одоушевленные имена — В=Р: *ащѣ же камень вергѣ на пса. или древо...* и *погрѣшивъ пса оударитѣ чѣлка* КР 1284; 1766-в; *въроваху...* и *въ тр(у)пѣска. и въ астида* и *друзии в червленнии лу(к).* и *в чеснокъ* ЖВИ XIV—XV, 102а. Думается, что, если бы здесь имело место обобщение формы личного существительного, оно затронуло бы и названия предметов. Таким образом, появление В=Р определяется не аналогическим воздействием со стороны личных существительных, а референциальной однородностью названий людей и животных как одушевленных, живых существ в противоположность неживым предметам, ср. использование фразеологизма *испустити духъ* по отношению ко льву: *абие падь и вельми рикнувъ испусти дѣхъ* Пр 1383, 5г.

Эта однородность проявляется и в других контекстах: о оунци. *прободше(м) рого(м) члв(ка).* или *вола* КР 1284, 259в-г; *оуби льва, оуби же и моужа Егюптянина* ГА, 132; с ИП: а про полонѣ. кто кде заточѣнѣ. или *члвкѣ.* или *конѣ.* русьскыи. и новгородьскыи. то исправи Гр 1270 (новг.). Существенно, что при сравнении неодоушевленного (абстрактного) имени с животным — т.е. при явлении, обратном персонификации, — название животного тем не менее стоит в В=Р, демонстрируя независимость от лично-одоушевленных существительных: *акы коня въпрягохъ злую скверну* КТур XII сп. XIV, 229. Наконец, если принять за аксиому известное положение о том, что дополнительным показателем категории лица служила флексия ДП ед.ч. *-ови* [35] (ср., однако [36, с. 7]); то придется констатировать, что и здесь наблюдается совпадение в употреблении лично- и нелично-одоушевленных имен, никоим образом не сводящееся к "единичным примерам, обусловленным возможностью олицетворения" [35]: формы на *-ови*, зафиксированные не только у слова *воль*, исконно относившегося к **й*-основе, но и у целого ряда других существительных [36, с. 8, 28—29], в большинстве случаев не обнаруживают никаких признаков персонификации или влияния синтаксически однородных форм от названий людей, например: *николи же ко въпреви* и *ни к медвѣде* [так!] *не ждаше слоугъ свои(х).* а быша емоу помогли ЛИ ок. 1425, 299 об.; *гривеви* оставшоу на *то(м) мѣстѣ* ГА, 482; *прилоучитѣ волкови его съяти* КЗ, 48.

Важным аргументом в пользу семантико-грамматической общности названий животных и людей представляется одинаковая история форм ВП мн.ч. этих существительных. Общепринятая концепция развития категории одушевленности предполагает весьма позднее распространение В=Р на мн.ч. — не ранее XIII в. ("единичные примеры"), а главным образом на протяжении XIV—XV вв. (женский и средний род — с XVI в.). Что же касается названий животных, то здесь омонимия ВП и РП складывалась, как обычно считается, только в XVII—XVIII вв. [37, с. 60—61]. На самом деле, однако, генитивно-аккузитивные конструкции во мн.ч. неоднократно отмечаются уже в XII—XIII вв., ср.: *егда избѣша егюптянѣ* СБТр XII/XIII, 120 об.; *князии роусьскыхъ избѣша* на *калцѣхъ* КН 1280, 575а; *преписахъ... за стѣпо(ч)вишихъ*

князь *рязаньскы(х)* и *прщны(х)* *еп(с)ть* КР 1284, 402 г; *Соурянь* *перви* *Палестилянъ нарекоша* ГА, 58; *Даниль.. Вила скроуши и змяя оуби коумирь Персьскы(х)* ГА, 190 и др. (см. также [15, с. 22—23; 38, с. 268])⁵. Знаменательно, что новая форма ВП наблюдается у существительных как мужского, так и женского рода; это вполне естественно, потому что именно *femīnina* *ā-, *ī- и *γ-основ ранее других претерпели совпадение ИП и ВП мн.ч. (см. [11, с. 66—67]); ср.: како повелѣни будутъ *заступати вдовиць и сиротъ* КР 1284, 37г; законъ *бы(с)* *Персомъ поимати своцхъ мѣрь и сестрь* ГА, 34; *избиша князя и княгыню. и моужи и жены и дѣти. черныца и черноризиць* ЛН XIII—XIV, 122 об.; да *пришедше почтять дщереи* его СбТр к. XIV, 15 и др. Следовательно, традиционное представление о том, что В=Р появился во мн.ч. сначала у существительных, закрепивших его в ед.ч. [39; 37, с. 60], нуждается в пересмотре. В действительности, как показывают новые факты, формирование омонимии ВП и РП мн.ч. происходило независимо от ед.ч., хотя и было вызвано теми же причинами: генитив начинает использоваться в функции аккузатива по мере и вследствие совпадения ИП и ВП у все новых словоизменительных классов существительных. Поскольку же объединение флексий ИП и ВП мн.ч. тех парадигм, где исторически они не совпадали, началось "достаточно рано" и отражается в памятниках уже с XI в. [11, с. 145, 169], совершенно закономерно и распространение В=Р мн.ч. в такой группе одушевленных существительных, как названия животных, например: *жертвоу собѣ stworилъ* есть. *онѣхъ агныць* *закалаемыхъ въ поустыни на паскоу бѣи* КН 1280, 6046; Вельфегороу *поклонившеся*, иногда же *Валоу и Фамоуза и Сидонию Истарьтиню и Мольхома и Хамоса.. и несловесныхъ животинъ* ГА, 295 (*προσκυνήσαντες... καὶ ἄλογα ζῷα*); *толицѣхъ и таковыхъ змиевъ побѣдиша* ФСт XIV, 1606; *конь дики(х)* *своима рукама связалъ* есмь ЛЛ 1377, 82об.; и *нонѣ дашь конии* и *сѣмяна* ГрБ № 353 (ср., впрочем [27, с. 203]); *побѣгоша хватаючи конии* ЛИ ок. 1425, 97; *доя овецъ или коровъ* *втаи* *осподаря своего* КЗ, 50 и т.д.

Именно с одушевленностью животных связано их нередкое функционирование как *gramatis personae* в житиях (а также в фольклоре, см. [11, с. 171]) и даже их "антропоморфизация": *лъвъ же ицѣльвъ не о(т)ступи о(т) него. яко оучнѣ въслѣдъ его хожаше* Пр 1383, 14в; да *ту змии ста(в) на опашь своею. и на(ч) глѣти яко члѣкъ* СбПаис XIV/XV, 164об. Однако употребление различных форм прямого объекта не зависит от активности, "человекоподобности" либо, напротив, пассивности животного: в первом случае возможен В=И, во втором — В=Р. ср.. *егда изидеши из монастыря. и оузриши орьль. и амо же тя ведеть иди по немъ* УСб, 466; *паль дерево и оубиеть вола или осла* КЗ, 51. В большинстве контекстов выбор формы ВП осуществляется безотносительно к роли животного в описываемых событиях.

3.2.3. Ввиду широкого распространения В=Р от нелично-одушевленных существительных нет, по-видимому, необходимости объяснять его и влиянием антропонимов типа *Быкъ* [11, с. 171—172], засвидетельствованных в нашем материале весьма немногочисленными примерами (и тогда *оубиша*. Половецкого князя. *Козла* Сотановича ЛИ ок. 1425, 219; *постави..* *Василия глѣмага Кокота*, патрикемъ ГА, 571): скорее можно предположить, что именно упоминавшаяся референциальная близость названий людей и животных способствовала использованию последних в роли имен собственных (прозвищ). В данном аспекте заслуживает внимания пример из ГрБ № 124: *пришлите* *ми. паро-*

⁵Несколько ранних примеров В=Р мн.ч. впервые были отмечены в неопубликованном докладе С.И. Иордания на Аванесовских чтениях 1987 г. "К истории формирования категории одушевленности-неодушевленности в восточнославянских языках".

боко *борана*. или уду "Пришлите мне слугу — Барана или Уду" [27, с. 167]. Тот факт, что имя нарицательное *паробъкъ* стоит здесь в В=И, между тем как собственное имя, образованное от названия животного, — в В=Р, не может, по нашему мнению, служить аргументом в пользу неодушевленности самого слова *борань*. В условиях свободного варьирования обеих форм ВП, еще сохранявшегося у многих существительных — тем более в новгородском диалекте — в XIV—XV вв., наличие формы *паробоко* не исключает существования В=Р *борана* в собственно "анимальном" значении, ср.: Аще кый холопъ *зарѣжетъ* волю, или *борана* КЗ, 52. Параллельное употребление В=И от личных существительных и В=Р от названий животных неоднократно наблюдается в одном и том же памятнике: *имаши ѿъ помощники* УСб, 465 — и тогда *поустиша* на нь *льва* Там же, 228; *даи* намъ *снъ* твои ЛИ ок. 1425, 114 — Берендѣвѣ же *яша коня* княжа за поводи ЛИ, 199. В том случае, если бы такие функционально и семантически вторичные образования, как личные имена, действительно играли роль в распространении В=Р, эта форма должна была бы утвердиться и среди существительных иных лексико-семантических групп, также приобретавших в функции прозвищ свойственную антропонимам мужского рода генитивно-аккузативную форму объекта (ср.: *роди Всеволода великог(о) гнѣзда* [40, с. 223]; и *посла* и Володимеръ *передь* собою *Вольчья Хаоста* [11, с. 172]). Не вызывает сомнений, однако, что В=Р закрепляется лишь за денотативно одушевленными существительными, к числу которых в древнерусском языке отнеслись и названия животных.

3.2.4. Собранный материал предоставляет возможность верифицировать применительно к названиям животных сформулированное А. Мейе на примере существительного *рабъ* в старославянском переводе Евангелия правило о преимущественном использовании В=Р для выражения определенного объекта в соответствии с греческими членными формами [17, с. 59—60]. Сопоставительный анализ 230 конструкций с ВП от названий животных, для которых мы располагаем греческими параллелями, не дает оснований однозначно сопоставить членные формы оригинала с В=Р, а нечленные — с В=И. Из 132 примеров В=Р 66 (50%) соответствуют существительным с артиклем (дьяволу имя *оуби быка* ГА, 338 — ἐφόνευσε τὸν ταῦρον), однако в 48 случаях (36,4%) греческие тексты содержат нечленные формы (*посла. лва* превелика и страшна ПНЧ 1296, 145 — ἀπέστειλε λέοντα). С другой стороны, среди 98 контекстов с В=И 49 (50%) передают нечленные формы оригинала (Аще кто *вепрь запретъ*, или *песь чужии* КЗ, 54 — Ἐάν τις χοῖρον ἐκκλείσῃ ἢ κύνα), но в 28 примерах (28,6%) винительным-именительным переводятся имена с артиклем (по чьто *въвели есте съде овнь съ* СП, 103—104 — εἰσηνέγκατε τὸν κριὸν τοῦτου). Аккузативная форма славянского существительного может употребляться для перевода греческого местоимения (*въскршю быка* ГА, 338 — ἀναστήσω αὐτόν), а также различных неаккузативных конструкций, ср.: да *приведу[тъ]быкъ* немь ГА, 337 — ἐνεχθήτω ταῦρος κύριος (ИП при пассиве); чюжего *жа оударитъ* ножемъ КЗ, 59 — δώσῃ τῇ ἀλλοτρίῳ μετὰ ξίφους (ДП объекта); всю тшетоу *оубивыи пса* подастъ КЗ, 59 — πᾶσαν τὴν ζῆμῖαν ὃ φονεύσας δίδότω (глагол без объекта). В ряде примеров В=Р и В=И используются для передачи первой части греческих композитов или корневой морфемы отсубстантивных глаголов, ср.: *телець створивше* ГА, 295 — μοσχολοίησαντες; видѣвъ его *оумалюшася*. и яко *трепаятка* ся *творяща* ФСт XIV, 22в-г — πιδηκίοντα. Наиболее ярко отсутствие непосредственной связи между выражением определенности в греческом и выбором В=И либо В=Р в славянском проявляется в конструкции: ли *волка* зла въ ц(с)ркуюю власть *веде* ГА, 491, обязанной своим возникновением неверному пониманию греческого языка. Местоимение ἡλίkov (какόν) "какое (зло)" было воспринято переводчиком как ἢ λύkov "или волка"

(эти формы, омофоничные в среднегреческом, могли быть смешаны еще в византийских списках "Хроники" [41]) и — без какого-либо влияния со стороны греческого — передано формой В=Р *волка* (такому "истолкованию", возможно, способствовало наличие слова *звѣрь* в предыдущем предложении).

Впрочем, в некоторых случаях варьирование В=И и В=Р действительно может быть объяснено различием между неопределенным (неизвестным, впервые упоминаемым) и определенным (известным) объектом. Так, в цитирувавшемся уже контексте из ЛЛ 1377, 42об. существительное *быкъ* при первом упоминании данного конкретного быка поставлено в В=И (нѣту ли быка быка [так!] велика и силна. и *нальзоша быкъ великъ и силенъ*), при последующих — в В=Р. Аналогичные ситуации встречаются и в других памятниках: да *коупятъ осьль* [какого-нибудь — *δνον*] въ потрѣбоу себѣ. и *свободятъ* о(т) таковыя работы *льва* [данного, известного — *τὸν λέοντα*] СП, 185. Однако нередкие отклонения от указанной закономерности (например, появление В=И после В=Р применительно к уже упоминавшемуся объекту: *вельблюудникъ же иже бѣ осьла поля. идяше паки... имы осьль съ собою... львъ же познавъ осьль* тече къ нему СП, 185 [в греческом постоянно *τὸν δνον*]; употребление В=Р по отношению к объекту, упоминаемому впервые: *обрѣте пса'* [*κύνα*] ГА, 252 — или к объекту неконкретному, неопределенному: *звѣрь есть.. могыи слона пожрети* цѣла [*ἐλέφαντα*] ГА, 49) не позволяют связывать распространение В=Р от названий животных исключительно со значением определенности. Допустимо предположить, что первоначально безразличное употребление ВП и РП как "факультативных вариантов" объектной синтаксемы [42, 43], оставившее многочисленные рефлексы в славянских языках, еще в праславянский период, в связи с возникшей в результате изменений конца слова необходимостью дифференцировать совпавшие формы ИП и ВП мужского рода, было ограничено конситуативно обусловленным варьированием. В первую очередь, по-видимому, генитивная форма, переосмысляемая как аккузатив, стала использоваться в качестве формы прямого объекта, противопоставленной В=И, в контекстах, требующих "индивидуализации" [40, с. 222], "указания на конкретный уникальный предмет" [44], т.е. у имен собственных и у других индивидуально соотносенных обозначений — иными словами, прежде всего при определенных одушевленных объектах. Несомненно, однако, что эта первоначальная семантическая оппозиция В=Р и В=И, реконструируемая на основе абсолютного преобладания генитивно-аккузативной формы у антропонимов, а также предпочтительного употребления ее для выражения определенного, известного, индивидуализированного объекта, в древнерусском языке никогда не выдерживалась последовательно. Очевидно, еще в праславянский период она была оттеснена более существенным семантическим противопоставлением, восходящим к общеиндоевропейской эпохе и предполагающим грамматическую дифференциацию активно-одушевленных и неактивно-одушевленных имен (см. 4.3).

3.2.5. Таким образом, семантика нелично-одушевленных существительных не играла принципиальной роли в утверждении В=Р: ни физические и функциональные различия между отдельными животными, ни грамматическое олицетворение, ни выражение определенности-неопределенности не оказывали решающего воздействия на выбор старой или новой формы прямого объекта.

3.3.1. Сталкиваясь с употреблением В=Р, не укладывающимся в стройную схему поэтапного развития одушевленности, исследователи нередко интерпретировали подобные формы как собственно родительный, управляемый глаголами, которые требуют именно генитивного дополнения (см. [17, с. 25—27, 156—161; 15, с. 20]), типа *попытаита ми коня* ГрБ № 422. Для выяснения вопроса о том, насколько управление РП было присуще тому или иному глаголу, важнейшее значение имеет частотность бесспорно генитивных конструкций с существительными, у которых отсутствует особая форма ВП,

омонимичная РП, — т.е. с именами неодушевленными, именами **ā*-основы и т.п. С этой точки зрения нами были проанализированы все глаголы, сочетающиеся с В=Р от названий животных. Заметное место среди них занимает *видѣти* (32 примера), который еще А.И. Соболевским был включен в число глаголов, "сочиняющихся и с род., и с вин. п." [8, с. 198—199]. Ряд примеров генитивного управления при *видѣти* засвидетельствован А. Мейе в старославянском языке [17, с. 158—159], но в свете новейших разысканий они оцениваются как "ephemeral phenomenon" [3, с. 38]. К сожалению, мы не имели возможности произвести подсчет генитивных и аккузативных форм при *видѣти* по КСДР, содержащей около 6000 цитат с данной лексемой, и вынуждены были ограничиться двумя источниками — словарной статьей ВИДѢТИ в [23] и (частично) "Успенским сборником". Из более чем 100 объектных конструкций, приведенных в словаре, 98 демонстрируют несомненную форму ВП и лишь в четырех объект выражен РП. В УСб по словоуказателю были просмотрены все контексты со словоформами *видѣти*, *видѣль*, *видѣла*, *видѣли*, *видѣхъ*, *видѣ* (246 конструкций), но ни в одном примере собственно РП не зафиксирован. В других памятниках РП отмечается sporadически на фоне массового употребления ВП, иногда даже в одной фразе, ср.: *видя* многуо *поустыню* и *ноужную смѣть* и *погыбъшихъ телесъ* ГА, 56. Можно определенно утверждать, что в древнерусском языке РП при *видѣти* не представлял собой сколько-нибудь регулярной формы управления (ср. [3, с. 35—38]), и появление его наряду с ВП в немногочисленных контекстуально и позиционно не обусловленных конструкциях следует расценивать как отражение значительной функционально-семантической близости обеих форм, допускавшей факультативное использование генитива практически при любом транзитивном глаголе. Прочие глаголы, сочетающиеся с В=Р названий животных, также характеризуются аккузативным управлением и не влияют на форму неличного одушевленного объекта.

3.3.2. Среди факторов, содействовавших распространению В=Р, некоторые авторы указывали совершенный вид глагола и наличие приставки [4, с. 148, 162; 10, с. 97, 101; 38, с. 270]. Наш материал подтверждает скорее точку зрения А.В. Исаченко, "решительно отвергнувшего" данное предположение [45]. Хотя общее число имперфективных и нехарактеризованных по виду глаголов (см. [46, с. 162—163]), встречающихся в соединении с В=Р (29), уступает количеству лексем, для которых в древнерусском языке с большей или меньшей степенью уверенности устанавливается значение совершенного вида (58), преобладание перфективов достигается в первую очередь за счет разнообразных префиксальных дериватов, составлявших, как известно, "самую многочисленную группу глагольной лексики" [46, с. 163], — однако удельный вес приставочных глаголов не менее велик и в сочетаниях с В=И.

Исследованные источники не дают оснований согласиться с выводом Э.Кленин о существовании "strong positive correlation" между использованием В=Р и неспрягаемыми либо императивными формами глагола [3, с. 94, 96]: среди беспредложных глагольных конструкций с В=Р причастия зафиксированы в 53, инфинитив — в 11, а повелительное наклонение — в 5 случаях (соответственно 25,5, 5,3 и 2,4% от общего числа примеров), тогда как на индикативные формы настоящего-будущего и прошедших времен приходится гсрп. 45 и 94 словоупотребления (21,6 и 45,2%). Отсутствие строгих закономерностей в сочетаемости различных глагольных форм с В=Р, как и с В=И, доказывает нерелевантность морфологических признаков глагола для управляемого им существительного.

4.1. Итак, названия животных обнаруживают в древнерусском языке, вопреки традиционным представлениям, значительную вариативность аккузативных форм. В течение четырех веков В=Р демонстрирует немногим меньшую распространенность, чем В=И. Лексическое многообразие глагольно-имен-

ных сочетаний с $V=P$, наблюдаемых в древнейших памятниках церковно-книжной письменности, деловых текстах и летописях, независимость этих форм от семантических и грамматических условий побуждают нас заключить, что употребление $V=P$ от названий животных было присуще восточнославянской речи еще в дописьменный период. Более того — использование аналогичных конструкций в ранних памятниках других славянских языков позволяет возводить возникновение $V=P$ в рассматриваемой группе существительных к праславянской эпохе. Учитывая многие факты, свидетельствующие о референциальной однородности названий людей и животных — "настоящих живых производителей действия", следует, очевидно, признать справедливое мнение А.И. Томсона: "...когда родительный-винительный явился в языке, названия животных стали также пользоваться им" [1, с. 259].

4.2. Семантическое и грамматическое объединение названий людей и животных, противоречащее канонам славистики, получает весомую поддержку на индоевропейской почве: согласно современным семасиологическим теориям, для общиндоевропейского языка было характерно «деление класса "всего живого" на подклассы 'животного' и 'растительного' мира по семантическому признаку 'одушевленности' ~ 'неодушевленности'», противопоставлявшему наименования животных, человека и богов названиям растений. «Животные, как и человек, мыслятся как существа, наделенные 'духом', способностью 'дышать'» [47, с. 467, 466]. В свете сравнительно-исторических данных славянская тенденция к дифференциации субъектной и объектной форм у одушевленных существительных выступает как продолжение или, точнее, "возрождение на новом основании" [48, с. 131] древнейшего разделения «всего множества, имен на "активный" и "пассивный" классы», которое преобразилось "в исторических диалектах в родовую грамматическую классификацию" с противопоставлением общего, одушевленного (позднее мужского и женского) рода, различающего формы номинатива и аккузатива, среднему (неодушевленному) роду, имеющему единую форму именительного-винительного [47, с. 467, 280, 277]. Это противопоставление, представляющееся "внутренним предрасположением, заложенным в самой системе грамматических родов" [48, с. 152], после известных праславянских изменений конца слова было нарушено у существительных с основами на **ō*, **ī*, **ī*, а также у соотносящихся с ними местоимений типа *тѣ*, *сѣ*, *онѣ* и прилагательных типа *добрѣ*, *добрѣи*, между тем как у других имен мужского и женского рода ИП и ВП по-прежнему различались. Поскольку, однако, родовая классификация служит главным фактором, определяющим развитие именных парадигм [49], существительные, подвергшиеся изменениям, "регенерировали" [48, с. 114] исконное различие аккузатива и номинатива, используя для этого чрезвычайную функционально-семантическую близость славянских винительного и родительного падежей. Естественно, что в наибольшей степени "реставрационная инновация" [48, с. 139] затронула те существительные, которые в семантическом плане более всего отличались от имен среднего рода, — а именно существительные денотативно одушевленные. Тем самым имплицитное семантическое различие вторично получило грамматическое выражение.

4.3. Установив общие истоки $V=P$ у названий людей и животных, мы не можем оставить без внимания тот факт, что вытеснение старой формы аккузатива протекло у нелично-одушевленных существительных более медленно, чем, например, у имен собственных или нарицательных типа *богъ*, *отць* и т.п. Вместе с тем процесс закрепления $V=P$ в анализируемой группе обнаруживает определенный параллелизм с именами типа *сынъ*, *отрокъ* или *холопъ* (ср. [1, с. 259; 10, с. 94—95; 17, с. 59—63]): так, тот же *холопъ* засвидетельствован в древнерусских текстах (по КСДР) 12 формами беспредложного $V=И$ и 11 — $V=P$ (52,2 и 47,8%), т.е. характеризуется — *si licet parva componere magnis* — примерно таким же соотношением старых

и новых форм, что и названия животных (58,0 и 42,0%). По нашему мнению, подобное грамматическое обособление животных и "социально неполноправных" людей связано со свойственным еще общеиндоевропейской эпохе объединением несвободных или зависимых в широком смысле слова людей и домашних животных [47, с. 477], которое распространилось и на названия диких животных (ср.: с СП историю о льве, служившем преподобному Герасиму). Знаменательно, что форма В=Р постоянно появляется в тех контекстах, где животные выполняют относительно активную (каузиривно активную) функцию прислуживания, повиновения человеку, аналогичную функциям зависимых людей, ср.: и есть *видѣти осьла въиноу* [въ]сходяща и слоучаща старьцемъ СП, 257; *приде... коузнєць... имѣя грича... иже, повелѣваемыи коузнєце(м), творяше чудеса велія ГА, 421*. Следовательно, объединяясь с наименованиями людей в класс одушевленных существительных, использующих форму РП в роли ВП, названия животных в пределах этого класса сближались с названиями зависимых людей, образуя подкласс "неактивных" (точнее, ограниченно активных) существительных. Основное грамматическое отличие "неактивных" от "активных" — меньшая регулярность в употреблении В=Р — объясняется, надо полагать, в первую очередь причинами прагматического порядка — более частым функционированием данных имен в роли объекта, нежели субъекта, и как результат — отсутствием необходимости в постоянной и последовательной дифференциации форм номинатива и аккузатива. (В то же время трудно согласиться с И. Дитце, утверждающим, что "im Normalfall" животные не могли выступать как субъекты при названиях людей в роли прямого объекта [38, с. 272]; контексты типа: *олень мя одинъ бѣль. а вѣ лоси одинъ ногами топталъ. а другыи рогама бѣль ЛЛ 1377, 82об.—83* — описывают, как представляется, достаточно обычные ситуации.) Семантико-грамматическая общность названий животных и зависимых людей (особенно женщин, а также существительных *дѣти* и *люди* в значении "народ, подданные; зависимые лица")⁶ реализуется также во мн.ч., где форма В=Р, закономерно возникшая после совпадения ИП и ВП, получила устойчивое закрепление — насколько позволяют судить имеющиеся исследования — лишь к концу среднерусского периода, вслед за повсеместным упрочением В=Р ед.ч. типа *коня* (ср.: [3, с. 92; 11, с. 170, 172—174]).

Наконец, внутри неактивного подкласса названия животных обладали еще одним "отрицательным" признаком, который, по-видимому, утверждался в языковом сознании славян после христианизации, — "неодушевленностью" в узком смысле, обусловленной отсутствием у их денотатов бессмертной души (ср. характерный вопрос А.В. Исаченко в связи с отношением названий животных к "Kategorie der Beseeltheit": "haben Tiere eine Seele?" [45]). В этом аспекте весьма показателен следующий фрагмент из СП. Описав преданную службу льва авве Герасиму и его неутешное горе на могиле монаха, книжник замечает: *се же всє бысть. не яко дитѣ словєсноу имѣюща. нѣ яко боу хотящю. славящимъ его прославити 187*. Именно последним различием личных и неличных неактивно-одушевленных имен определяется, на наш взгляд, почти полное отсутствие В=Р от названий животных в канонических текстах, за исключением метафорических конструкций типа *видитъ вѣлка грядуща ЕвМст до 1117, 164г.*

Таким образом, период формирования категории одушевленности в славянских языках, связанный с утверждением В=Р ед.ч. у существительных мужского рода, обозначающих живых существ, должен датироваться длительным временным отрезком — от праславянской эпохи до XIII—XVI вв. В рамках этого периода выделяются два этапа. Первый из них заверша-

⁶ Ср.: "В кельтских сагах дается последовательность *воины — женщины — псы — слуги*" [47, с. 470].

ется — еще до появления славянской письменности — устранением вариативности В=Р и В=И у активно-одушевленных существительных (вначале, вероятно, у индивидуально соотношенных, затем — у всех остальных). На втором этапе, крайняя хронологическая граница которого по отдельным языкам колеблется (ср. [50]), формы В=И у неактивно-одушевленных существительных (наименований зависимых людей и животных), сохраняясь в архаизированных по языку текстах и в составе стандартных формул, в живой речи окончательно уступают место конкурировавшим с ними на протяжении едва ли не тысячелетия формам В=Р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томсон А.И. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 2.
2. Сятковски С. Проблемът за генезиса на славянския родително-винителен падеж // Език и литература. 1972. № 2.
3. Klein E. Animacy in Russian: A New interpretation. Columbus (Ohio), 1983.
4. Кедайтене Е.И. Развитие форм родительного-винительного падежа и употребление старых форм винительного от названий лиц и одушевленных предметов в древнерусском языке (на материале памятников XII—XIV вв.) // Уч. зап. Вильнюс. ун-та. 1957. XIII. Сер. ист.-филол. наук. Т. III.
5. Müller K. Die Beseeltheit in der Grammatik der russischen Sprache der Gegenwart und ihre historische Entwicklung. В., 1965.
6. Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967. S. 259—264.
7. Grannes A. Impersonal animacy in 18-th century Russian // RLing. 1984. V. 8. P. 296.
8. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
9. Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I: La flexion des noms. P., 1935.
10. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
11. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
12. Frink O. Genitive-accusative in the Laurentian *Primary Chronicle* // The Slavic and East European Journal. 1962. V. 6. No. 2. P. 134.
13. Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978. С. 70—71.
14. Мадоян В.В. Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников Северо-Западной Руси): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 13.
15. Hock W. Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München, 1986.
16. Bräuer H. Slavische Sprachwissenschaft. III: Formenlehre. 2. T. В., 1969. S. 148—152.
17. Meillet A. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave. P., 1897.
18. Вадан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 206.
19. Vallant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. V: La syntaxe. P., 1977.
20. Wissemann H. Die Scheidung zwischen Belebtem und Leblosem im Slawischen // KZ. 1956. Bd 73. S. 138—139.
21. Чешко Е.В. История болгарского склонения. М., 1970.
22. Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успенского сборника и Русской правды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. С. 14.
23. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв. Т. I—IV. М., 1988—1991.
24. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I—III. Репринт. изд. М., 1989.
25. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I—17. М., 1975—1991.
26. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
27. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.
28. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 186.
29. Vermeer W. The mysterious North Russian nominative singular ending -e and the problem of the reflex of Proto-Indo-European *-os in Slavic // Die Welt der Slaven. 1991. Jg. XXXVI (N.F. XV), 1 + 2.
30. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 209.
31. Slovník jazyka staroslověnského =Lexicon linguae palaeoslovenicae. 1—42. Praha, 1958—1989.
32. Aitzemüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978. S. 20.
33. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., 1985. С. 108.
34. Léplisier J. Du génitif-accusatif inanimé en vieux-slave // RÉSl. 1964. T. XL.

35. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. М. 23.
36. *Шульга М.В.* Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.
37. *Шульга М.В.* Об эволюции русской падежной системы // Имя и глагол в исторической перспективе. Рига, 1991.
38. *Dietze J.* Die Entwicklung der altrussischen Kategorie der Beseeltheit im 13. und 14. Jahrhundert // ZSl. 1973. Bd XVIII (2).
39. *Мадоян В.В.* История категории одушевленности в русском языке // ФН. 1986. № 1. С. 52.
40. *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957.
41. *Истрин В.М.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. II. Пг., 1922. С. 155—156.
42. *Мухин А.М.* Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964. С. 262.
43. *Станишева Д.С.* Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966. С. 18.
44. *Жолобов О.Ф.* Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. С. 11.
45. *Isvatschenko A.* Geschichte der russischen Sprache. 2. Bd. Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1983. S. 415.
46. *Силина В.Б.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
47. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси, 1984.
48. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
49. *Норданиди С.И., Шульга М.В.* Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. С. 196.
50. *Laskowski R.* The development of the category of gender in the Slavic languages // Linguistics across historical and geographical boundaries. V. 1. Berlin; New York; Amsterdam, 1986. P. 464.

© 1992 г. ВАХТИН Н.Б.

**К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)**

"... в какую область ни ткнешься, на первых же шагах оказывается, что самые простые и самые насущные необходимые явления вовсе не изучены систематически, а имеются лишь разрозненные обрывки, разболтанные в произвольных схемах".

(Из письма П.А. Флоренского
В.И. Вернадскому² сентября 1929 г.)

Вводные замечания

В течение ряда лет в Санкт-Петербургском Институте лингвистических исследований РАН (в прошлом — ЛО Института языкознания АН СССР) ведется работа по сбору данных о современной языковой ситуации в районах Крайнего Севера. В основе работы лежит лингво-этнографическая программа, составленная автором данной статьи совместно с А.К. Байбуриным. Основным предметом исследования этнографической части программы является изменение соотношения консервативных и инновационных тенденций современной культуры народностей Севера¹; лингвистической части — изменения языковой ситуации. В программу, таким образом, исходно заложено понимание тесной связи языковых и культурных процессов.

Для исследования языковой ситуации в районах Крайнего Севера автором настоящей статьи была разработана специальная методика, основанная на принципе экспертной оценки степени владения языком. На базе программы и методики были проведены конкретные социолингвистические исследования. Было обследовано 13 поселков в разных регионах Крайнего Севера², в которых в двуязычных или многоязычных языковых коллективах совместно с приезжим русскоязычным населением проживают алеуты, ительмены, коряки, ненцы, нивхи, удэгейцы, чукчи, эвены, эскимосы, юкагиры и якуты.

¹ Говоря о языках малых народностей Севера, обычно имеют в виду следующий, достаточно условный список языков: алеутский (фактически два языка), долганский, ительменский, керекский, корякский (с диалектами), кетский, мансийский, нанайский, нганасанский, негидальский, ненецкий (с диалектами), нияхский (с диалектами), орокский, орочский, саамский, селькупский (с диалектами), тофаларский, удэгейский, ульчский, хантыйский (фактически два языка, каждый с диалектами), чукотский, эвенкийский, эвенский (с диалектами), энецкий, эскимосский (фактически три языка), юкагирский (фактически два языка). В этот же список иногда включают шорский. Трудность подсчета точного числа этих языков (не менее 26) вызвана отсутствием ясных критериев разграничения понятий "язык" и "диалект" в ситуации бесписьменного языка или языка, не имеющего литературы; впрочем, упорное стремление узнать "точное количество" языков народностей Севера характерно скорее для чиновников планового ведомства, чем для ученых. Существенно не то, сколько этих языков, а то, что они собой представляют, каково их современное положение и особенности.

² Сбор материала осуществлялся в следующих населенных пунктах: пос. Никольское (о. Беринга) — изучение алеутско-русского двуязычия (Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин, А.С. Асиновский, 1982 г., см. [1]); пос. Чаплино и Сиреники (Чукотка) — изучение эскимосско-русского двуязычия (Н.Б. Вахтин, 1984 г., см. [2]); пос. Ковран (Камчатка) — изучение ительменско-русского двуязычия (А.С. Асиновский, 1985 г., см. [3]); пос. Носок (Таймыр) — изучение ненецко-русского двуязычия (М.Д. Люблинская, 1985 г., см. [4]); пос. Красный Яр (Приморский край) — изучение удэгейско-русского двуязычия (Е.В. Перехвальская, 1985 г.); пос. Андриюшкино, Колымское, Нелемное (северо-восток

В работе по сбору данных участвовали главным образом сотрудники отдела палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР. Результаты исследований частично опубликованы (см. [1—5]), правда, преимущественно в малодоступных и малотиражных изданиях; находятся в печати работы А.Н. Бадаева по корякскому, Е.Ю. Груздевой и Ю.В. Леоновой по нивхскому языкам.

Цель настоящей публикации — познакомить читателей с основными результатами работы по данной теме.

1. Методика исследования

Методика имеет целью определение степени владения языком или языками (СВЯ) в двуязычных или многоязычных поселках Севера. В основе методики лежит принцип экспертной оценки.

1.1. Экспертная оценка

СВЯ определяется индивидуально для каждого жителя поселка. В каждом поселке отбирается не менее пяти экспертов, предпочтительно среди тех, кто хорошо знает своих односельчан и достаточно образован, чтобы понимать вопросы абстрактного характера.

Прежде всего на базе поселковых похозяйственных книг составляется карта жителей. Каждая карточка должна включать имя, отчество и фамилию, год рождения, пол, национальность, образование и место работы, а также любую дополнительную информацию, которую исследователю удалось собрать.

Для поселка с населением 300—400 жителей возможно сплошное обследование; для более крупных поселков необходимы выборки по случайному признаку (обследуется половина, треть, четверть населения).

Исследователь работает с картотекой, предъявляя каждую карточку эксперту. Конечной целью опроса должно стать приписывание каждому индивиду за каждый язык балла по следующей шкале:

1. Говорит на языке совершенно свободно и легко, прекрасно знает "старый язык" и, возможно, фольклор; это часто единственный язык индивида.

2. Говорит на языке свободно, но может (или предпочитает) говорить на каком-то другом языке с такой же (или большей) легкостью.

3. Говорит на языке свободно, но его односельчане, относящиеся к группам "1" и "2", замечают в его речи незначительные погрешности: нечеткость словоупотреблений, упрощения в грамматике, ограниченный словарь, акцент.

4. Говорит на языке, но с серьезными погрешностями, ошибками: язык явно не является родным для этого человека.

5. Хорошо понимает речь на языке, но говорить не может, за исключением пары десятков бытовых фраз.

6. Понимает стандартный набор императивных и вопросительных высказываний, возможно — способен понять общий смысл разговора, но сам говорить не способен.

7. Не знает языка.

В идеальном случае эксперт может освоить приведенную шкалу и затем самостоятельно расставить баллы от 1 до 7 всем своим односельчанам. Сопоставив ответы эксперта с данными, полученными от других экспертов, со своими собственными впечатлениями и с самооценкой данного индивидуума,

Якутии) — изучение многоязычной ситуации якутского, эвенского, юкагирского, чукотского и русского языков (Н.Б. Вахтин, 1987 г., см. [5]); пос. Седанка, Оссора и Ивашка (Камчатка) — изучение корякско-русского двуязычия (А.Н. Бадаев, 1988 г.); пос. Ноглики (Сахалин) — изучение нивхско-русского двуязычия (Е.Ю. Груздева и студентка ЛГУ Ю.В. Леонова, 1989 г.); пос. Сиреники (повторно) — изучение трехязычной ситуации с эскимосским, чукотским и русским языками (Н.Б. Вахтин и студенты ЛГУ Ю.В. Леонова, О.А. Кузнецова, О.В. Муковский, 1990 г.).

исследователь получает возможность вычислить средние баллы и получить таким образом данные для дальнейшей обработки.

Однако практически возможность получить прямой ответ возникает крайне редко. Исследователю приходится задавать множество вопросов о каждом входящем в картотеку, с тем чтобы косвенным образом получить интересующий его ответ. Приходится сравнивать разные ответы разных экспертов, вводить различные поправочные коэффициенты, пока наконец появляется достаточно надежный и непротиворечивый ответ.

Шкала СВЯ составляет континуум, который может быть разбит на три зоны.

Зона 1, величины 1,0 — 2,5. Язык активен; степень владения им может варьировать от идеальной (когда он единственный в коллективе или когда у него нет серьезных конкурентов в поселке) до слегка упрощенного варианта.

Зона 2, величины 3,0 — 4,5. Язык более или менее активен и может варьировать от слегка искаженной формы ("3,0": акцент, значительное число заимствований, грамматическая и иная интерференция) до существенно искаженной формы ("3,5 — 4,0"), когда говорящий постоянно стремится "соскользнуть" на другой язык, и далее до ситуации, когда человек способен лишь на очень ограниченную реакцию на языке ("4,5").

Зона 3, величины 5,0 — 6,5. Здесь — различные степени понимания речи при том, что человек не способен на членораздельную реакцию на том же языке. При "5,5" нельзя исключать способности человека произнести несколько слов на языке, в то время как при "6,5" даже его способность понимания весьма ограничена.

Характеристика языка по "зонам" очень существенна для его положения. Пересечение границы зон тем или иным языком — это крупное событие в его судьбе, которое коррелирует с его способностью к регенерации.

1.2. "Лингвистическая биография"

Существенной характеристикой районов Севера, имеющей непосредственное отношение к особенностям языковых ситуаций, является высокая дисперсность населения, его перемешанность. Наличие поселков, включающих, помимо приезжих, население только одной коренной национальности, для районов проживания малых народностей Севера является скорее исключением, чем правилом. Эта перемешанность населения отчасти возникла в результате бурных миграционных процессов последних 40 лет, отчасти отражает положение, существовавшее и в прошлом, когда многие народности Севера вели кочевой или полукочевой образ жизни и неизбежно сталкивались друг с другом в течение годовых миграций со стадами или циклических охотничьих миграций.

В настоящее время, в отличие от того, как это принято изображать на картах распространения языков, где каждому языку отведено свое цветное пятнышко с более или менее четко очерченными границами, носители языков народов Севера чаще всего живут небольшими группами в составе многонациональных населенных пунктов; при этом каждая из 2—5 национальных групп имеет свои специфические национально-языковые проблемы, отличающиеся как от аналогичных проблем других национальных групп этого же населенного пункта, так и от проблем этой же национальности в других, соседних или удаленных, населенных пунктах (см. ниже раздел об объекте исследования).

Поскольку для многих районов эта смешанность населения устойчиво сохраняется на протяжении десятков и сотен лет, мы вправе ожидать чрезвычайно широкого распространения многоязычия.

Исследование языковой ситуации в двуязычном и многоязычном поселке во многом представляет собой разные задачи, как по сложности, так и по объему работы.

Если исследователь работает в двуязычном поселке, население которого

говорит, например, по-русски и на национальном языке, то описанная выше процедура способна дать достаточно точную картину социолингвистической ситуации в поселке. Однако в районах, где одновременно функционируют три, четыре языка и более, такая процедура недостаточна. Чем больше в поселке языков, тем субъективнее оценка эксперта, и в поселке, в котором в ходу четыре или пять языков, каждый из которых более или менее известен всем жителям, экспертная оценка по предложенной процедуре, даже будучи многократно проверена, остается ненадежной.

В сложных многоязычных коммуникативных ситуациях размываются понятия "говорить", "понимать", "хорошо объясняться" и др. под. Так, на вопрос, насколько хорошо имярек говорит по-юкагирски, эксперт может ответить: "хорошо говорит", но этот ответ может означать что угодно — от "он говорит прекрасно" до "он говорит хорошо для тридцатилетнего" и до "он говорит по-юкагирски хорошо для звена" — а все эти утверждения, естественно, соответствуют совершенно различной степени владения языком по нашей шкале. Говоря "имярек говорит еще и по-чукотски", эксперт может иметь в виду, что он действительно говорит на этом языке, но он может и иметь в виду, что имярек способен участвовать в коммуникации на чукотском языке, т.е. что он способен лишь понимать чукотскую речь.

Иными словами, перед нами яркий пример недифференцируемости в многонациональном поселке индивидуального лингвистического предпочтения и "качества" языка и социального предпочтения и "качества".

Далее, существует значительная разница между языком, который был выучен человеком в раннем детстве, в семье, и тем языком, который человек узнал в зрелом возрасте, хотя ни исследователь, ни даже эксперт иногда не смогут отличить по внешнему функционированию эти два языка друг от друга: родной язык может быть основательно забыт, а выученный во взрослом состоянии, напротив, постоянно использоваться в общении.

Наконец, изменения социально-экономической ситуации влекут за собой изменения языкового предпочтения: в разные периоды жизни человек может оказаться в условиях доминирования различных языков, и, следовательно, его собственный "лингвистический портрет" может существенно изменяться.

Таким образом, если ставится задача измерения степени владения языком (competence), а не беглости внешнего проявления пользования языком (performance), необходимо введение поправочного коэффициента, который нейтрализовал бы (или хотя бы свел до минимума) субъективность экспертных оценок. Этим коэффициентом в предлагаемой методике является "лингвистическая биография" человека, позволяющая установить источник приобретения им тех языков, на которых он способен участвовать в коммуникации.

В процессе работы были выявлены следующие варианты "лингвистических биографий". Ниже приводится весь список, при том что некоторые реализации могут быть более актуальны для одних регионов, в то время как другие чаще встречаются в других.

А. Язык приобретен во младенчестве.

1. Язык приобретен во младенчестве от родителей. Это был единственный (или основной) язык семьи, на котором говорили все (или большинство) взрослых, окружавших ребенка. Начав говорить на нем, ребенок продолжал говорить на том же языке без перерывов или как минимум продолжал слышать его постоянно вокруг себя, хотя сам по каким-то причинам мог позднее предпочесть другой язык.

2. Язык приобретен во младенчестве от родителей. Это был единственный (или основной) язык семьи, на котором говорили все (или большинство) взрослых, окружавших ребенка. Однако в какой-то момент ребенок перестал слышать его вокруг себя и перешел в основном на другой язык, на котором и говорит в настоящее время.

Величины СВЯ

Экспертная оценка	"Лингвистическая биография"							
	0	1	2	3	4	5	6	7
1	1.0	1.0	1.5	2.0	2.0	2.5	3.0	—
2	2.0	2.0	2.5	3.0	3.0	3.5	4.0	4.0
3	3.0	3.0	3.0	3.5	3.5	4.0	4.5	4.5
4	4.0	4.0	4.0	4.0	4.0	4.5	5.0	5.0
5	5.0	5.0	5.0	5.0	5.0	5.5	6.0	6.0
6	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.5	6.5	6.5
7	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0	7.0

3. Язык приобретен в детстве в яслях и/или детском саду; или он приобретен при общении со сверстниками "на улице", в игре; или он выучен в начальной школе (последнее обычно относится к русскому языку). Это — язык, отличный от того, на котором ребенок говорил дома.

4. Язык приобретен в раннем детстве. Это был язык одного из родителей или родственников, на котором он обычно говорил с ребенком, притом что в основном в семье был принят другой язык (например, язык, на котором мать ребенка говорила со своей матерью, в то время как с другими членами семьи она говорила на другом языке; или язык, на котором бабушка говорила с ребенком, а при этом другие родные обращались к нему на другом языке, и т.д.).

Б. Язык был приобретен в детстве или отрочестве.

5. Язык был приобретен в результате включения в трудовую деятельность (в возрасте 10—12 лет, в тундре или в поселке) или в процессе продолжения образования в средней школе-десятилетке, или в ПТУ, или в вузе; или, наконец, он был приобретен в начальной школе, трех- или четырехлетке, существовавшей в некоторых регионах в 30—40-х годах. Последние две возможности касаются главным образом русского и якутского языков.

В. Язык приобретен во взрослом состоянии.

6. Он приобретен в результате вступления в брак и вхождения в семью, в которой принят другой язык; или язык (обычно русский) усвоен взрослыми от своих детей, которые выучили его в школе или детском саду и забыли свой родной язык, так что перестали понимать родителей и те вынуждены были выучить русский; вопреки ожиданию, данная ситуация оказывается достаточно частотной в некоторых регионах.

7. Язык приобретен на работе, в быту при общении с соседями и т.п.

1.3. Итоговая таблица оценки СВЯ

Окончательные индексы СВЯ показаны в табл. 1.

По горизонтали и по вертикали представлены, соответственно, варианты экспертной оценки и варианты источника языка. В первом столбце дана основная шкала, а на пересечениях — итоговые индексы СВЯ. Цифры, помещенные на пересечениях, вычислены в результате анализа значительного числа "лингвистических биографий". Людям разных национальностей, говорящих на разных языках, было предложено оценить свою СВЯ и рассказать об источнике происхождения каждого из языков, которыми они владеют. Затем, основываясь на экспертной оценке, перекрестных проверках и т.п., каждому был приписан соответствующий балл СВЯ за каждый язык. Собранные таким образом данные позволили "градуировать шкалу".

Степень владения эскимосским и русским языками среди жителей пос. Новое Чаплино
(корреляция с возрастом)

Возрастные группы	>60	51—60	41—50	31—40	21—30
Эскимосский язык	1.0	1.0	1.6	2.4	4.2
Русский язык	3.3	2.4	1.5	1.0	1.0

Таблица 3

Степень владения эскимосским и русским языками среди жителей пос. Новое Чаплино
(корреляция с полом и возрастом)

Возрастные группы	>60	51—60	41—50	31—40	21—30
Эскимосский язык					
мужчины	1.0	1.0	1.7	2.6	4.3
женщины	1.0	1.0	2.0	2.3	3.8
Русский язык					
мужчины	3.0	2.0	1.7	1.2	1.0
женщины	3.4	2.5	1.5	1.0	1.0

Цифрами в табл. 1 обозначены:

По вертикали (экспертные оценки):

1. Говорит свободно; 2. Говорит; 3. Говорит с погрешностями; 4. Говорит ломаным языком; 5. Понимает все; 6. Понимает общий смысл; 7. Не знает языка.

По горизонтали:

0. Базовая шкала: двуязычная ситуация; 1—7. Многоязычная ситуация: шкала с поправкой на "лингвистическую биографию": 1. Язык выучен в семье (без перерыва); 2. Язык выучен в семье (с перерывом); 3. Язык выучен в детском саду, на улице при общении со сверстниками; 4. Язык выучен в раннем детстве как язык одного из родителей; 5. Язык выучен при вступлении в трудовую деятельность; 6. Язык выучен в браке, при вхождении в новую семью или от собственных детей; 7. Язык выучен при совместной трудовой деятельности.

Итоговый результат исследования удобно представлять в виде таблицы (или графика), где по горизонтали отложены, например, возрастные группы, по вертикали — степень владения одним или несколькими языками представителей какой-либо народности, а на пересечениях показаны средние значения СВЯ данной возрастной группы. Вместо возрастных групп данные могут быть усреднены по любым другим параметрам: образованию, полу, роду занятий и т.п., и в этом случае таблица даст наглядное представление о зависимости степени владения языком от выбранного параметра.

В качестве примера такого представления результатов исследования можно привести данные по эскимосским поселкам Новое Чаплино и Сиреники.

Из табл. 2 наглядно видно, что чем младше население, тем лучше оно владеет русским языком и тем хуже говорит по-эскимосски.

Табл. 3 демонстрирует незначительные отличия степени владения родным и русским языками у мужчин и женщин. Так, женщины трех возрастных групп (от 21 до 50 лет) в целом несколько лучше владеют обоими языками; при этом мужчины двух старших возрастных групп несколько лучше, чем их сверстницы, владеют русским языком. Впрочем, при столь незначительных различиях числовых значений вряд ли допустимо делать сколько-нибудь серьезные выводы.

Необходимо подчеркнуть, что описанная методика дает, как кажется, возможность определить именно языковую компетенцию, а не ее внешние проявления в речи. Это важно, так как последняя зачастую подвержена различного рода случайным влияниям, таким, как коммуникативное удобство, престиж, степень распространенности данного языка в коллективе и др. Это в особенности верно для многоязычных коллективов.

2. Объект исследования

Вопрос об объекте социолингвистического исследования на Крайнем Севере достаточно сложен. Традиционное понятие "народности Севера" и связанное с ним понятие "языки народов Севера" являются скорее метафорой, чем научным термином. Объединение этих народностей под одним наименованием, возможно, и имело когда-то "административно-территориальный и политический смысл" [6], но смысл этот давно утерян. Под названием "языки народов Севера" скрыты совершенно различные языки, как по их типологической и генетической принадлежности, так и, тем более, по степени распространенности, численности говорящих, исторической судьбе, современной социолингвистической ситуации и т.п.

"Гипноз" единого термина часто приводит и до сих пор приводит к обобщенному подходу как к описательным и теоретическим исследованиям этих языков, так и к языковой политике в регионах. Существует постоянное искушение выработать принципы языкового строительства, которые оказались бы пригодны для всех северных языков и всех говорящих на них народностей без исключения. Между тем при громадных различиях реальных языковых ситуаций попытки такого рода заранее обречены в лучшем случае на бесплодие.

Приходится констатировать, далее, что сама номенклатура языков и народностей Севера в значительной мере перестала соответствовать уровню наших знаний. Если на ранних этапах, в 30—50-х годах, она отвечала целям научного изучения грамматики и лексики этих языков, то для современных лингвистических, а тем более социолингвистических и практических целей она абсолютно непригодна.

Представители того, что в североведческой "номенклатуре" считается единым народом, зачастую живут на значительном (тысячи км) удалении друг от друга в совершенно разном окружении и, более того, часто говорят на языках и диалектах, взаимно плохо понятных или вовсе не понятных. Так, многие колымские юкагиры вообще не знают о существовании в бассейне реки Алазеи своих прямых лингвистических "родственников" — тундреных юкагиров и уж тем более не идентифицируют себя с ними как членов единого этноса. Сходная ситуация имеет место не только с юкагирским, но и с эскимосским, нивхским, селькупским, отчасти эвенским и другими языками.

Вряд ли целесообразно говорить о "современном состоянии корякского языка" в целом без указания конкретного района — а еще лучше поселка, — о котором идет речь. То, что будет верно для положения эвенского языка в каком-либо поселке Хабаровского края, может не иметь ничего общего с положением этого языка в поселке Магаданской области. Практические рекомендации по школьному преподаванию, сделанные для юкагирского класса Верхнеколымского района Якутии, могут оказаться бесполезными и даже вредными для деятельности юкагирского класса Нижнеколымского района. Ситуация с нивхским языком Амура совершенно не похожа на ситуацию с нивхским языком Сахалина. Перспективы сохранения эскимосского языка Провиденского района и эскимосского языка Чукотского района Чукотки совершенно различны. Примеры можно легко умножить.

Учитывая эти соображения, а также высокую степень неоднородности языковых коллективов, различную в разных поселках (см. ниже) дисперсность

населения, широкое распространение многоязычия и другие факторы, объектом обсуждаемого социолингвистического исследования избран не "язык", не "народность" и не "регион", а населенный пункт (поселок) или, точнее, "языковая община" (соответственно, "дву- или многоязычная община").

Это положение является одним из ключевых выводов проведенной работы.

Данное положение может оказаться небесполезным и для практики языкового строительства. Практические потребности школьного преподавания также должны быть ориентированы на поселок, а не на "народность". Приложение усилий к "развитию нивхского языка" или "развитию просвещения и школьного образования среди юкагиров" при всей внешней привлекательности и гуманности подхода достаточно бесперспективно, поскольку положение о том, что существует "юкагирский этнос" или "нивхский язык", требует как минимум серьезного обоснования и не может быть принято как аксиома.

Представляется, что наряду с общеизвестными и очевидными причинами катастрофического положения с языками Севера, такими, как ломка традиционного природопользования, разрушение среды обитания, миграционные процессы в масштабе страны и др., можно отыскать и "анурилигвистические" причины упадка языков, точнее — причины, лежащие в области социолингвистики и языковой политики. Одна из этих причин, думается, скрыта в неверно выбранном объекте приложения усилий, связанных с изучением социолингвистической ситуации и языковым строительством.

3. Разрыв языковой традиции: "поколение перелома"

Для многих народностей Севера характерна чрезвычайно высокая степень разрушенности языкового коллектива. Степень владения языком (СВЯ) повсеместно коррелирует с возрастом носителей; языковые коллективы расслоились на возрастные группы (поколения), причем старшие являются одновременно носителями языковых и культурных традиций, группой, для которой характерны центристемительные, консервативные тенденции, а младшие, напротив, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре и, соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупной народности или нации (как правило, русский или реже якутский).

В самом переходе с родного языка на язык численно преобладающего народа через стадию диглоссии нет ничего плохого. Этим путем следуют десятки и сотни народностей мира. Если этот процесс идет не слишком быстро и сопровождается умелой социальной и языковой политикой, то этническая группа воспринимает его достаточно безболезненно.

Для двуязычных общин, по всей вероятности, нормой является ситуация диглоссии (функционального двуязычия), когда коренные жители рассматривают родной язык как язык бытового общения, традиционной хозяйственной деятельности, реже — школьного обучения, а русский (якутский и др.) — как "международный" язык для всевозможных видов общения с "внешним" по отношению к общине миром.

Для многоязычной ситуации нормой является, по-видимому, положение, когда каждая этническая группа имеет свой язык, на котором ее представители говорят друг с другом, понимает этнические языки других групп, и, сверх того, в общине существует один "общий" язык, на котором способны разговаривать все ее члены, и один "международный" язык для общения вовне — язык общения с приезжими, язык массовой коммуникации и др. Естественно, "этнический", "общий" и "международный" языки могут в ряде случаев совпадать.

Пример — языковая ситуация с якутским, эвенским и юкагирским языками в Алазейской тундре (Якутия) до возникновения там поселка Андриюшкино.

³ См., например, дискуссию о положении народностей Крайнего Севера в [7].

СВЯ тремя языками старшего поколения в Алазейской тундре

1927—1936 г.р.	Юкагирский	Эвенский	Якутский
Юкагиры	1.5	3.5	3.4
Эвены	5.8	1.5	3.0
Якуты	6.4	5.7	1.0

Из анализа собранных данных можно сделать вывод, что около 1940 г. в регионе начала складываться ситуация, близкая к идеальной: трехязычный коллектив со следующим распределением языков (табл. 4)

Если бы развитие языковой ситуации шло естественно, без вмешательства извне, то "общим" языком этого коллектива стал бы якутский, но все якуты понимали бы, хотя бы в минимальной степени, и языки двух других этнических групп, а те понимали бы друг друга, имея каждая свой собственный "этнический" язык. Если судить по современным проявлениям, иерархия языков имела бы вид "якутский > эвенский > юкагирский", в том смысле, что по-якутски достаточно свободно говорили бы все, по-эвенски — эвены и юкагиры и по-юкагирски — только юкагиры.

Однако приходится с сожалением констатировать, что основной тенденцией развития данной "нормальной" ситуации является не плавный переход к функциональному дву- либо многоязычию (диглоссии или, возможно, полиглоссии), а повсеместное вытеснение родных языков русским, потеря диглоссии и связанные с этим чрезвычайно серьезные социокультурные и психологические последствия для носителей языков народов Севера.

Основной тенденцией развития многоязычных ситуаций в обследованных регионах, так же как и в ситуациях диглоссии, является постепенная потеря "этнических" языков, при которой "общий" и "международный" языки все более начинают использоваться не только для общения между этническими группами, но и для общения членов одной группы между собой.

При этом возникает совершенно особая ситуация, которая должна, по-видимому, считаться во всех отношениях противоположной нормальной диглоссии. Мы имеем в виду появление того, что можно было бы назвать "поколением перелома".

Между старшим и младшим поколениями во многих языковых общинах располагается группа (ее возраст колеблется в пределах 30—50 лет, в зависимости от конкретного поселка), которую можно назвать "полуязычной" возрастной группой в том смысле, что одни ее представители уже начали утрачивать родной язык и предпочитать русский, другие еще недостаточно владеют русским языком. Нормальная коммуникация в пределах этой возрастной группы, и тем более — между представителями соседних поколений нарушается, а следовательно — не получают нормального языкового воспитания и дети.

Примером здесь может служить языковая ситуация в эскимосско-чукотском поселке Сиреники Чукотского автономного округа. Ср. данные по СВЯ эскимосским и русским языками (табл. 5).

Видно, что устойчивое знание эскимосского языка, предпочтение его русскому обнаруживают только возрастные группы старше 50 лет. Люди младше 40 лет устойчиво владеют русским языком, предпочитают пользоваться им, поскольку их знание эскимосского языка довольно резко падает. При этом нынешние 40—50-летние составляют группу, в которой в среднем значение показателей СВЯ приближается к значению 2.0 для обоих языков (эск. 1.9, русск. 1.7). Это означает, что данная группа как целое не имеет общего пред-

СВЯ русским и эскимосским языками в пос. Сиреники

Группа	Возраст	СВЯ-эск.	СВЯ-русс.
1	>60	1.0	4.5
2	51—60	1.2	2.4
3	41—50	1.9	1.7
4	31—40	3.1	1.0
5	21—30	4.2	1.0

Таблица 6

СВЯ корякским языком в пос. Седанка

Группа	Возраст	СВЯ	Группа	Возраст	СВЯ
1	>67	1,1	7	42—38	2,0
2	67—63	1,5	8	37—33	2,2
3	62—58	1,6	9	32—28	2,6
4	57—53	1,6	10	27—23	3,6
5	52—48	1,8	11	22—18	4,7
6	47—43	1,9	12	17—13	5,8

почтения в выборе основного языка общения: ни русский, ни эскимосский язык не являются для нее основным общим языком.

Другой пример — корякский поселок Седанка (данные А.Н. Бадаева). Ср. табл. 6 (здесь данные усреднены по более мелким возрастным группам — по 5, а не по 10 лет).

Медленное снижение степени владения корякским языком, наблюдающееся в возрастных группах от 1-й до 8-й (в среднем по 0.2 балла между соседними группами), не представляет угрозы для корякского языка, а просто свидетельствует о постепенном формировании двуязычия. Однако между группами 9 и 10-й, 10 и 11-й, 11 и 12-й перепад в 1.0 и более, что свидетельствует о крутом переломе, резком изменении языковой ситуации в поселке. Возникает поколение, для которого распределение языковых предпочтений и функций языков иное, чем для предшествующего, и иное, чем для следующего. Наличие такой возрастной группы является свидетельством разрыва культурно-языковой традиции.

Видно, что "поколение перелома" здесь младше, чем в эскимосском поселке Сиреники: здесь перелом между 25 и 35-летними, в то время как в Сирениках он приходится между 35 и 45-летними. Конкретный возраст "полуязычного" поколения разный для разных языковых общин, однако тенденция — единая.

Корреляция СВЯ с возрастом наблюдается почти во всех 13 обследованных нами поселках. Единственное исключение — ненецкий поселок Носок на п-ове Таймыр [4], где почти 100% жителей устойчиво владеют и ненецким, и русским языком, СВЯ для всех возрастных групп близка к 1.0 и ситуация как будто бы благоприятная для родного языка коренного населения. Это является косвенным подтверждением тезиса о том, что при наличии сильного лингвистического давления извне язык коренного населения имеет шансы сохраниться только там, где успело сформироваться функциональное двуязычие и где не образовалось "поколения перелома". Этот вывод, конечно, на данном этапе исследования можно рассматривать лишь как предположительный.

Впрочем, и в пос. Носок те несколько человек, которые сообщили, что они "предпочитают русский язык" — это дети и молодежь от 10 до 20 лет (коэф-

Группа	Возраст	СВЯ-эск.		СВЯ-русск.	
		Традиц.	Нетрадиц.	Традиц.	Нетрадиц.
2	51—60	1.2	1.2	2.3	1.8
3	41—50	1.7	2.0	2.1	1.5
4	31—40	2.1	3.6	1.0	1.0

фициент степени владения ненецким языком для данной возрастной группы — 1.5, русским — 1.9), так что не исключено, что даже здесь мы наблюдаем тот же процесс, что и в других районах, хотя и находящийся в самой начальной фазе.

Нужно сказать, что, глядя на графики, вычерченные по данным, собранным в различных районах Севера, трудно отделаться от впечатления, что перед нами — различные стадии одного и того же процесса, происходящего по единым законам на громадном пространстве и затрагивающего сотни тысяч людей. Некоторые кривые просто выглядят как продолжение одна другой, другие — как кривая по поселку Сиреники и кривая по поселку Носок — возможно, представляют собой альтернативные пути и варианты процесса, но в целом можно утверждать, что дальнейшее исследование в этом направлении поможет выявлению общих закономерностей при всем различии конкретных проявлений.

Разрушение, расслоение языкового коллектива проходит не только по возрастному признаку. Кроме возраста, СВЯ коррелирует с большим количеством других параметров: численность народности, хозяйственная деятельность, различное географическое положение населенных пунктов, в которых проживают представители одной и той же народности, и мн. др.

Проиллюстрировать это можно на примере поселка Сиреники, единственного оставшегося эскимосского поселка, в котором наряду с новыми видами производственной деятельности, типа професий механизатора, продавца, кочегара или зверовода, еще существует (и очень популярен среди жителей) традиционный морской зверобойный промысел.

Коэффициенты СВЯ, вычисленные отдельно для традиционной и нетрадиционной профессиональных групп, демонстрируют значительные отличия. Ср. табл. 7.

Видно, что в традиционной группе переход на русский язык идет медленнее.

Данные по Сиреникам и другие аналогичные расчеты — ср. данные по ительменскому языку [3] — подтверждают, что корреляция признака "традиционная/нетрадиционная деятельность" и СВЯ здесь существует, но при этом эта корреляция не независима от возраста говорящих: вид деятельности не оказывает решающего влияния на высокую степень владения русским языком у молодых и эскимосским языком у пожилых, равно как и на низкую степень владения эскимосским языком у молодых и русским — у пожилых. Однако в целом группа, занятая в традиционной сфере производства, консервативнее в языковом отношении, чем их сверстники, занятые в нетрадиционной сфере.

Можно, видимо, сделать вид, что традиционная производственная деятельность тормозит процесс разрушения языкового коллектива и перехода его на русский язык, хотя и не способна "в одиночку" остановить этот процесс или повернуть его вспять.

Рассмотренные данные свидетельствуют о большой неоднородности, дифференцированности каждого языкового коллектива, в том числе и проживающих компактными группами на своей исконной территории, что, видимо, нехарактерно для других регионов.

4. О причинах устойчивости языка: "регрессивное восстановление"

Утверждения, что язык той или иной народности Севера находится на грани исчезновения, являются общим местом многочисленных исследований как конца прошлого — начала нынешнего века, так и более современных. Такие пророчества высказывались относительно многих ныне здравствующих языков, ср. хотя бы высказывание В.И. Йохельсона о юкагирском языке: "Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах..." [8]. Это написано в 1900 г. И тем не менее, приехав в 1987 г. в те же места, участники экспедиции обнаружили, что юкагирский язык далек от немедленного вымирания, хотя положение его, конечно, достаточно сложное.

В 1964 г. Г.А. Меновщиков писал о языке алеутов Командорских островов, что лет через 20 он неизбежно исчезнет [9, 10]. Но экспедиция на остров Беринга в 1982 г. обнаружила картину, во многом сходную с описанной Г.А. Меновщиковым, и ее члены могли бы высказать аналогичное предположение — что алеутскому языку осталось жить не более 20 лет.

Почему же все-таки язык оказывается так устойчив? Несмотря на многочисленные пророчества, исследователи из года в год встречают одну и ту же ситуацию: всегда находится десяток-полтора пожилых людей, в основном женщин, которые помнят родной язык, говорят на нем друг с другом и даже способны выступать достаточно квалифицированными информантами для лингвистов. Возникает впечатление, что в какой-то момент у старшего поколения на фоне всеобщего сдвига этноса к русскому (или иному) языку появляется своеобразная "регрессия", возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли.

Регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры давно описано в социальной антропологии. В какой-то момент человек начинает испытывать потребность в соблюдении старых обрядов, начинает чувствовать себя "носителем традиции" — даже если он никогда прежде не задумывался о подобных вещах; да и окружающие начинают ожидать от него знания традиции.

Думается, что аналогичный процесс, хоть это и может показаться не столь очевидным, происходит и с языком. Одна из причин этого, видимо, лежит в своеобразно меняющемся с возрастом отношении человека к своей собственной языковой компетенции и изменении оценки ("изменении ожидания") со стороны окружающих.

В ситуации, когда родной язык достаточно быстро уступает место другому, существуют, очевидно, некоторые универсальные правила "взаимного ожидания" того, какой язык окажется доминантным для данной возрастной группы независимо или почти независимо от реального возраста индивида. В этой ситуации естественно, что каждое следующее поколение говорит на родном языке хуже, чем предыдущее, причем этот факт осознается обоими поколениями, например, самым старшим (А) и следующим за ним (Б). Поколение Б всегда знает, что говорит хуже, чем это в принципе возможно, — и поэтому старается говорить поменьше, в особенности при "стариках". Сравнивая себя с поколением А, они утверждают, что говорят на языке плохо, — и то же самое скажет о них любой житель поселка: всем известно, что существует более богатый и "правильный" язык, чем тот, которым может говорить поколение Б. Если провести обследование этого поселка по предложенной методике, то балл, который в итоге получит поколение Б, будет располагаться где-то около 3.0.

Но проходит время, и поколение А сходит со сцены. Теперь уже поколение Б — "старики", и одновременно они автоматически становятся лучшими знатоками данного языка, какие существуют в данной общине, — просто

потому, что лучше их нет. Их языковая компетенция, в общем-то, всегда была достаточна для нормальной коммуникации на данном языке; она была "ущербной" только в сравнении с компетенцией предыдущего поколения, да и то не в силу реальной ущербности, а главным образом из-за психологических барьеров. Теперь же гнет психологического "комплекса лингвистической неполноценности", из-за которого поколение Б всю жизнь стеснялось говорить на языке из опасения быть осмеянным, оказывается снятым, — и выясняется, что их языковая компетенция достаточно велика.

Конечно, объективно этот язык отличается от языка ушедшего поколения. Скорее всего, в нем возрастет число заимствований, число аналитических форм, построенных по аналогии с русскими моделями, снизится доля конструкций, составляющих специфику языка, но аналоги которых отсутствуют в русском (типа инкорпорации, или специальных сложных способов суффиксального словообразования, или механизмов топикализации и др.). Однако этим слегка изменившимся языком поколение Б будет владеть совершенно свободно — и если теперь, через 10—15 лет, провести повторное исследование, то балл, который получит то же поколение, может оказаться близким 2.0 — т.е. выше, чем 10—15 лет назад.

Конечно, механизм регрессивного восстановления языка у старшего поколения может действовать лишь при одном обязательном условии: язык должен быть усвоен этим поколением во младенчестве, это должен быть в прямом смысле слова материнский язык. Такой язык, даже будучи вытеснен в пассивную зону, при благоприятных обстоятельствах может восстановиться. Поэтому этот механизм не может действовать бесконечно. Однако его наличие существенно продлевает жизнь любого языка, даже если на первый взгляд он находится "на грани исчезновения".

Наличие этого механизма делает достаточно сложным любой прогноз относительно будущего того или иного языка: очевидно, что для адекватного прогнозирования нужны очень тонкие и тщательные исследования.

Из сказанного можно сделать вывод общего плана, касающийся собственно предмета социолингвистических исследований. Известно, что билингвизм может изучаться как применительно к личности говорящего, так и применительно к коллективу говорящих [11]. Согласно первому из этих подходов (если он, так сказать, абсолютизируется), на первый план предлагается ставить "языковую личность" — средоточие производственных отношений, центр пересечения общественных и языковых функций и индивидуально-коммуникативных потребностей, которая и должна быть главным объектом социолингвистических исследований [12].

Представляется, что данный подход не обладает достаточной объяснительной силой для интерпретации сложных многоязычных ситуаций в районах Крайнего Севера. Работая с понятием "языковой личности", вряд ли удастся убедительно ответить на многие вопросы, которые материал постоянно ставит перед исследователем. Это, например, вопрос о правилах выбора языка общения из нескольких возможностей при коммуникации двух "языковых личностей" — членов одной языковой общины; или вопрос об особенностях и перспективах сосуществования языков, о переходе с языка на язык целым языковым коллективом. Это, наконец, рассмотренный выше вопрос "регрессивного восстановления" владения языком у "языковых личностей" старшего поколения, который также вряд ли может получить адекватную интерпретацию в терминах "языковой личности", поскольку весь механизм этого процесса строится на понятии социальных ролей поколений, на системе социальных, коллективных установок и ожиданий.

Подобно тому, как, согласно современным биологическим представлениям, единицей эволюции является популяция, а не особь, в социолингвистических процессах субъектом изменений является языковой коллектив. Языковое пове-

дение личности изменяется вследствие языковых изменений в общине. Следовательно, и объектом социолингвистического исследования также должна быть языковая община.

5. Основные принципы языковой политики в районах Крайнего Севера

Языковая ситуация в районах Крайнего Севера, как было показано выше, обладает рядом внутренних особенностей, истоки которых лежат в социально-экономических процессах, происходивших в регионе начиная с 30-х годов XX в.

Рассматривая эту ситуацию в сравнении с другими, лучше известными, такими, как взаимоотношение русского и латышского, эстонского и русского, абхазского и грузинского, памирских и таджикского, украинского и болгарского языков и многих других (ср. также многочисленные исследования по другим ареалам, часто выполненные на высоком уровне, например, по Чувашии [13] или Казахстану [14, 15]), можно выделить ряд следствий как чисто научного характера (описанные выше тип изучаемого объекта и методы его исследования), так и практического порядка.

Нужно также иметь в виду, что у большинства народностей Севера отсутствуют (или отсутствовали до недавнего времени), для других неэффективны национальные административно-территориальные образования как средство защиты родного языка и национальной культуры. Подавляющее большинство малых народностей Севера совершенно лишено возможности влиять на экономическую, социальную и языковую ситуацию в районах, в которых они проживают. Такие вопросы, как: нужно ли вводить преподавание родного языка, и если да, то в каком объеме, с какого по какой класс; продолжать ли жителям заниматься традиционным морским промыслом или всем дружно пере-квалифицироваться в звероводов, разделщиков рыбы, изготовителей сувениров; и даже — быть ли данному поселку или он должен быть "закрыт", а жители переселены в другое место — все эти вопросы решаются вне поселка, где-то "наверху".

Отсюда абсолютная зависимость малых народностей Севера от решений федеративных, областных, краевых, районных органов власти. Они беззащитны перед ошибкой или злой волей "вышестоящих", а отсюда — особая ответственность любого, кто берется предлагать рекомендации в области преподавания этих языков, издания литературы на них, подготовки учителей и других вопросов, связанных с существованием этих языков.

Сейчас предпринимается много попыток формулирования принципов языковой политики — от газетных публикаций, выражающих частное мнение, до государственных законов, регулирующих языковые отношения в масштабе республики. Точки зрения самые разные: от призывов к скорейшему переходу на русский язык до утверждения безусловной ценности двуязычия и до явно формулируемых тенденций к национальному одноязычию, к отталкиванию от русского языка [характерны в этом отношении материалы Круглого стола в Институте языкознания АН СССР (ныне РАН) 30—31 мая 1989 г., где все эти точки зрения были представлены].

Хотелось бы сформулировать в заключение некоторые принципы, на которых, по убеждению автора, должна строиться языковая политика на Крайнем Севере; естественно, это лишь одна из возможных позиций в данном вопросе, окончательное решение которого должно быть плодом коллективных усилий.

Представляется, что эти принципы согласуются с Конвенцией № 169 о коренных и других народностях, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, принятой на генеральной конференции Международной Организации Труда в июне 1989 г. [16].

а) Необходимо признать и законодательно зафиксировать принцип безуслов-

ной ценности каждого языка как тезауруса культуры народа, основы национального самосознания человека, "материального выражения интеллектуальной общности данного коллектива", по удачному выражению акад. Н.И. Конрада, независимо от численности самого народа и от уровня его материальной и социальной культуры "до 1917 года".

б) Необходимо признать безусловное право каждой, сколь угодно малой народности пользоваться родным языком в любой общественной сфере, в которой она считает нужным.

в) Необходимо констатировать, что народность, искусственно лишенная возможности пользоваться родным языком, не может нормально существовать, а также эксплицитно сформулировать тезис о принципиальном нездоровье общества, допускающего такие ситуации.

г) Необходимо признать и законодательно зафиксировать обязанность государства предоставить и экономически обеспечить каждой общине реальную возможность получить образование на родном языке в пределах, выбранных данной конкретной общиной, а также реальное право пользоваться родным языком в любой сфере жизни.

д) Необходимо признать неразрывную связь каждого языка с традиционной культурой, хозяйственной деятельностью и традиционным природопользованием и как следствие констатировать невозможность решить языковую проблему изолированно от проблем земельной собственности, реальной власти местных органов, природопользования и природоохраны, самоопределения народности в отношении ее хозяйственной и производственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асиновский А.С., Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // ВЯ. 1983. № 6.
2. Вахтин Н.Б. К социолингвистическому описанию эскимосских поселений Чукотского полуострова // Лингвистические исследования. 1984: Историко-типологическое исследование разнотипных языков. М., 1984.
3. Асиновский А.С. Социолингвистические аспекты взаимодействия русской и ительменской языковых систем в национальном поселке Ковран // Язык, культура и общество: проблемы развития. Л., 1986.
4. Люблинская М.Д. К социолингвистическому описанию ненцев поселка Носок Таймырского полуострова // Лингвистические исследования. 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986.
5. Vakhitin N. The Yukagir language in sociolinguistic perspective. Steszew, 1991.
6. Аерорин В.А. Новые исследования по языкам народностей Севера // ИАН СЛЯ. 1957. № 5. С. 470.
7. Освоение без отчуждения: Материалы экспертного опроса / Под ред. Бакштановского В.И. Вып. I—II. Тюмень, 1989.
8. Нохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I: Образцы народной словесности юкагиров // Тр. якутской экспедиции. Отдел III. Т. 9. Ч. 3. СПб., 1900.
9. Меновицкое Г.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // ВЯ. 1964. № 5.
10. Меновицкое Г.А. Новые данные о языке алеутов Командорских островов // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук. 1965. № 1.
11. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 21.
12. Советское языкознание в канун нового пятилетия // ВЯ. 1986. № 2.
13. Чуваши: современные этнокультурные процессы / Отв. ред. Пименов В.В. М., 1988.
14. Копыленко М.М., Саина С.Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982.
15. Хасанов Б.К. Казахско-русское двуязычие: социально-лингвистический аспект. Алма-Ата, 1987.
16. Информация М[еждународной] О[рганизации] Т[руда]. № 3 (август). Женева, 1989. С. 3—6.

© 1992 г. ДОРЭ Л.-Ж.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ВЫМИРАНИЕ ЯЗЫКА В КАНАДСКОЙ АРКТИКЕ

Сегодняшняя языковая ситуация среди канадских инуитов (эскимосов) может показаться внимательному исследователю немного странной. С одной стороны, с начала 70-х годов наблюдается поразительное возрождение инуитской культуры и языка. Если в середине 50-х инуктитут (язык инуитов) рассматривался как препятствие прогрессу и включению в единое движение канадского общества, то сейчас как эскимосские, так и неэскимосские власти рассматривают его как полноправный язык. 74% инуитского населения (81% в восточной Арктике) говорит на нем, инуктитут преподается в значительном большинстве школ канадской Арктики. Он имеет статус официального языка коренного населения как в Северо-Западных Территориях, так и в арктическом Квебеке. Как следствие большинство официальных документов, касающихся инуитов, переводится на инуктитут, он используется во время обсуждений в законодательной ассамблее Северо-Западных Территорий и других правительственных заседаниях.

Инуцитут звучит по радио и, хотя и в меньшей степени, по телевидению (в среднем 45 минут в день), на нем выходят десятки газет и журналов.

Можно, таким образом, заключить, что для канадских инуитов инуктитут стал главным символом этнической самобытности.

Но, с другой стороны, несмотря на кажущееся благополучие, есть основания для беспокойства. Обучение инуктитуту ведется только в первых 3—4 классах, а затем он заменяется английским (или иногда французским в провинции Квебек), так что практически вместо того, чтобы быть главным средством обучения, он используется для более быстрого обучения основным навыкам письма, чтения и математики, с тем чтобы облегчить последующий переход на второй язык. Прилагаются большие усилия для подготовки квалифицированных учителей-инуитов, но что касается подготовки учителей инуктитута как первого языка, то ее уровень очень низок и во многом уступает 10-летней программе обучения, которая в настоящее время используется в Гренландии.

Официальные, технические и административные тексты обычно переводятся на инуктитут, но читает их лишь небольшое количество людей. Язык перевода настолько неуклюж и неудобоварим, что большинство потенциальных читателей, которые, как правило, двуязычны, предпочитает иметь дело с английским оригиналом.

Передачи местного радио — это, по-видимому, та область, в которой инуктитут звучит чаще всего. Но, с другой стороны, телевидение практически полностью англоязычно. От 30 до 60 минут ежедневного телевидения на инуктитуте приходится на неудобное время (полночь, например), и их информационное и национально-направленное содержание не может составлять серьезной конкуренции 15 часам боевиков, комедий, спектаклей, музыкальных передач, викторин на английском языке, которые в некоторых общинах транслируются по 12 каналам.

Газеты и журналы на эскимосском имеют много читателей, но книг на нем очень мало. Более того, как свидетельствует исследование, проводимое издаю-

щимся в Оттаве журналом "Iglaaq" ("Слово"), большинство молодых людей более свободно владеет английским письменным языком, чем инуктитутом.

Наконец, большинство инуитов гордится своим языком и считает его важной составляющей своей национальной самобытности. Но в тех районах, где он еще не исчез, многие молодые люди самостоятельно переходят с инуктитута на английский или говорят исключительно по-английски, когда обращаются к старшим; многие из них говорят с детьми только по-английски. В результате даже в восточной Арктике растет число детей, которые не говорят на инуктитуте.

Как можно объяснить эту противоречивую на первый взгляд ситуацию? Вероятно, ключ к объяснению заключается в концепции диглоссии, впервые определенной американским лингвистом Ч. Фергюсоном [1] как ситуация, в которой для функционирования общества необходимо два (или более) неравноправных диалекта или языка: один для высших функций (экономика, правительство, образование), второй для низших (бытовое общение). Определение Фергюсона чисто дескриптивно. Позднее социолингвисты пытались объяснить, почему существует и как функционирует диглоссия. Многие из них сходятся в том, что диглоссия вытекает из неравного положения доминирующего и подчиненного социальных классов (групп). Лингвистическое неравенство отражает и укрепляет экономическое и социальное деление внутри общества.

Очевидно, что канадские инуиты являют собой классический пример диглоссии. Несмотря на свою символическую ценность язык инуктитут используется для бытового общения и для начального образования, в то время как английский является единственным ключом к успеху в экономической, социальной и академической сферах. Таким образом, нынешняя языковая ситуация может трактоваться как соперничество между обновленной и переосмысленной социальной, культурной и лингвистической самобытностью инуитов и всемогуществом английского языка, который, без сомнения, является доминирующим языком в Северной Америке. Следовательно, в своей основе отношения между английским и инуктитутом неравноправны. Это составляет часть процесса зависимости и классового деления, в который инуиты все глубже вовлекались с момента их первых контактов с европейцами.

Как уже было отмечено, несколько авторов начали изучение различных аспектов языковых отношений в канадской Арктике. В роли пионеров в этой области выступали Праттис и Шартрон [2]. По их мнению, для того чтобы сохранить инуктитут, он должен стать частью всеобъемлющей программы развития двуязычия и двух культур на общинном уровне. Во всех аспектах жизни общин следует поощрять использование языка инуктитут. Таким образом, хотя и необходимо официальное признание правительственных органов, решения по развитию образования, средств массовой информации и использованию инуктитута как административного должны приниматься децентрализованно, на уровне общин. Это необходимо для того, чтобы дать коренному населению реальную самостоятельность в принятии решений.

При исследовании школьного обучения на английском языке в Иглулике Маккэй [3] выяснил, что несмотря на то, что английский используется с 4-го класса, ученики младших классов средней школы все же недостаточно хорошо владеют им. В результате преподаватели-предметники вынуждены занижать требования к учащимся, чтобы добиться их более активного участия в учебном процессе. Но на самом деле подобное отношение может затормозить процесс овладения языком и ограничить успехи в учебе. Таким образом, обучение на английском языке не только наносит ущерб сохранению инуктитута, но и не дает молодым билингвам достаточного знания второго языка.

Эти выводы подтверждаются Дорэ и Колли [4] в их исследовании проблемы двуязычия в пяти инуитских общинах. На основе лексикологических и социолингвистических данных они показывают, что словарный запас языка инуктитут учеников быстро растет до 5—6-х классов, а затем внезапно уменьшается за

счет роста английского. Соответственно, эти ученики, особенно в Северо-Западных Территориях, выказывают склонность к общению на английском с друзьями, братьями и сестрами, даже если большинство из них и говорит почти исключительно на инуктитуте, обращаясь к родителям. Эти данные свидетельствуют об "отступлении" инуктитута среди молодого поколения.

В неопубликованной работе "Вопросы преподавания родного языка: Исследование грамотности родного языка и английского языка", которая посвящена обучению на родном языке, А. Стейрс показывает практически одинаковое владение письменным инуктитутом и английским в школах арктического Квебека. Более того, очевидно, что уровень владения обоими языками один для всей общины. В некоторых поселках все ученики хорошо владеют как инуктитутом, так и английским, в других большинство владеет обоими языками плохо. Стейрс не дает этому объяснения, но, по-моему, "сила" эскимосского в той или иной общине связана с такими факторами, как численность общины (небольшие поселки могут быть ориентированы на использование инуктитута), отношение к земле (занятия охотой и собирательством могут благоприятствовать сохранению родного языка) и общая уверенность в своих ценностях и образе жизни.

И, наконец, в главе из будущей книги о возрождении языка в Арктике Дорэ приходит к выводу, что, учитывая историческую и настоящую ситуацию в языковых отношениях между канадскими эскимосами, следует очень осторожно подходить к оценке будущего инуктитута. Язык может сохраниться, но только при условии, что нынешние общие экономические, политические и социальные условия будут изменены в пользу коренного населения.

Таким образом, исход лингвистической борьбы между "высшим" и "низшим" протагонистами в данной диглосийной ситуации далеко не ясен. С одной стороны, исследования Маккэя, Дорэ и Коллиса указывают на "ущербное" двуязычие, при котором не достигается полного овладения ни одним из двух языков, и все меньшее число молодежи говорит на инуктитуте.

С другой стороны, Стейрс, Праттис и Шартрэн, возможно, указывают выход из положения: деятельность общин. Создается впечатление, что позиции эскимосского языка сильнее в хорошо интегрированных общинах, и если эскимосы и другие заинтересованные стороны хотят его сохранить, следует принять конкретные меры по поощрению его использования на общинном уровне.

Это означает необходимость некоторой децентрализации культурной, образовательной, политической и экономической власти для того, чтобы дать коренному населению реальное право распоряжаться своей судьбой. Различные правительства, администрации и корпорации, управляющие Арктикой в настоящее время, без сомнения, готовы способствовать осуществлению культурных и языковых прав (отсюда поощрение национальных школ и средств массовой информации), потому что им они кажутся менее опасными, чем территориальные и экономические права. Но не следует забывать, что диглоссия — это всего лишь часть всеобъемлющего процесса зависимости, который характеризует ситуацию вокруг сегодняшних инуитов. Если этот процесс будет остановлен посредством местной автономии и власти общин, то наблюдающееся сейчас культурное лингвистическое возрождение окажется недолговечным, а язык инуитов будет обречен на вымирание в течение жизни двух или трех поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ferguson C. Diglossia // Word. 1959. Т. 5.*
2. *Prattis J.L., Chartrand J.P. Minority language bilingualism: The case of Inuktitut in the Canadian North. Ottawa, 1984.*
3. *Mackay R. The role of English in education in an Eastern Arctic school. Montreal, 1986.*
4. *Dorais L.J., Collis D.R.F. Inuit bilingualism and diglossia: Research report. Quebec, 1987.*

Перевел с английского *Мокат А.И.*

© 1992 г. ЯМШАНОВА В.А.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать одну из фундаментальных семантических категорий (СК) — категорию инструментальности: выявить внешние связи этой СК с той средой в пределах которой она функционирует, установить ее внутреннее строение — иерархическую структуру семантической вариантности и в конечном счете представить СК инструментальности как целостный объект.

СК занимает важное место в понятийном аппарате того направления функциональной грамматики, которое ориентируется на понятие функционально-семантического поля, дающего "системное основание для анализа функций единиц разных уровней строя языка" [1, с. 11]. СК образуют содержательную основу функционально-семантических полей и детерминируются, с одной стороны, отражаемой в сознании и мышлении человека внеязыковой объективной реальностью, а с другой — воздействием языковой категоризации, опирающейся на средства формального выражения [1, с. 31]. В отношении СК инструментальности можно констатировать высокую степень изученности конкретно-языковой реализации инструментального содержания в разных языках [2—6] и одновременно недостаточную исследованность структуры самого выражаемого смысла. Наиболее интересные работы, посвященные выявлению внутренней субкатегоризации этой СК, касаются обычно какого-либо одного фрагмента содержательной структуры (в подавляющем большинстве случаев — субкатегории орудия) и выполнены на ограниченном языковом материале (например, в центре внимания русистов преимущественно находится существительное в творительном падеже [7; 8, с. 312—319]). Расхождения в субкатегориальном членении проявляются, в частности, в различном толковании общепринятых терминов "орудие", "инструмент", "средство", "способ". Своеобразие терминологической ситуации, связанной с описанием инструментального содержания, состоит также в том, что в лингвистической литературе наряду с термином, обозначающим чисто языковое явление — "инструментальность" (ср.: "каузальность", "темпоральность", "субъектность" и т.п.), отсутствует однозначный общепринятый термин, обозначающий реальное явление, отображаемое в языке (ср.: "причина", "время", "субъект" и т.п.). Термины "орудие" и "инструмент" традиционно применяются в первую очередь по отношению к предметам, используемым в инструментальной функции, но не к действиям, событиям, явлениям, природным силам, которые человек сознательно применяет для достижения цели. Термин "способ", напротив, акцентирует событийную сторону инструментального отношения. Термином, обобщающим все стороны инструментального содержания, может служить "средство" — слово, распространенное в этом значении в бытовом употреблении (ср.: *добиваться чего-л. всеми средствами*) и закрепившееся терминологически за обозначением общефилософской категории [9]. Аналогично таким традиционным обозначениям СК, как "темпоральность" (время), "локативность" (пространство) и т.п. (ср., например [1, с. 30]), обозначим обсуждаемую здесь СК как "инструментальность" (средство).

Изучение связей СК инструментальности с ее окружением показало, что в качестве среды [10] по отношению к этой СК выступает более широкое системное

образование — СК деятельности, которая понимается как отражение специфически человеческой формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение, познание и оценка, а также взаимодействие с другими людьми [11, 12] Категория деятельности представляет собой "неаддитивную систему, обладающую многоуровневой организацией" [13, с. 9], в которую категория средства входит на правах элемента. Чтобы выявить статус элемента "средство" в пределах более широкой системы, необходимо проследовать его связи с другими элементами этой системы.

1. Связь элемента "средство" с элементами "цель" и "результат" можно представить в виде известной формулы: "цель — средство — результат", обнаруживающей срединное положение "средства". Цель деятельности — это предвосхищение в сознании человека результата, на достижение которого направлены действия, его мысленная модель. Объективный результат как осуществленная цель может содержать некоторый момент несовпадения с субъективной целью. Средство выступает как опосредствующий элемент в движении от цели к результату. Будучи средним звеном в трехчленной цепи, "средство" взаимодействует с левым и правым звеньями своими разными сторонами. Для того чтобы понять, как через средство происходит переход от субъективной цели к объективному результату, необходимо в самом понятии "средство" различать две стороны: средство как абстрактно-логическую категорию и средство как реальность [14, с. 101—102].

В левом звене (цель — средство) оба его члена представлены в чисто идеальном плане. Средство вступает в это отношение в его абстрактно-всеобщем виде: быть способным служить цели [14, с. 84]. В понятийном отношении цель и средство составляют двустороннее единство. С одной стороны, без соотнесения со средством цель представляет собой не более чем абстрактное стремление, неопределенный идеал, которого можно желать, но который не всегда можно реализовать. С другой стороны, никакая реально существующая вещь не может стать средством, пока человек не соотнес ее с целью деятельности. В языке это мысленное соотнесение цели и средства, потенциальный характер их связи маркируется предикатами мысли и чувства, оптативными и модальными глаголами, формами сослагательного наклонения и будущего времени: *Мими увидела, что если не замужеством, то другими средствами надобно поддерживать себя в свете* (В. Одоевский); *...когда полгода назад сын пошел не прямо на фронт, а на пехотные курсы младших лейтенантов, Виссарион и помогал, и где-то в глубине души хотел хоть немножко отодвинуть сына от смерти этими курсами* (К. Си.лонов).

Правое звено (средство — результат) отражает связь рассматриваемых компонентов в реальной действительности. Как было показано, первым шагом целеполагающей деятельности является мыслительная операция — соотнесение цели и средства в идеальном плане. Однако результат (реализованная цель) всегда реален, и привести к нему может только реальное средство. В языке отношения между средством и результатом обычно изображаются ретроспективно, от уже достигнутого результата к средству его достижения: *Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого неряшливого пса? — спросил приятный мужской голос... — Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом* (М. Булгаков); *...отец мой игрок — он игрою сделал себе состояние* (В. Одоевский). Подобно взаимному определению цели и средства в левом звене структуры "цель — средство — результат" элементы правого звена также взаимно предполагают друг друга: как не существует результата без применения реального средства, так и применение реального средства не может не привести к определенному результату.

Определив место и связи элемента "средство", выступающего в исследуемой структуре в двух субкатегориальных разновидностях — как средство реализации

цели и как средство достижения результата, уточним содержательный аспект этого элемента системы деятельности. Переход от цели к результату, от представления к действительности осуществляется через действие (или последовательность действий). Именно практическое действие является причиной наступления результата. Так, путь превращения желания герцога в действительность в ситуации ... *герцог д'Эрнрон решил рассеять свою любовницу, устроив для нее ряд праздников и спектаклей на реке Гаронне* (М. Булгаков) лежит через ряд действий — устройство праздников и спектаклей. Средство реализации цели (акцентируя другую сторону "средства", можно назвать этот элемент "средством достижения результата") — это "способность, воплощенная в конкретной и деятельной форме" [9, с. 77].

2. Связь элемента "средство" с элементами "субъект" и "объект", неотъемлемыми составляющими деятельности как "способа освоения человеком действительности" [15], является опосредствованной через элемент "действие". Категориальное различие субъекта и объекта деятельности отражает осознание человеком своего отличия от внешнего мира. Субъектом деятельности может быть отдельный человек, группа людей, общество в целом. Объект же проявляется как такая часть объективной реальности, которая находится во взаимодействии с субъектом. Именно включение в деятельность и освоение субъектом позволяет части предметов объективной реальности приобрести свойство "быть объектом" [16, с. 140]. Объект деятельности может быть материальным и идеальным — предмет, человек (в том числе и сам субъект, если он направляет свою активность на себя), общество, социальные институты, социально-общественные отношения и связи и т.д. Таким образом, члены категориальной оппозиции "субъект — объект" не являются жестко закрепленными за определенными "вещами", одна и та же вещь может быть и субъектом, и объектом. Подобная закономерность наблюдается и в других категориальных парах: например, одно и то же действие может в одном случае выступать как причина, а в другом — как следствие; явление, квалифицируемое сначала как цель, может превратиться в средство достижения другой цели.

Отношения между субъектом и объектом, осуществляющиеся через действие (или последовательность действий)¹, можно условно представить в виде ряда "субъект — действие — объект". Действие, направленное на объект, может состоять в воздействии на него² или во взаимодействии с ним³. В последнем случае субъект относится к объекту как к партнеру, проявляющему в "обратной связи" с субъектом собственную активность (при доминирующем положении субъекта действия), ср.: *Он бил мальчишку и Он дрался с мальчишкой*. Отношения, выраженные в последнем примере, можно описать как "субъект — действие — субъект", акцентируя особую роль второго предметного члена, но можно рассматривать их и в пределах субъектно-объектных отношений. В языке различия в изображении субъектно-объектных отношений обоих типов проявляются, в частности, в закономерностях распределения глагольных лексем по признакам переходности/непереходности, каузативности/некаузативности, в закономерностях

¹ Ср. определение субъекта познания, данное Ж. Пиаже ("субъект — не что иное, как система действий, совершаемых им по отношению к объектам" [17]), которое можно распространить и на субъекты других видов деятельности. Строго говоря, нет отдельно субъекта и объекта, а существует только их взаимосвязь.

² Воздействие субъекта на объект может быть представлено в частных разновидностях его преобразования, познания и оценки; преобразование объекта может идти в направлении его создания, изменения, перемещения и т.п.; каждый из этих подвидов может быть представлен в своих частных разновидностях и т.д.

³ Взаимодействие субъекта с объектом может проявляться либо как коммуникация — передача сообщения партнеру, либо как интеракция — общение, не связанное с информационным контактом; коммуникация может быть вербальной и невербальной и т.д.

распределения субстантивных лексем по признаку одушевленности/ неодушевленности и др.

Рассмотренные фрагменты структуры деятельности "цель — средство — результат" и "субъект — действие — объект", каждый из которых сам образует упорядоченную структуру, закономерно обнаруживают содержательные и структурные взаимосвязи. Некоторые элементы одной структуры с необходимостью предполагают наличие определенных элементов другой структуры. Так, любой из элементов цепи "цель — средство — результат" предполагает связь с сознательным субъектом. Элемент "средство" охватывает сразу два последних элемента в последовательности "субъект — действие — объект", так как цель реализуется субъектом именно в ходе воздействия на объект или взаимодействия с ним. Средство реализации цели (средство достижения результата) включает в себя все, что опосредствует собой движение от цели к результату: целенаправленное действие субъекта и те материально-предметные условия, в которых дана цель — объект воздействия и орудие действия, если таковое имеется. Хотя объект действия, его цель и результат определенным образом связаны друг с другом, неправомерно ставить знак равенства между этими понятиями, рассматривая объект как цель [18] или как "конечный результат действия" [19]. Различия между ними отражаются в языке. Так, в ситуации, изображенной в высказывании *Он распиливает бревно, чтобы заготовить дрова на зиму*, объектом действия является бревно, а не дрова, которые в момент осуществления субъектом конкретного действия (распиливания бревна) существуют лишь потенциально, как возможность.

Структуры "субъект — действие — объект" и "цель — средство — (действие) — результат" описывают систему деятельности под разными углами зрения и на разных уровнях обобщения. Центральным элементом обеих структур является "действие", характеризуемое, однако, с разной степенью полноты. В первом случае (действие в узком смысле) имеется в виду конкретное действие субъекта, т.е. воздействие на объект или взаимодействие с ним — акт, процесс, событие и т.п. Во втором случае (действие в широком смысле) оно рассматривается в своей противопоставленности цели, ради которой оно совершается; здесь оно берется комплексно — со всеми его внутренними составляющими и внешними условиями протекания, приобретая смысл и ценность не само по себе, а лишь "...в соотношении с какой-то внешней для него целью и ценностью, которая представляется как более высокая" [14, с. 80]. Так, в высказывании *Чтобы заготовить дрова на зиму, он трудился две недели, распиливая бревна лучковой пилой и раскалывая поленья старым колуном* в качестве средства осуществления цели "заготовить дрова" выступает весь трудовой процесс, включающий на правах составляющих более частные действия (операции), каждое из которых осуществляется в своих конкретно-предметных условиях (со своим объектом и орудием воздействия), тогда как действиями субъекта, направленными непосредственно на объекты воздействия, являются только "распиливание" (бревен) и "раскалывание" (поленьев).

В ходе рассмотрения "горизонтальной" структуры деятельности была выявлена срединная позиция элемента "действие", выступающего с разной степенью обобщенности: либо более широкой — как средство реализации цели или средство достижения результата, либо более узкой — как конкретный акт контакта субъекта с объектом. Выявленные связи элемента "действие" с другими элементами структуры можно назвать координационными, лежащими на одном уровне. Существуют и субординационные связи элемента "действие", вскрывающие многоуровневое строение системы деятельности.

3. При исследовании связи элемента "средство" с элементом "действие" обнаруживается еще одна, третья субкатегориальная разновидность средства — "средство осуществления действия", которая в свою очередь представляет собой

единство двух взаимосвязанных аспектов инструментального содержания: "способа осуществления действия" и "орудия осуществления действия".

3.1. Деятельность существует как последовательность действий, в частном случае — как одно действие. Эти действия могут быть однотипными или отличаться друг от друга по объему, цели, средствам, временным и пространственным характеристикам и т.д., но каждое из них имеет одну и ту же "горизонтальную схему": оно соотнесено с целью и направлено на достижение результата. Цель, которой подчинено каждое конкретное действие, входящее в деятельность, представляет собой частную цель, промежуточную по отношению к общей цели всей деятельности. Соответственно результат, достигаемый в процессе осуществления отдельного действия, выступает как промежуточный результат по отношению к конечному результату, представлению о котором подчинена вся деятельность.

Подобно тому как основными составляющими деятельности являются осуществляющие ее действия, основными составляющими действия являются осуществляющие его способы. Под способом понимается процедура, прием выполнения действия, отдельная операция. Термины "способ" и "операция" обычно употребляются синонимически. Все же, видимо, есть различие между способом и операцией; оно проходит по линии виртуального и актуального. Операция — это актуализированный, индивидуализированный способ, осуществляемый в конкретных условиях. Реальное действие существует как последовательность операций, в частном случае — как одна операция.

По своему происхождению операция представляет собой продукт развития действия и как бы "понижение действия в ранге". Например, при обучении определенному стилю плавания специально и отдельно отрабатывается действие рук и процесс дыхания, причем подробно объясняется операционный состав этих действий. Человек, тренирующий действие руки, обязательно выделяет цель этого действия — перемещение массы воды в направлении, противоположном движению. Однако для умелого пловца действие руки перестает быть сознательным целенаправленным действием. Оно превращается в необходимую операцию, способ осуществления более сложного действия — самого процесса плавания. В действии-способе можно выделить свои составляющие — более специализированные приемы, способы второй ступени, по отношению к которым способ будет выступать как целенаправленное действие (способ повышается в ранге).

Таким образом, действие, которое в соотнесении с целью или результатом выступает как средство, само имеет сложную структуру, расчлененное строение которой можно представить как "целенаправленное действие — способ(ы) его осуществления". Ср.: *...следовательно, мы были обязаны совместно исправить эти беспорядки и пользоваться самым простым и быстрым средством к тому, т.е. бережно хранить все имущество Академии, не расхищая и не портя его* (Е. Дашкова), где действие "хранить (имущество)", выступающее как средство реализации цели "исправить беспорядки", расщипывается с точки зрения конкретных способов его осуществления ("не расхищая и не портя его").

Рассмотрение "вертикального среза" структуры деятельности позволяет выделить в нем три главных уровня, образующих иерархию действий: деятельность, отличную от других конкретных деятельностей по критерию мотива; действие — процесс, подчиненный сознательной цели; способ — операцию, непосредственно зависящую от условий достижения конкретной цели [13, с. 110]. В реальной деятельности ни одна из выделенных единиц не существует изолированно, как некая "отдельность". Деятельность (верхний уровень иерархии) реализуется только посредством действия или совокупности действий. Целенаправленное действие (средний уровень) представляет собой, с одной стороны (со стороны мотива), осуществляемую деятельность, и с другой стороны, оно само реализуется только через операцию или совокупность операций. Способ (нижний уровень) есть не что иное, как целенаправленное действие, взятое в его операционном аспекте. "Если

мысленно вычеркнуть из действия все операции, а из деятельности все действия, то от деятельности ничего не остается" [13, с. 104]. В то же время деятельность и действие, действие и способ представляют собой "подлинные и не совпадающие между собой реальности". В реальном функционировании они могут переходить друг в друга. Если деятельность теряет свой мотив, она превращается в действие (которое может реализовать совсем другую деятельность). Напротив, действие, получившее самостоятельную побудительную силу (мотив), превращается в деятельность. Действие, утратившее самостоятельную цель, становится операцией (способной реализовать другое действие); в свою очередь по отношению к другой, более частной операции способ может выступать как сознательное действие. "Единицы деятельности" могут укрупняться и дробиться в зависимости от того, как членит мир сознательно действующий субъект [13, с. 102—111].

Отражение в языке разномасштабного членения мира человеком можно продемонстрировать сравнением примеров *Он укрепляет свое здоровье ежедневными тренировками* и *Он ежедневно тренируется, пробегая по утрам несколько километров*, где действие "тренироваться" в первом случае выступает как конкретизация (способ) действия "укреплять свое здоровье", а во втором — как более отвлеченное действие по сравнению с действием-способом "пробегать (несколько километров)". В обоих случаях целенаправленное действие и действие-способ связаны отношением включения; одно и то же событие описывается с разных сторон: с помощью языковых средств более широкого, обобщенного значения и формами с более узким, конкретным значением. Более длинные цепочки действий, связанных инструментальными отношениями, редки, хотя и возможны, как, например: *Он укрепляет свое здоровье ежедневными тренировками, пробегая по утрам несколько километров*. Здесь представлен частный случай отношений включения — отношение сужения, когда событие сначала описывается в более общей форме, а затем все более конкретизируется. При этом разные ступени инструментальности синтагматически оформляются разными языковыми средствами.

3.2. До сих пор речь шла о той форме существования деятельности, которая называется "живой деятельностью". Однако деятельность как целое существует лишь в единстве противоположностей — деятельности живой и деятельности опредмеченной [16, с. 123], проявляющей себя, в частности, в виде орудий. Орудия — это предметы, в которых овеществлены операции. Например, материальный объект можно расчленил при помощи разных орудий, каждое из которых определяет собой способ осуществления этого действия; так, полено можно расчленил пилой (распиливая), топором (разрубая или раскалывая), ножом (расщепляя), камнем (разбивая). Чем более орудие специализировано на выполнении определенного действия, тем более жесткой является связь между этим предметом и воплощенным в нем способом. Человек, выделив интересующее его свойство предмета, может искусственно создать "очищенную форму его бытия" [14, с. 98] — инструмент, специализированный на выполнении конкретной операции.

В пределах категории орудия выделяются свои субкатегории — "дискретное" и "недискретное" орудия. Это различие базируется на разграничении предметов, определяемых посредством счета, и предметов, определяемых посредством измерения, ср.: *Мать приучила ребенка чистить зубы зубной щеткой* и *Он чистит зубы пастой, а не порошком*. Недискретные предметы, используемые в орудийной функции, ведут себя иначе, чем дискретные орудия: в процессе воздействия на объект они изменяются количественно — расходуются и качественно — их повторное использование в том же виде обычно становится невозможным. Дискретные орудия не расходуются, не столь подвержены качественному изменению и, войдя во временное соприкосновение с объектом воздействия, возвращаются в сферу субъекта. Разграничение дискретного и

недискретного видов орудия коррелирует с традиционным разделением "орудия" — собственно предмета и "средства" — вещества, материала. Критерии разграничения содержания этих понятий издавна привлекают внимание лингвистов, так как различия, лежащие в их основе, могут находить формальное выражение⁴. В рамках субкатегории "дискретное орудие" разграничиваются "отчуждаемое" и "неотчуждаемое" орудие (часть тела человека), а также другие, более дробные разряды предметов. Важно то, что за любым предметом-орудием стоит действие, которое субъект осуществляет как способ реализации другого — целенаправленного — действия. "Действие" орудия является способом осуществления действия субъекта.

Различаясь субстанционально — как процесс и предмет, способ и орудие объединяются функционально — своим инструментальным отношением к действию, выступая как средства его осуществления. Существенно, что способы и орудия являются непосредственными средствами осуществления именно действия и лишь опосредствованно — через целенаправленные действия — они выступают как средства реализации цели или достижения результата. Таким образом, средство осуществления действия (средства в узком смысле) является составляющей средства реализации цели/достижения результата (средства в широком смысле), средством второй ступени. В многоуровневой структуре деятельности, таким образом, можно установить не только иерархию действий: деятельность — действие — способ, но и иерархию средств: средство реализации цели / средство достижения результата — средство осуществления действия.

4. Связи трех выделенных субкатегориальных разновидностей средства с другими элементами системы деятельности моделируют три последовательные фазы любого деятельностного акта: 1) регулятивную — постановка цели и соотнесение с ней возможных средств реализации (цель — средство); 2) исполнительскую — процесс непосредственного осуществления целенаправленного действия с помощью конкретных средств (целенаправленное действие — средство его осуществления); 3) результативную — установление результата и выявление средств, вызвавших его наступление (средство — результат). Отражаемые в языке три фазы деятельностного акта выделяются философами с давних пор. Так, еще Аристотель рассматривал деятельность а) как таковую, б) как деятельность в потенции, в) как реализованную деятельность, имея в виду три аспекта, точнее три способа видения одного и того же акта деятельности [20].

В языке каждая из трех фаз деятельности передается в виде инструментальной ситуации, представляющей собой частный вариант инструментальной содержательной структуры [1, с. 12—14]. Инструментальные ситуации всех типов обозначают по меньшей мере два события (или два аспекта одного события), причем "средство" — зависимое событие. Событийная сущность инструментального отношения может передаваться с разной степенью эксплицитности — от подробного описания всех участников события с указанием времени, места и других обстоятельств его осуществления (деепричастная конструкция, придаточное инструментальное) до лишь имплицитного выражения события — в названии предмета-участника. Из трех деятельностных фаз исполнительная фаза наиболее ярко выявляет опредмеченную сторону деятельности, поскольку именно в ходе этой фазы осуществляется конкретное воздействие на объект или взаимодействие с другим предметом. Хотя даже конкретно-механические действия могут быть реализованы без привлечения специальных орудий (так, расколоть полено можно и без топора, просто ударяя им обо что-либо твердое), узואльно воздействия на материальный объект осуществляются предметно. Закономерно существенное преобладание обозначений орудий над обозначениями способов при отображении

⁴ Фактически изучение СК инструментальности шло в направлении изучения субкатегории орудия; при этом термины "инструментальность" и "орудийность" обычно употребляются синонимически (см., например [8, с. 317]).

исполнительской фазы деятельности: *Полицейские избивали меня дубинками, боксеры молотили кулаками, меня заставляли становиться на четвереньки и ногами отбивали мне почки, но мне еще повезло — других пытали током* (Ю. Трифонов). Обозначения орудий встречаются реже при языковой репрезентации результативной и особенно регулятивной фаз деятельности; при этом часто понижается уровень семантической достаточности для понимания некоторых высказываний: *Вытянул он у меня секрет самогонкой* (В. Астафьев) (как: напоив угостив самогонкой?, продав, пообещав самогонку?); *И кинолентой рассчитываешь объединить нас, одиночек?* (Ю. Трифонов) (как: отсняв, показав киноленту?, предложив принять участие в создании киноленты?). В целом при выражении инструментальных отношений обозначения предметных средств встречаются чаще, чем обозначения процессуальных средств. В некоторых языках эти субкатегориальные различия выражаются грамматически, например, в современном немецком языке существует тенденция формально разграничивать процессуальную и предметную инструментальность: *durch einen Schuß, durch einen Schlag töten, но: mit einer Pistole, mit einem Messer töten.*

Изучение лексического оформления инструментальных ситуаций разного типа позволяет сделать вывод о более отвлеченном характере глагольных и субстантивных лексем, участвующих в отображении результативной и особенно регулятивной деятельности фаз по сравнению с исполнительской фазой, что согласуется с выявленной ранговостью СК средства. Наблюдаются различия инструментальных ситуаций в аспектуально-временном и модальном планах, в передаче таксисных отношений, в связях с другими, неинструментальными, ситуациями.

В частности, результативная инструментальная ситуация (средство — результат) обнаруживает регулярные связи с причинно-следственной ситуацией. При ретроспективном взгляде на положение дел — с позиции имеющегося эффекта — не всегда ясно, является ли этот эффект результатом сознательного действия (средства) или следствием действия некоей причины. Так, в высказывании *Миних спас Ганнибала, отправив его в ревальскую деревню* акцент делается на факте спасения героя и объективном событии, приведем к наступлению этого факта. Является ли "отправление в деревню" целенаправленным действием субъекта или таким его действием, которое не было специально направлено на достижение желаемого результата и лишь попутно привело к нему, остается "за кадром". Инструментальные ситуации этого вида типичны для научно-технической литературы с ее объективизированным взглядом на вещи, интересом к фактической стороне дела. Здесь распространены высказывания типа *Разложение пигмента было ускорено окислением*, где изображена ситуация, которая может иметь место и в живой природе, и в условиях, специально созданных человеком.

Многочисленность подобных примеров заставляет обратиться к изучению истоков такого синкретизма. К этому побуждает также стремление некоторых нормативных грамматик предостеречь против регулярного употребления одних и тех же форм для выражения и инструментального, и причинного значения; так, в одной авторитетной грамматике современного немецкого языка [21] рекомендуется употреблять предлог *durch* только в значении средства, а значение причины передавать с помощью собственно каузальных предлогов *wegen* и *infolge*. Указывая на факты частого неразграничения причинного и инструментального значений в пределах одной формы или "подмены" нормативного средства выражения причины другим, ненормативным, немецкие грамматики не вскрывают источника столь регулярного отступления от предписываемой ими нормы, который, видимо, следует искать в процессах осмысления человеком наблюдаемых фактов реальной действительности. Хотя причинно-следственные отношения существуют объективно, независимо от деятельности человека, исторически он сумел разграничить причину и следствие именно в своей практической деятельности. Известно, что формы выражения причинности во многих языках

использовались сначала не для объяснения внешнего мира, а для отражения сугубо внутренних явлений — мотивов человеческого поведения и эмоций. В основе причинных высказываний независимо от того, осознает ли это человек или нет, лежит направленность на действие, на возможность управления ходом событий [22]. Глубокие генетические и исторические связи инструментальности и причинности проявляются, в частности, в традиции их однотипного языкового оформления.

5. Начав изучение категории средства с установления ее статуса в пределах образования, системная организация которого считается доказанной, а именно — с системы деятельности, мы обнаружили, что сама категория средства представляет собой системное образование. Внутренние связи в структуре элемента "средство", а также его внешние связи — с другими элементами структуры деятельности — можно характеризовать как устойчивые. Отношения по горизонтали представляют собой частный случай причинной связи, несущей в себе момент циклической зависимости: цель является непосредственной причиной сознательного действия, которое в свою очередь становится причиной следствия (результата), предвиденного в цели. Отношения по вертикали могут быть описаны как отношения включения, вхождения. Горизонтальная позиция "средства" была определена выше как срединная; привлечение вертикального аспекта рассмотрения выявило общее центральное положение "средства" в структуре деятельности. Проявляясь по отношению к другим элементам в разных своих ипостасях — как орудие или способ действия, как средство осуществления цели или средство достижения результата — элемент "средство" во всех случаях остается тождественным самому себе: он является воплощением структуры опосредствования, т.е. такого отношения одного понятия к другому, которое мыслится и познается лишь через третье понятие. Как известно, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, определяется как структура. Являясь "инвариантным аспектом системы", структура расчленяет целостный объект на части и одновременно связывает их в одно целое, превращая части в элементы системы.

Подобно другим системным образованиям категория средства удовлетворяет основным принципам системности. В ней выявляется сеть устойчивых связей и отношений (принцип структурности). Многоуровневое построение системы обеспечивает специализацию каждого из уровней на выполнении определенного круга функций: на нижнем уровне используется более детальная и конкретная информация, охватывающая, однако, лишь отдельные стороны функционирования системы, более высокие уровни несут более обобщенную информацию, характеризующую условия функционирования системы в целом. Так, если нижний уровень системы "средства" информирует о поведении предметов в инструментальной функции, то на более высоком уровне вскрывается деятельностная сущность любого средства, на верхнем уровне иерархии обнаруживается принципиальная связь средства с целеполаганием (принцип иерархичности). Система развивается не только в сторону увеличения количества элементов, но и в направлении их качественного усложнения; элементы системы существуют не как нечто данное, застывшее, но могут переходить один в другой, приобретая новые свойства; так, при изменении условий действие может выступать как деятельность или как способ осуществления действия; закономерным является наличие явлений переходного типа (принцип развития). Каждый более высокий уровень приобретает свойства, не присущие нижележащему уровню; свойства системы принципиально не сводимы к сумме свойств составляющих ее элементов; вся система в целом получает свойство неаддитивности (принцип целостности). Система средства существует не изолированно, а функционирует в пределах более широкой системы — системы деятельности, выступающей в свою очередь как компонент системы активности (принцип взаимосвязанности системы и среды). Адекватное познание такой сложной системы, как категория средства, требует

построения различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы; необходимые в исследовательских целях процедуры "разно-плоскостного" и "поуровневого" анализа завершаются попыткой синтеза разных определений исследуемого объекта (принцип синтеза аспектов описания).

Универсальная категория средства, отражающая специфически человеческую — инструментальную — форму отношения к окружающему миру, существует как система субкатегорий. В то же время она тесно связана с одноранговыми СК — цели, результата, субъекта, объекта, причины, следствия. Как внутренние (собственно инструментальные), так и внешние связи могут находить определенное языковое воплощение. Выявление всего разнообразия форм выражения сложного инструментального содержания составляет задачу конкретно-языковых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А.В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
2. *Льонг В.Т.* Способы выражения орудийного значения в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1983.
3. *Белоцанкова В.А., Муравенко Е.В.* Способы выражения инструментального значения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1985. № 6.
4. *Варнахович Л.В.* Категория инструменталя и ее реализация в тексте. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1986.
5. *Фичи Ф.* Творительный падеж со значением орудия, средства и образа действия в русском языке // Русский язык за рубежом. 1987. № 3.
6. *Долгополова Е.П.* Функционально-семантическое поле орудийности в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
7. *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.
8. *Вежицка А.* Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985
9. *Гражданников Е.Д.* Метод систематизации философских категорий. Новосибирск, 1985.
10. *Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
12. *Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
13. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
14. *Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1968.
15. *Кристотурьян Н.Г.* Категория деятельности в системе научных понятий. М., 1976.
16. *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
17. *Пиаже Ж.* Системный подход и принцип деятельности // ВФ. 1965. № 6.
18. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику М., 1978.
19. *Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985.
20. *Coseriu E.* Synchronie, Diachronie urd Geschichte: Das Problem des Sprachwandels. München, 1974.
21. *Der große Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache Bd 4.* Mannheim, 1973.
22. *Перминов В.Я.* Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979.

© 1992 г. ЯКОВЛЕВА Е.С.

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ

Памяти моего брата — Андрея Яковлева

1. О понятии "циклическое время". Слово *пора* как показатель цикличности ["...И "круги" истории, и эпициклы планет..." (В. Розанов)].

В сознании человека сосуществуют два представления о времени — время как последовательность повторяющихся однотипных событий, "жизненных кругов" (циклическое) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное). Эти представления могут противопоставляться как "наивное" и "естественно-научное". Б.А. Успенский в [1] отмечает, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное — историческому: "Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем, историческое сознание, в принципе, предполагает линейное и необратимое ... время" [1, с. 32—33].

Дихотомия циклического и линейного времени находит отражение и в языке. По этому признаку, например, противопоставлены слова *пора* и *время*, *нынешний* и *сегодняшний*, *прошлый* и *минувший*, *впредь* и *в будущем*. Рассмотрим первую из названных пар: *пора/время*.

Пора называет фазу "космологического цикла", который многократно реализуется в природе и жизни людей. Например: *Землей пережита // Пора роскошных сил и мощных трепетаний* (А.К. Толстой); *Октябрь... Пора отлета птиц* (О. Малевич); *Прошла пора вступлений и прелюдий* (В. Высоцкий); *Документальная литература обычно предвещала подъем реализма, заполняла паузу и была вестником новой литературной поры* (В. Лакин).

Прообразом человеческой (и шире — социальной) "поры" является "пора" природная: осенняя, летняя, весенняя. В смене времен года представлен извечный "сценарий": рождение, становление, расцвет, увядание и снова рождение и т.д. Неединичность космологического цикла, фазы которого отмечает *пора*, хорошо иллюстрируется сменой времен года. Для каждого же отдельного человека та или иная *пора* — как определенный, жизненно важный этап — единична: *пора детских игр и юношеских увлечений* (М. Салтыков-Щедрин) сменяется *порой надежд и грусти нежной* (А. Пушкин), за которой могут идти *счастливые лета, пора тоски сердечной* (П. Вяземский) и т.д. На протяжении жизни одного человека (социума) *пора* не повторяется и не возвращается, но как закономерный этап, одна и та же *пора* реализуется во множестве человеческих жизней. *Пора* описывает именно те случаи, когда "время повторяется в виде формы, в которую облакаются индивидуальные судьбы и образы" [1, с. 32]. Являясь выражением некоторой фазы извечного "жизненного круга", *пора* находит сходство в уникальном, типизирует неповторимое.

Второй компонент рассматриваемой пары — слово *время* — ассоциируется с линейной моделью времени. В отличие от *поры*, *время* способно описывать развитие событий "линейно", т.е. быть неповторимым, "необратимым". Как следствие, у *времени* возможны индивидуализирующие определители: *екатерининское, николаевское, хрущевское*. *Время может уйти* (навсегда): *Ушло то время, когда мы были неразлучны*. *Время* допускает релятивное употребление (отно-

сительно момента речи конкретного говорящего): оно может быть *недавним, далеким, ближайшим*.

"Космологичность" *поры* проявляется и в том, что она *приходит и проходит* независимо от чьих-либо желаний [*Своим законам лишь послушна // В условный час слетает к нам* (Ф. Тютчев)]. Можно стараться *приблизить время* (но не *пору*) *X-а*. *Пора* объективирована "онтологически заданным текстом". *Время* же может мыслиться как некая принадлежность субъекта (*уделил/потерял время*); восприятие *времени* субъективно: оно может *тянуться и лететь, течь и бежать*.

В оппозиции циклического и линейного времени само слово *время* является немаркированным членом. Наследуя архетипические представления о движении времени как о вращении (см. этимологию этого слова в [1]), оно тем не менее способно передавать любые нюансы, связанные с линейным пониманием времени. Семантическое противостояние слов *время* и *пора* подробно описаны в [2]. Здесь же хотелось бы обратить внимание на те смысловые акценты, которые делает *пора* при описании циклического времени. Для этого необходимо конкретизировать семантическое содержание этого слова, выделить релевантные для употребления признаки.

Принято различать два типа употребления слова *пора*, условно их можно назвать номинативным и предикативным (здесь мы используем опыт Словаря С.И. Ожегова): 1) *Пора* в значении существительного: время, период, срок. Примеры: *Прошла пора сбора урожая; в эту пору / с той поры; Настала пора реформ*. 2) *Пора* в составе предиката предложения: настал срок для чего-л. Примеры: *Пора собирать урожай / реформировать нашу экономику* [3, с. 554].

С циклической моделью времени соотносится лишь номинативная *пора*. Употребленная же предикативно, *пора* описывает один из аспектов смысла "современность". Этот тип употребления рассмотрен в [4].

Представленное в словарях различие правомерно не только с "синтаксических позиций", оно и семантически мотивировано: номинативная *пора* всегда описывает некоторый период, занятый действием (*пора цветения садов* — время, на протяжении которого цветут сады), употребляясь же в составе предикатива, *пора* отмечает момент (скорее "точку", а не отрезок времени), когда действие должно начать осуществляться. Такой момент может *наступить, прийти*, но не *пройти* (ср. некорректность фразы: **Прошла пора ложиться спать*). Между тем отрезок времени, на котором имеет место действие, может быть представлен по-разному: он может длиться (*Была пора сбора урожая*), *пройти* [*Она прошла, пора стихов, // Пора любви, веселых снов, // Пора сердечных вдохновений* (А. Пушкин)]; его можно вспоминать [*Была ужасная пора, // О ней свежо воспоминаье...* (А. Пушкин)]; ожидать или предсказывать [*Иная близится пора, // Уж ветер смерти сердце студит...* (А. Ахматова)]. Именно в значении отрезка времени *пора* в принципе поддается квалификации (*Печальная пора*). Можно сказать: *Наконец настала долгожданная пора отпусков* и нельзя: **Наконец настала долгожданная пора идти в отпуск* (ср. корректность фразы без определения).

Указанные различия двух типов употребления слова *пора* весьма существенны. И все же анализ позволяет говорить и о некоем семантическом инварианте данного слова.

Пора указывает на возникновение (в процессе накопления некоторых признаков) нового этапа в развитии ситуации. Это может быть представлено двояко: 1) как отрезок времени, на протяжении которого этот новый, "вызревший" этап имеет место (данный смысл реализует номинативная *пора*: *отлета птиц / демократических преобразований / цветения садов*); 2) как момент, с которого этот новый этап должен вступить в силу (данный смысл реализует предикативная *пора*: *реформировать / передохнуть*).

И в том, и в другом случае у *поры* наличествует семантика "созревания".

номинативная *пора* — это этап формирования, становления в пределах некоего целого (природного / жизненного круга); предикативная *пора* — это "срок", незревший по логике событий, по обстоятельствам, а не по "часам" (ср. у А. Блока: *Пред Гением Судьбы пора смириться, "сёр"*).

Есть основания думать, что в сознании носителей языка *пора* также представлена синкретично, в виде инварианта, соединяющего в себе представления о подступающих "сроках", своевременности и о соотносимости описываемого временного отрезка с фазой некоторого, общезначимого, цикла. Как кажется, в обеих ипостасях реализуется *пора* в следующих строках "Евгения Онегина": *Татьяна слушала с досадой // Такие сплетни, но тайком // С неизъяснимою отрадой // Невольно думала о том; // И в сердце дума заронилась. // Пора пришла, она влюбилась...* В "Старинной студенческой песне" Б. Окуджавы сквозь предикативную *пору* благодаря глаголу, обладающему яркой квалификативной силой, "просвечивает" *пора* номинативная (какая), ср.: *Пока ж не грянула пора // Нам отправляться понемногу, // Возьмемся за руки, друзья...*

Итак, стержневая идея космологического цикла, который описывает *пора*, — "созидание", "становление". Отсюда, в частности, естественная ассоциация *поры* с возрастом (= взрослением, формированием). Ср.: *И так, ты видишь, что человек относительно религии при правильном развитии проходит три возраста: сначала пора детской или слепой веры, затем вторая пора — развитие рассудка и отрицание слепой веры, наконец, последняя пора веры сознательной, основанной на развитии разума* (В. Соловьев — Е. Романовой, 31 дек. 1872 г.).

Семантика *поры* предполагает обязательную смену этапов: за одной *порой* всегда идет другая. Поскольку конец природного цикла уже содержит идею (ожидание) нового начала¹, то не исключена и природная *пора увядания*. О человеческой или социальной *поре* мы так не говорим (это противоречило бы "созидательной" идее *поры*), ср.: *Иван переживает пору расцвета / творческой зрелости, но не пору упадка / застоя. Может быть пора становления / зарождения государства, но не пора распада / развала. Пора — это время проявления, поэтому нет *поры апатии / бездействия / неопределенности. Пора отмечает поворотные моменты, "созревшие" в результате предшествующего развития и призванные определить дальнейший ход вещей. Ср. понимание *поры* у А. Солженицына ("В круге первом"): *Давно замечено, что наша жизнь входит в нашу биографию, не равномерно по годам. У каждого человека есть своя особая пора жизни, в которую он полнее всего себя проявил, глубже всего чувствовал и сказался весь себе и другим. И что бы потом ни случилось с человеком даже внешне значительного, все это чаще — только спад или инерция того толчка: мы вспоминаем, упиваемся, на много ладов переигрываем то, что единожды прозвучало в нас. Такой порой у иных бывает даже детство — и тогда люди на всю жизнь остаются детьми. У других — первая любовь, и именно эти люди распространили миф, что любовь дается только раз.**

Пора отличается от специальных показателей циклически повторяющихся временных единиц — слов, обозначающих "искусственно" выделенные временные отрезки: суточные/годовые. (Заметим, что именно они обычно рассматриваются как канонические показатели циклического времени. См., например, [5], [6]). Сравним потенциал употребления *утра* и *утренней поры*; *осени* и *осенней поры*.

Являясь "космологическим оператором", *пора* специфицирует описываемый временной отрезок ("утро", "осень" и пол.) под углом зрения космологи-

¹ "Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы".

ческого времени: *пора* типизирует соответствующую единицу времени — наделяет ее признаками неединичности, обобщенности, объективированности и проч. Специальные же показатели временных единиц свободны от какого-либо функционального предопределения и поэтому вполне способны принимать на себя любые характеристики линейного времени: единичность, конкретность, динамичность, субъективность и проч. Ср.: *царскосельская осень* при невозможности **царскосельская осенняя пора*; *сегодняшнее /это/ то утро* и **сегодняшняя /та/ эта утренняя пора*; *В этих местах осень* (**осенняя пора*) *особенно красива*; *Осень* (**осенняя пора*) *пролетела незаметно*; *Когда же, наконец, наступит осень?* (**осенняя пора*). *Утро, день, как и время*, могут принадлежать субъекту [*Потерял все утро* (**утреннюю пору*) *на разговоры с тобой*]; они могут мыслиться в аспекте количества времени (*почти /все/ целое утро*). Иначе говоря, слова, называющие временные единицы, наследуют все характеристики времени. Как и *время*, в оппозиции циклического/линейного они занимают нейтралитет, т.е. способны к описанию различных моделей времени.

2. Цикличность в плане прошлого/настоящего/будущего ["Все было встарь, все повторится снова..." (О. Мандельштам)].

"Цикличность" имплицитно представлена и в семантике других показателей времени: *прошлый, прежний, нынче, ныне, нынешний, впродолье*. Но здесь мы видим другую модификацию этой идеи: акцент делается на возвратах и повторях, а "созидательность", "созревание" (то, что у *поры* является смысловым стержнем) никак не выражены. Об этих показателях и пойдет речь далее.

2.1. Настоящее ["И снова будет все, что есть..." (Ф. Тютчев)].

В группе показателей настоящего времени словари отмечают два рода различий: 1) стилистические (*нынче* — разговорное, а *ныне* — устарелое, высокое); 2) семантические — способность некоторых слов обозначать отрезки времени, разные по продолжительности. Так, у *нынче* выделяется два значения: а) то же, что *сегодня*. *Нынче морозно*; б) то же, что *теперь*. *Нынче жить весело* [3, с. 410]. *Ныне* же трактуется как *теперь, в настоящее время*. Аналогично, *сейчас* может обозначать момент речи и период времени; *сегодня* — это "текущий день" и "настоящее время" (*теперь*) [3, с. 699]. Таким образом, выстраиваются стилистически дифференцированные синонимические ряды: *сегодня*₁ = *нынче*₁; и *теперь* = *сейчас*₂ = *нынче*₂ = *ныне* = *сегодня*₂.

Наблюдение за употреблением этих словарных синонимов показывает, что их, выбор для описания той или иной ситуации определяется не только стилистическими факторами, он и семантически мотивирован. Дело в том, что столь богатая синонимика в области описания настоящего времени позволяет выразить целый спектр дополнительных характеристик, связанных с различным пониманием времени носителями русского языка: в частности, находит свое выражение оппозиция циклического и линейного времени.

Так, *нынче, ныне, нынешний* принадлежат к средствам описания циклической модели времени, где "настоящее — отражение прошлого и предзнаменование будущего" [1, с. 20]. Постараемся проиллюстрировать этот тезис через конкретное сравнение условий употребления данных слов с другими показателями настоящего времени.

Охарактеризовать как *нынешнее* можно то, что уже было и будет вновь: *нынешнее открытие сезона; нынешний чемпионат; нынешнее повышение цен* при невозможности: **нынешнее открытие театра* (если оно первое); *ваше нынешнее посвящение в сан*. Пока мы лишены возможности говорить: *наш нынешний президент*, поскольку все президенты первые; ср.: *мой нынешний начальник; нынешний отпуск*...².

² М.А. Кронгауз в [7] пронципально замечает: "... словосочетание *нынешний муж* вполне правильно, но, сказанное о своем муже, звучит для него обидно, т.к. подразумевает ряд лиц, которым было, а может быть, и будет присуще это свойство..." (с. 47). Возникновение этих "обид-

Между тем слова *сегодня*, *сегодняшний* свободно описывают и уникальные события: *сегодняшнее открытие театра X*; *ваше сегодняшнее посвящение в сан*; *сегодняшнее отречение царя Николая*; *сегодняшняя борьба за программу "Шанс"*; *сегодняшний взлет карьеры Павлова* и т.д. Ср. семантическую мотивацию выбора именно сегодняшнего, а не *нынешнего* в таком контексте: [Из президентской речи Б. Ельцина] *Судьба распорядилась так, что народам России... пришлось пройти через великие испытания. Мы заплатили колоссальную цену за сегодняшний опыт* (Куранты, № 129, 13 июня 1991 г.)

Таким образом, в языке существует оппозиция *нынешнего* (циклически повторяющегося, возвращающегося) и *сегодняшнего*, свободного от подобных характеристик и поэтому способного к описанию единичных, уникальных событий. Странно с точки зрения современной нормы звучит фраза: *Наше нынешнее знакомство я никогда не забуду* (нужно: *сегодняшнее*, так как речь идет об уникальном событии).

Противопоставлены могут быть и отрезки времени *нынче* и *теперь*. Ср.: *Нынче я в Россию не приеду* (И. Тургенев) — приехал до этого и приеду позже — и *Теперь я в Россию (никогда!) не приеду. Теперешний X* может быть последним из двух, *нынешний X* не может быть ни первым, ни последним.

Весьма существенно и различие между этими словами, отмеченное М.А. Кройгаузом: «*Теперешний* допускает только родовое употребление. Ср.: *Нынешний урожай довольно хорош* ~ *Теперешний урожай значительно лучше того, что бывало раньше*. В первом случае речь идет о конкретном "сегодняшнем" урожае, во втором — об урожаях, свойственных "сегодняшнему" времени» [7, с. 50]. Данное противопоставление объясняет, почему в следующих примерах невозможна замена *нынешнего* на *теперешний*: *Нынешнее (*теперешнее) поколение советских людей так и будет жить при коммунизме* (Л. Гозман); *Можно видеть глубокий смысл нынешней (*теперешней) войны и нельзя не видеть в ней глубокого духовного смысла* (Н. Бердяев); *Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя...* (М. Лермонтов).

Как и *нынешний*, *теперешний X* не может быть первым, но характер соотношения с предшествующим положением дел у *нынче* и *теперь* разный. В отличие от других показателей настоящего времени, *теперь* содержит в своей семантике компонент сопоставительности, или даже каузативности. И.А. Мельчук, комментируя свое толкование ТЕПЕРЬ,="в данный период" (*Теперь мы живем хорошо*), замечает: «Сопоставление с прошлым может носить характер как противопоставления — "в отличие от", так и следствия — "поскольку"» [8, с. 270]. В тех случаях, когда "сопоставительность" выступает в смысловом отношении на первый план, *теперь* не поддается синонимической замене на другие показатели настоящего времени (т.е. обладает приоритетом при описании ситуации), ср.: *Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо, // Не нужен я теперь царице дум моих* (В. Соловьев); *Из IV акта Вы увели самых интересных действующих лиц (кроме Актера), и глядите теперь, чтобы чего-нибудь не вышло от этого* (А. Чехов — М. Горькому).

Момент каузативности определяет невозможность употребления *теперь* в тех случаях, когда развитие ни к чему не приводит. Ср.: *Сейчас / в настоящее время (*теперь) диссертация еще не закончена*. В подобных высказываниях невозможно использовать и показатели циклических возвратов и повторов *нынче*, *ныне*, но это имеет другую семантическую мотивацию. Высказывания **Нынче / ныне диссертация еще не закончена*; **Нынче он еще не овладел языком как следует* некорректны по причине рассогласования значений показателя циклического времени, описывающего в принципе не стабильное положение дел, со значе-

ных" смыслов М.А. Кройгауз связывает с необязательностью показателей времени для некоторых именных групп: "...в силу их необязательности употребление таких слов не нейтрально, семантически маркировано" (там же). Думается, в данном случае можно говорить о "семантической сущности" *нынешнего*, а не о дополнительных, контекстно обусловленных, смыслах.

нием контекста, в котором отчетливо выражено отсутствие каких-либо изменений. Если показатель предшествующих изменений (*теперь*) может иметь своим результатом некое status quo, ср.: *Теперь диссертация уже закончена*, то в циклическом показателе заложена идея будущих изменений, ср. сомнительность фразы: *Нынче / ныне диссертация уже закончена*. Можно сказать и так: *нынче* "выхватывает" из круговорота дней некий произвольный отрезок времени (ближайший период вокруг "момента речи" говорящего), который по ассоциации с "естественным" (= динамичным) временем наделяется характеристикой "нестабильность", "изменяемость"; *теперь* же — это специфицированный временной отрезок, выделенный с целью сопоставления того, что есть, с тем, что было.

Итак, *нынешний* описывает текущее настоящее, а *теперешний* — настоящее, обобщенное в свете каких-либо содержательных черт, противопоставляемых прошлому. Становится понятным предпочтение конкретно-временного, "естественного" *нынешнего* с названиями циклических единиц времени: дней, месяцев, праздников. Примеры: *Какого спутника веселого // Привел мне нынешний февраль* (М. Цветаева); *Все нынешней весной особое* (Б. Пастернак); *Последняя четверть нынешнего века — это длинная серия предупреждений* (Н. Моисеев). Спроецированное на момент речи календарное *нынче* задается движением голического круга, ср.: *Нынче праздник, пахнет мята, все в цвету* (М. Кузмин). Фраза *теперь* *праздник* предполагает совершенно другой семантико-синтаксический контекст, ср.: *Теперь 12 июня — праздник; Теперь это праздник* и под., где *теперь* проецирует описываемое в план настоящего и противопоставляет его бывшему прежде положению дел. Различные потенциалы *нынешнего* и *теперешнего* хорошо видны из сравнения следующих примеров: *По теперешним / нынешним временам это стоит недорого* и *Он был комбригом, по нынешним (теперешним) временам ниже генерал-майора, но выше полковника* (С. Голицын). В последнем примере описание в терминах *теперешнего* неуместно, так как контекст не содержит идеи противопоставления содержательных черт двух временных планов.

Соотносимость *нынче* и *ныне* с циклическим временем определяет невозможность их использования, в отличие от других показателей настоящего времени, при выделении, индивидуализации описываемого временного отрезка. Ср.: *О Чаадаеве много писали, и его имя знакомо почти всякому образованному русскому человеку; но понимать его мысль мы научаемся только теперь (ныне; нынче)* (М. Гершензэн); [Начиналась рукопись с обращения к читателям XXI века] *К счастью, прогноз автора оказался неточным, его книга уже сегодня (*нынче) встречается с читателями* (Из предисловия к "Запискам уцелевшего" С. Голицына).

Укажем еще на одну особенность показателей циклического времени. В отличие от таких слов, как *сейчас*, *сегодня*, *теперь*, показатели *нынче*, *нынешний* неразрывно связаны с настоящим временем автора высказывания (говорящего)³. Поэтому использование слов *нынче*, *нынешний* невозможно в несобственно-прямой речи, в контексте остранения (или, иначе говоря, в "нарративном режиме употребления языка", когда, по определению Е.В. Падучевой, "нет говорящего. Его место занимает субъект сознания, наблюдатель, каковым может быть и герой" [9, с. 182]). Ср.: *Чик знал, что сегодня (*нынче) на стадионе игра, но из-за своего плохого настроения туда не пошел* (Ф. Искандер); *Он считал, что ему, двенадцатилетнему мальчику, девочка вообще не должна нравиться, тем более сейчас (*нынче; *ныне), когда идет война* (Ф. Искандер). Использование показателей *нынче*, *ныне*, *нынешний* будет корректно, если мы знаем, что автор — участник описываемых событий.

До сих пор мы не делали различий между показателями циклического времени

³ На это обращает внимание и М.А. Кронгауз, ср.: [*Нынешний*] "...однозначно указывает на то, что временная точка отсчета для именной группы совпадает с моментом речи" [7, с. 49].

нынче и *ныне* и в основном рассматривали первый из них. Теперь обратимся к существующим между этими словами различиям, которые не связаны с разной их стилистической принадлежностью и с тем, что одно из слов (*ныне*), согласно словарям, вообще устаревает. В современном употреблении (и это отмечают словари, начиная с Д.Н. Ушакова) *ныне* не используется в значении "сегодня", ср.: *Нынче* (**ныне*) *Пасха*. Поэтому будем сравнивать лишь те случаи, где оба показателя описывают настоящее время (или, как говорят словари, "то же, что *теперь*").

Начнем с примеров, в которых употребление *нынче* было бы сомнительно или вовсе некорректно: *У нас древнейшек короною или "царским венцом" считается так называемая "шапка Мономаха", хранящаяся ныне* (**нынче*) *в Москве, в Оружейной палате* (Е. Карнович); *Одна знакомая дама служила в Румянцевской* (*ныне Ленинской*) *библиотеке* (С. Голицын); *Свернешь направо, мимо двух лачужек, пустыря, где дом стоял, а ныне дерево одно торчит, увешанное тряпками* (Б. Зайцев). *Нынче* не вписывается в приведенные контексты, поскольку они не содержат идеи ближайших изменений (ср.: *А воз и ныне там*). *Ныне* же возможно в подобных высказываниях, так как этот показатель циклического времени описывает стабильное положение дел на достаточно продолжительном временном отрезке — некоем социально-историческом "круге". Поэтому сомнительны с точки зрения современной нормы примеры типа: ?*Ныне мы лето проведем дома*; ?*Ныне в нашем городе гастроли ДДТ*. Ср. также некорректность встретившегося нам в газетном тексте употребления *ныне*: *Вчера в Аскеранском районе НКАО боевиками был обстрелян пассажирский автобус... Двое получили ранения и ныне находятся в Агдамской центральной больнице* (Куранты № 141, 27 июля 1991 г.).

Таким образом, "высокое" *ныне* и "разговорное" *нынче* функционально размежевались при описании циклического настоящего: *ныне* — общезначимое ("круги" истории), а *нынче* — частное, бытовое (сезонные, жизненные "круги" отдельных людей, заведенный порядок, "расписание" и проч.).

Некоторая "эпичность" *ныне*, которая ощущается носителями современной языковой нормы (то, что стилисты склонны называть "высоким" или "устарелым"), имеет вполне семантическое объяснение: *ныне* спроецировано на социально-исторический контекст и выделяет в нем общезначимое для социума. Ср.: *Ныне, вглядываясь в итог столетия, мы по наивной шкале мер и весов ищем альтернативу Сталину...* (А. Вознесенский); *А ныне завладел дикарь // Священной палицей Геракла, // И черная земля иссякла, // Неблагодарная, как встарь* (О. Мандельштам). Использование *ныне* поднимает описываемое на другой уровень значимости, ср.: *Стенограмма эта, опубликованная ныне* (**нынче*), *стала политическим документом самого аполичнейшего из поэтов* (А. Вознесенский). *Ныне* и *нынче* задают разный временной масштаб описываемого, ср.: *Ныне* (**нынче*) *получен ответ на этот вопрос*. В первом случае *вопрос* общезначим — ответ на него "получался" на достаточно длительном отрезке времени (например, есть ли альтернатива рыночной экономике), а во втором он, скорее, носит частный характер (например, продлят ли подписку на "Куранты"). Ср. различное истолкование *мы* во временной перспективе *ныне* и *нынче*: *Ныне* *пришло к тому, что мы* (общество, а не "мы с женой") *так же не мыслим себе политическую жизнь без партии, как личную без семьи* (А. Солженицын). *Нынче* же позволяет и "частное" истолкование *мы*.

Поскольку временной отрезок, описываемый *ныне*, достаточно длителен (так как соотносится с социально-историческим циклом), в отношении отдельно взятой человеческой жизни *ныне* может подразумевать и некое status quo: *Ныне он в отставке; Ныне он стар и болен; Ныне он покоится на Волковом кладбище*. Для *нынче* такое положение исключено, ср. некорректность фразы **Нынче он покоится на Волковом кладбище* и смысловой подтекст высказывания *Нынче он* (предположим, Рыжков) *в отставке*.

2.2. Прошлое ["Что было, будет вновь. // Что было, будет не однажды..." (Ф. Сологуб)].

Прошлое также может мыслиться как постоянно воспроизводящееся, как возвраты "на круги своя"⁴. Например, слово *прежний* во фразе: *Я не вижу никого из прежних товарищей по заключению* (О. Волков) подсказывает нам, что автор снова находится в заключении, ср.: *Я встретил бывшего (старого) товарища по заключению*, где соответствующий смысл не выражен. Говорить о *прежней жене* может лишь человек, находящийся в повторном браке; о *прежней работе* — тот, кто устроился на новую; *прежний деспотизм* предполагает наличие каких-то форм деспотизма в настоящем, а *прежние мафиози* возможны лишь в контексте сопоставления с *нынешними*. То, что кануло в Лету, не может мыслиться как *прежнее*, и поэтому нельзя сказать: *прежние российские монархи; прежние бояре*. Возрождение исторических традиций как будто позволяет говорить о *прежнем казачестве/дворянстве; прежней благотворительности* и *прежних меценатах*. Возможно, когда-нибудь станут некорректны фразы: *прежние комитетчики/генсеки/горкомы...*

Из современного языка ушло и употребление *прошлого* в значении "прошедшего" (безвозвратно), ср. у А. Пушкина: *Мне галлицизмы будут милы, // Как прошлой юности грехи...* Утвердившись в именном статусе, прилагательное *прошлый* обрело свою семантическую специфику — оно описывает циклически повторяющиеся события: *Х* можно определить как *прошлый* только на фоне *Х-а* в настоящем. О *прошедшей/минувшей* неделе можно говорить в воскресенье этой же недели; *прошлой* неделя начинает быть с началом новой.

Прошедшие/минувшие (а так же *былые*) *Х-ы* могут противопоставляться *прошлым* и *прежним* по признаку "уникальность", "неповторимость", ср.: *прошедшие выборы мэра* (пока единственные); *минувшая юность/любовь; былая известность/слава...*

Прошлые и *прежние Х-ы* по определению неединичны, они повторяются на разных кругах человеческого бытия. По смыслу "прошлое" не тождественно "прежнему": названия единиц времени в контексте *прошлого* прочитываются конкретно (так как *прошлый* определяется через момент речи), а в перспективе *прежнего* — собирательно, ср.: *прошлая весна/прежние весны*. В задачу *прошлого* входит временная локализация события; *прежний* же занят сопоставлением описываемого с тем, что имеет место в настоящем, ср.: *Прошлое воскресенье я провел за городом и Прежние воскресенья были интереснее*. Возможность сопоставления определяется наличием у *Х-а* каких-либо содержательных черт, поэтому некорректны выражения типа **прежний раз*. Можно сказать, что в отношении единиц времени *прошлый* и *прежний* противопоставлены как *нынешний* и *теперешний*.

В целом же сфера употребления у этих прилагательных разная. *Прошлый* используется с *Х-ми*, легко включающимися во временной ряд. Это прежде всего единицы времени, начиная от дней недели, и периодически повторяющиеся события, ср.: *прошлый четверг / семинар / молебен. Прежний* не столь тесно связан с временной динамикой: делая акцент на сопоставлении, *прежний* употребляется с "содержательными" *Х-ми*, которые могут и не обладать идеей протекания во времени. Это, например, названия функций лиц и предметов (объектов): *директор, столица*; названия мнений, увлечений, состояний. Как и *теперешний*, *прежний* может быть одним из двух. Условие собирательного понимания *Х-а* для *прежнего* не обязательно, так как именно это прилагательное обладает приоритетом при описании "содержательных" *Х-ов* (например, лиц), ср.: *Хоть он глядел нельзя прилежной, // Но и следов Татьяны прежней //*

⁴ Ср.: [При циклическом понимании времени] "...прошлое не уходит вовсе, но повторяется: те или иные формы существования периодически повторяются (в разных по своему масштабу циклах); прошлое циклически оживает в настоящем" [1, с. 31].

Не мог Онегин обрести (А. Пушкин). Если же в отношении лица употребляется показатель *прошлый*, то своей временной семантикой он нивелирует "содержание" X-а. Так, на фоне нейтрального выражения *прежняя жена* словосочетание *прошлая жена* воспринимается как прагматически отмеченное: в нем актуализирована последовательность X-ов во времени при безразличии к содержанию соответствующей валентности (ностальгия, по-видимому, возможна лишь по *прежней жене*).

Крайним выражением противопоставления *прошлого* и *прежнего* является оппозиция значений соответствующих существительных: *прошлое* — это время, а *прежнее* — это, скорее, признаки и свойства. О человеке, который вернулся к каким-либо привычкам, действиям (в широком смысле — "возобновившем свойства"), мы скажем: *Ты опять за прежнее*. *Прошлое* здесь неуместно. И с другой стороны, мысленно возвращаясь к бывшему ранее, мы говорим: *Что думать о прошлом?*; *Он весь в прошлом*. *Прошлое* (время) — это "наполнимое", а *прежнее* — "наполнитель", ср.: *Все это отошло в прошлое*.

Для прилагательного *прошлый* естественно использование в качестве временного индекса. Например: *А вот на прошлой неделе такой был случай* (Н. Гоголь); *А все, кого я на земле застала. // Вы, века прошлого дряхлеющий посеи!* (А. Ахматова). Прилагательное же *прежний*, акцентируя сопоставление с *теперешним*, делает нерелевантной идею временной непрерывности, ведь эта идея "работает" лишь в перспективе конкретно-референтного времени. Ср.: *прошлый КВН* — конкретное мероприятие, последнее из бывших до *нынешнего КВН-а*, и *прежний КВН* — тип мероприятий, бывших в плане прошлого и отличных от тех, которые имеют место в плане настоящего. Ср. различную ориентацию во времени, задаваемую показателями *прошлый* и *прежний* в таком контексте: *Девуц в Глинково, как и в прежнее (≠ прошлые) годы, понедело много больше, нежели молодых людей* (С. Голицын). *Прошлые годы* непосредственно предшествуют *нынешним*, а *прежние* — отстоят от них. *Прежний* всегда отделен от *нынешнего (теперешнего)* рядом событий, стимулировавших происшедшие между "прежде" и "теперь" изменения.

"Прежде" — это отделенное от плана настоящего время со своими специфическими чертами, выделенными говорящим при отстраненном взгляде из настоящего на основе обобщения. Ср. соответствующую операцию по определению "прошлого" как "прежнего": *Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! — и дело в шляпе. Молодые люди обрадовались. И в самом деле, прежде они были просто болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты* (И. Тургенев).

Момент обобщения, который есть в *прежде*, противопоставляет этот показатель слову *раньше*, свободно описывающему любое "бывшее до...". Ср. сомнительность с точки зрения современной нормы использования *прежде* в тех случаях, когда события не отделены друг от друга временным барьером, а происходят одно за другим в рамках одной ситуации: *Корова раньше (прежде) паслась перед ними, теперь паслась позади них* (Ф. Искандер); *Вася тоже заглянул в ведро, глаза его замаслились, как раньше (прежде), когда он видел лисцу* (А. Чехов).

Таким образом, выбор конкретного временного показателя акцентирует в прошлом свое содержание: *прошедшие Пастернаковские чтения* могут быть и единичны; *прошлые Пастернаковские чтения* — это те, которые были перед *нынешними*, а *прежние Пастернаковские чтения* — это отделенный от момента речи временным (= событийным) барьером тип мероприятий, рассматриваемый в аспекте содержания.

Прошедшее, минувшее, былое "линейны" в том смысле, что они могут безвозвратно уйти. Ср.: *Сердце мое зануло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на столе висел диплом покойного коменданта, как*

печальная эпитафия прошедшему времени (А. Пушкин). Для прошлого же и прежнего не исключена возможность ожить в настоящем или будущем. Ср.: *И сердце полно, полно прежних лет...* (М. Лермонтов). Здесь неуместны определения в терминах *прошедшего* и *минувшего*. Ср. еще (счастливое воссоединение героев "Капитанской дочки") *Мы вспомнили и прежнее счастливое время*. Поскольку ситуация для героев не безнадежна (они видят будущее в счастливых тонах), использование показателя *прежний* по отношению к *счастливому времени* более естественно, чем *минувший* или *прошедший*.

2.3. Будущее ["...Прошлое страстно глядится в грядущее..."] (А. Блок)].

В русском языке есть показатель, который "планирует" будущее в свете уже происшедшего. Это слово *впредь*. Словари определяют его как указание "на будущее время, в будущем" (см., например [3, с. 98]).

Анализ употребления показывает, что смысл *впредь* не тождествен смыслу таких показателей, как *в дальнейшем*, *в будущем*. Рассмотрим примеры: *Впредь бабушка будет осторожней; Впредь я не стану спорить*. *Впредь* здесь указывает, что в будущем в аналогичных ситуациях субъект изменит свое поведение (опыт прошлого откорректировал будущее).

Если же *впредь* "усиливается" частицей *и*, то его смысл меняется на противоположный — *и впрямь* сигнализирует о неизменности поведения субъекта. Ср.: *Я и впрямь не буду спорить* (и раньше воздерживался от спора); *Бабушка и впрямь будет проявлять осторожность*. *И впрямь* здесь указывает, что при повторении аналогичных ситуаций субъект не изменит своего поведения, будет поступать так же.

Таким образом, (*и*) *впредь* описывает то будущее, в котором "циклически оживает прошлое" (Б. Успенский). При этом (*и*) *впредь* приложимо только к планируемому будущему — возможным действиям (тактике) лица. Ср. некорректность использования этого показателя относительно внеличностной сферы: **Впредь засуха захватит и Поволжье*; стихийной событийной динамики: **Впредь события будут развиваться следующим образом...*; **Впредь ситуация может выйти из-под контроля*. В таких случаях естественнее употребление нейтральных показателей "линейного" будущего — слов типа *далее*, *в дальнейшем*, *в будущем*, — поскольку они свободны от какого-либо событийного наполнения; эти показатели задают лишь последовательность во времени, ср.: *В дальнейшем засуха может захватить и Поволжье; Далее события будут развиваться так...; В будущем он, возможно, станет неплохим музыкантом*.

Рассмотрев "именные" способы описания временных отношений, мы приходим к выводу, что оформившееся к настоящему периоду функциональное размежевание близких по смыслу слов (*время/пора; сегодняшний/нынешний; теперь/нынче; прошедший, минувший/прошлый, прежний; в дальнейшем/впредь...*) отражает различное понимание самого времени носителями русского языкового сознания.

Повторяемость событий, общность человеческих судеб ассоциируется с циклическим временем, а неповторимость, уникальность — с линейным.

Цикличность может задаваться "таинственным кругом природы" (М. Пришвин): "Каждый вступает в таинственный круг и проходит то, что миллионы прошли" [10]. Эту — "созидательную" — цикличность передает *пора*, типизирующая описываемый временной отрезок.

Бесконечный круговорот дней, сезонов, лет (первоначальное содержание *нынче* и *ныне*) приводит к осмыслению *нынешнего* как циклически повторяющегося, неединичного. Движение по кругу с разным временным масштабом и, соответственно, с разной значимостью описываемого задают *нынче* и *ныне*.

Прошлое также может представляться как возвраты и повторы. Идентифицировать "бывшее" как *прошлое*, *прежнее* можно лишь на фоне повторения его в настоящем. Широта применения характеристик *прошлый* и *прежний* говорит

о том, что "кольцо существования тесно" (А. Блок): унифицирующие возможности временных показателей явно преобладают над индивидуализирующими.

Рассмотренные в рамках единой — циклической — модели показатели разных временных планов, как кажется, позволяют присоединиться к мысли А. Эйнштейна о том, что "жесткое разграничение между прошлым, настоящим и будущим имеет лишь смысл иллюзии, хотя и весьма живучей" (цит. по [11]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая // Труды по знаковым системам. Т. XXIII. Тарту, 1989.
2. *Яковлева Е.С.* ВРЕМЯ и ПОРА в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Вып. 4: Культурные концепты. М., 1991.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1970.
4. *Яковлева Е.С.* *Время и пора* как сигнал приступить к действию // РЯШ. 1992. № 5.
5. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
6. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.
7. *Кронгауз М.А.* Структура времени и значение слов // Логический анализ языка. Вып. 3: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
8. *Мельчук И.А.* Семантические этюды. I: "Сейчас" и "теперь" в русском языке // R. Ling. 1985. 9. С. 270.
9. *Падучева Е.В.* К семантике дейктических элементов в повествовательном тексте // Вопросы киббернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 182.
10. *Пришвин М.И.* Дневники. М., 1990. С. 24.
11. *Яacobсон Р.О.* Речевая коммуникация // Роман Яacobсон. Избр. работы. М., 1985. С. 318.

© 1992 г. ПОЛЯКОВ О.В.

**СЛАВЯНСКИЙ АККУЗАТИВ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА
И ОДИН ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЗАКОН КОНЦА СЛОВА**

В работах по славянской исторической морфологии и сравнительно-исторических грамматиках славянских и.е. языков окончание акк. ед. ч. существительных **ā* основ -*q* (восходящее к и.е. -*ām*): ст.-слав. ржжж "руку" закономерно представляют как результат действия закона открытого слога, частный случай проявления которого наблюдается в конце слова. Однако в данных грамматиках [1, с. 324; 2, с. 29—30; 3, с. 192; 4 и мн. др.] только констатируется наличие на славянской почве перехода и.е. -*om* в -*ъ*, но объяснений этого перехода, которые соответствовали бы законам праславянского языка, не дается. Возникает вопрос: по тому же закону открытого слога в окончаниях существительных акк. ед. ч., напр. имер, **o*-основ, и.е. -*om* должно было измениться в -*q*: ст.-слав. жбъ "зуб", ср.: скр. *jambhas* "зуб, пасть", др.-греч. ὑβίφος "колышек", литов. (жем.) *žąbas* "острый предмет, мыс, грань балки", д.-в.-нем. *kamb* "гребень", алб. (гер.) *dham* "зуб", тох. А *kam* "зуб" и т.п., но у существительных этих основ, как и **i*-основ: ст.-слав. сынъ, здесь наблюдается окончание -*ь*; у существительных **i*-основ и на согласные — -*ь*: ст.-слав. зѣбрь, камень, мать, вместо ожидаемых носовых гласных, как в литовском языке: *raiką* "руку", *žąbą sūnų* "сына", *žvėrį* "зверя", *akmenį* "камень", *moterį* "женщину, мать жены" и т.п., где независимо от того, были ли перед конечными носовыми согласными краткие или долгие гласные, получались носовые гласные, которые со временем превратились в чистые долгие гласные.

Как известно, суть фонетических законов состоит в том, что звук *a* переходит в звук *b* в определенной позиции в определенное время в определенном языке [5]. Здесь следует обратить внимание на неоднозначность и часто широкое толкование термина "определенная позиция". Под определенной позицией понимают, чаще всего, например, положение гласного звука или слога под ударением или в безударной позиции, положение согласного звука перед гласными переднего или заднего ряда и т.п. Однако не менее важным представляется место звука или слога в слове: начальное, в основе (корне) или конечное положение. В окончаниях слов в разных языках фонетические законы часто действуют иначе, чем в основе слова, например:

и.е. *i* > лат. *i*: лат. *vidua* "вдова", ср.: скр. *vidhavā*, гот. *widuwō* < **widhewā*, но в конце слова и.е. -*i* > лат. -*e*, например, императ. ед. ч. от лат. *capit* "брат" — *cape* < **capit*; и.е. *ō* в основе слова > гот. *ō*: гот. *flōdus* "поток", ср.: др.-греч. πλωτός "плавающий" < и.е. *plōto-*; в окончаниях же и.е. *ō* > гот. -*a*: *baira* < и.е. *bherō*, ср.: др.-греч. φέρω, лат. *ferō*, скр. *bharāmi* и др.;

и.е. *ō* > вост. балт. *ō* > литов. (и лтш.) *uo*: литов. *duoti* "дать", лтш. *dot* [duot] — лат. *dōnum* "дар", др.-греч. δίδωμι "даю", однако в конце слова и.е. -*ō* > вост.-балт. -*ā* > литов. -*o*: ген. ед. ч. **o*-основ — литов. *vilko*, но лтш. *vilka*, где -*a* < **-ā*;

и.е. *o* в основе слова, как правило, изменяется в славянском в *o*, но в конце слова превращается в -*ъ*, ср. ст.-слав. *овьца* — др.-греч. ὄvis, лат. *ovis*, скр. *avis*, литов. *avis* и ст.-слав. жбъ, где -*ъ* восходит к и.е. -*os*.

Конечно, позиция звуков в конце слова особая, поскольку конечные звуки часто больше других подвержены редукции из-за различных акцентуационно-просодических явлений; действию различных морфологических процессов, таких,

как аналогия, парадигматическое выравнивание и др. Все это заставляет по-особому рассматривать преобразования в конце слова, отдельно от исходных преобразований в основе слова. В германистике, принимая во внимание данные различия, был даже введен специальный термин "законы конца слова" ("Auslautgesetze") [6], где изменения морфем, носителей основного грамматического значения, могут соответствовать общим фонетическим законам языка, а могут, исходя из вышеуказанных причин, и не соответствовать. В отношении праславянского языка можно также говорить о законах конца слова.

В праславянском языке, как известно, одним из главных процессов изменения индоевропейской фонетической системы была элиминация противопоставлений долгих и кратких гласных. По всей видимости эти процессы происходили следующим образом: и.-е. противопоставления долгих и кратких гласных, которые были осложнены просодическими характеристиками, имевшими смысловозначительное значение, заменялись чисто фонетическими противопоставлениями долгих и кратких гласных; изменение ряда кратких гласных способствовало появлению противопоставления гласных полного образования и редуцированных (сверхкратких) гласных, которое было размыто процессом падения редуцированных. В ряде случаев изменение бывших и.-е. гласных носило качественный характер, как, например, исчезновение противопоставления и.-е. $\bar{d} :: \delta$ давало славянское a , а исчезновение другого противопоставления $\bar{d} :: \delta$ — славянское o , что могло происходить только через определенный промежуточный этап \bar{d}° и δ° [7, с. 175].

Тенденцией в исчезновении противопоставления и.-е. долгих и кратких гласных в окончаниях в славянском часто была замена противопоставлениями гласных полного образования и редуцированных гласных, например, ст.-слав. *жена*, где $-a < *-\bar{a}$; ст.-слав. *свекры* "свекровь", $-ы < *-\bar{i}$; ст.-слав. *влькъ*, где $-ь < \dots и.-е. -os$, ст.-слав. *сынъ*, $-ь < и.-е. -us$ и т.д. Это дало возможность предположить в порядке гипотезы [7, с. 177], что возникшие в окончаниях аккузатива ед. ч. противопоставления носовых гласных (т.е. $\bar{e} :: \bar{e}$), происходящих из сочетания "долгий гласный + носовой согласный" :: "краткий гласный + носовой согласный", заменялись противопоставлением "носовой гласный" :: "редуцированный гласный".

Общетеоретические соображения по этому вопросу были уже высказаны еще Ф.Ф. Фортунатовым, который отметил, что праславянские сочетания $-in$, $-in$ превращались в носовые гласные", ... а далее носовые u и i (т.е. u , i — П.О.) теряли свое носовое свойство еще в о.слав. языке и переходили в неносовые \bar{u} и \bar{i} , откуда и в ст.-слав. \bar{u} и \bar{i} ..." [8].

Действительно, если в основе слова, например, и.-е. o дает слав. o , то в окончании этот бывший и.-е. краткий гласный был подвержен дальнейшей качественной, а затем и количественной редукции: $*-os > *-\bar{us} > -\bar{u}$. Соответственно, если в основе слова $*om$ изменилось в \bar{e} , то в окончании также должна была произойти соответствующая редукция $*-om$ до $-\bar{e}$ через этап $*-\bar{e}$. И.-е. долгие гласные подверглись в славянских окончаниях сокращению до гласных полного образования, соответственно и.-е. сочетания долгих гласных с носовыми согласными превратились здесь в носовые гласные.

Эти два типа языковых изменений четко различались и охватывали всю систему славянских окончаний. И если мы рассмотрим данную систему, то увидим действие сформулированного выше для носовых звуков правила, которое схематически выглядит так: $*-\bar{an} :: *-\bar{an}$ (где $*-n < и.-е. -m$)¹ $> *-\bar{a}^n :: *-\bar{a}^n > *-\bar{an} :: *-\bar{an} (> *-\bar{un}) > -\bar{e} :: *-\bar{e} > -\bar{e} :: -\bar{e}$; сходные системные процессы можно предположить и для тех окончаний на носовой согласный, где были гласные верхнего подъема. Это подтверждает вся система славянских окончаний.

¹ Мы считаем, что праславянский язык до действия закона открытого слога, как и ряд других и.-е. языков, например, древнегреческий, кельтские (за исключением кельтиберийского), балтийские языки, имел в окончаниях носовой $*-n < и.-е. -m$. Доказательство этого требует отдельного рассмотрения.

1. Рефлексы и.-е. сочетаний "долгий гласный + носовой согласный" в славянских окончаниях:

1) Аккузативе ед. ч. имен. *-ā-основ: ст.-слав. ржкж "руку" — $r\acute{o}k-\acute{o} < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n$ (< и.-е. -ām), ср.: др.-прусс. $r\acute{a}nk-\acute{a}n < -\acute{a}n$ [9], др.-греч. θεός "бога", лат. equat, скр. aṣvāt "кобылу".

2) Инструменталисе ед. ч. существительных *ā-основ: ст.-слав. (Супр.) ржкж "рукой" (ср. польск. rąka), — $r\acute{o}k-\acute{o} < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n$. Данное окончание является общей балтославянской изоглоссой, ср.: литов. rank-à "рукой", где -a < -ā, ср. gerāja "хорошей". Окончание на *n является вторичным исходя из того факта, что в ведическом санскрите представлена более архаичная и.-е. форма на -ā: jīhvā "языком", которая позже, во избежание омонимии с номинативом ед. ч., под влиянием аналогии со стороны местоименного склонения и существительных ĩ-основ была заменена на -auā — jīhvauā. Точно так же, вероятно, и в славянском языке формы INSTR. ед. ч. на -o: ст.-слав. ржкж, съ воеводж "с воеводой", доушж "душой", во избежание омонимии, но с аккумулятивом ед. ч. были заменены под влиянием местоименного склонения на -ojo: ст.-слав. ржкож, съ воеводожд, доушожд. Для балтийского языка, как по всей видимости, и для славянского языка периода просодических различий, окончания аккумулятива и инструменталисе ед. ч. данных основ не являлись, как свидетельствуют данные литовского языка, полностью омонимичными, так как в АКК. ед. ч. здесь было окончание *-ān, а в INSTR. ед.ч. — *-ān.

3) Инструменталисе ед. ч. местоименного склонения прилагательных: ст.-слав. нов-ж-ж, при более поздней форме ст.-слав. нов-о-ж, др.-русс. нов-о-ю. Здесь следует обратить внимание на общность славянских и балтийских окончаний: ст.-слав. нов-ж-ж (ноу-о-ю), литов. naujāja. В славянском языке, как и в балтийском языке, в более ранний период, по-видимому, существовали просодические различия. Данные формы инструменталисе ед. ч., как и мн., являются яркой балто-славянской изоглоссой. Интересно отметить, что в литовском языке просодическая дифференциация оказалась недостаточной для различения падежной омонимии, и в INSTR. ед. ч. бывший конечный носовой гласный сократился до краткого: naujā-ja, в то время как в АКК. ед. ч. другой исконно носовой стал долгим: naujā-ja.

4) Аккузативе ед. ч. ж. р. неличного местоимения: ст.-слав. тж — $t-\acute{o} < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n$, ср. литов. ją.

5) Инструменталисе ед. ч. ж. р. того же местоимения: ст.-слав. тоиж — $to-j\acute{o}-jan < *j\acute{a}n < *-\acute{a}n$.

6) I л. ед. ч. тематических глаголов наст. вр.: ст.-слав. берж "беру" — $ber-\acute{o} < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n < *-\acute{a}n$.

7) Ном.-акк. ед. ч. существительных *n-основ ср. р.: ст. слав. има "имя" — $i-me < *m\acute{e}n < *m\acute{e}n$, если исходить из положения А. Мейе [1, с. 342], согласно которому конечное -me < *mēn. Данное положение было поддержано А. Вайаном [2, с. 205], Х.Х. Бильфельдтом [10] и др. Наличие долгого носового подтверждается и тем, что существует параллелизм в долготе и краткости в мужском и среднем роде этих основ, так как в номинативе ед. ч. (а в среднем роде соответственно и в аккумулятиве ед. ч.) представлены основы с долгими гласными: ст.-слав. камы "камень" :: има имя (... *-ōn :: ... *-ēn), а в формах косвенных падежей — с краткими гласными камен- :: имен-, ср.: др.-греч. ἄκμων :: ἄκμων-, ποτήνυ :: ποτήνυ- "пастух"), литов. актиў "камень", где -iū < *-ōn :: акмен-, гот. guta :: gutin-, ср. р. пато "ямя" :: namīn-. Кроме того, даже если бы и было в славянском окончание *-en, оно не могло измениться в -ь из-за грамматических норм, поскольку в номинативе ед. ч. возникло бы омоничное окончание для существительных всех трех родов, ср.: м.р. конь, пжть "путь", ж.р. ношь "ночь", а такая падежная омонимия для славянского языка вряд ли могла быть возможной.

Здесь следует также обратить внимание на то, что преобразование сочетания

долгого гласного с носовым согласным в окончаниях существительных мужского рода **n*-основ не связано с действием закона открытого слога, а произошло раньше, ср., к примеру, литов. *akmuõ*, где в окончании тогда по всем законам должен был быть носовой гласный.

8) Формы аккузатива ед. ч. личных местоимений ст.-слав. *ма* "меня", *та* "тебя" и возвратного местоимения *са* "себя", где *-а* — $\epsilon < *-\dot{e}n < *-\dot{e}n < \text{и.е. } -\dot{e}m$, ср.: др.-прусс. *mien, tien, sien*, скр. (вед.) *mām, tvām*.

В ряде случаев носовые гласные в общеславянском языке восходят к и.-е. сочетаниям **-oni, *-ent*, например, 3 л. мн. ч. аор. ст.-слав. *падж* "пали" *rъша* "рекли"; ном.-акк. ед. ч. ср. р. ст.-слав. *жрѣбѣ* "жеребенок" и т.п., но это действие другого фонетического закона, суть которого заключалась в отпадении конечного **-i*, что вызывало, по всей видимости, замечательное удлинение и увеличение долготы слога, который в свою очередь изменялся по модели "долгий гласный + носовой согласный".

II. Рефлексы и.-е. сочетаний "краткий гласный + носовой согласный" в славянских окончаниях:

1) Аккузативе ед. ч. м. р. **o*-основ: ст.-слав. *вѣлкъ* "волка" — $v\check{k}-\check{v} < *-\check{q} < *-\dot{u}n < *-\dot{o}n < *-\dot{a}n < *-\dot{d}n < \text{и.е. } -\dot{d}m$, ср.: др.-прусс. *deivan*, др.-греч. *λύκων*, лат. *lupit*, скр. *vṛkāt* "волка"; др.-ирл. *in fer n* "мужчину, человека".

Что касается праформы существительных среднего рода этих основ, то некоторые ученые [11—13; 14, с. 123—124; 15, с. 84—87 и др.] считают, что древнейшие формы балтийских и славянских языков не имели конечного носового форманта **-n < *-\dot{m}*, который, по их мнению, появился в отдельных и.-е. языках позже. Основаниями для этого служат восточнобалтийские заимствования в финском языке, типа *heinä* "сено" < вост.-балт. *seina*, фин. *silta* < вост.-балт. *tilta*, но фин. *piemen* — литов. *piemiõ* "пастух", а также данные хеттского языка, в котором отрицается существование исконного *-n* [14, с. 123—124; 15, с. 84—87]. Если принять данную теорию, то отпадает всякая необходимость объяснять генезис славянского окончания *-o*. Однако, на наш взгляд, у нас нет оснований пересматривать положение классической сравнительно-исторической грамматики о том, что славянское *-o* возникло в результате действия процесса аналогии на месте закономерного ожидаемого *-v*. Наоборот, это ставшее классическим положение подтверждается современными исследованиями, которые показали здесь исконность в ср. р. ед. ч. хет. *-an*, восходящего к и.-е. *-om* [16—18]. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов определяют это **-om* как показатель имен инактивного класса и.-е. праязыка [19]. Помимо этого, изучение соответствующих заимствований в финском языке из восточнобалтийского праязыка приводит к выводу, что часто они идут не от форм номинатива, а от форм косвенных падежей, в основном генитива и аккузатива ед. ч., ср.: фин. *karsina* "стойло" — литов. *gardinys* (ген. *gardinio*), фин. *keli* "путь" — литов. *kėlias* (ген. *kėlio*) и др. О заимствовании фин. *piemen*, ср. литов. *piemiõ*, из формы косвенного падежа с основой на носовой согласный (по всей видимости из ген. ед. ч.) говорит качество гласного второго слога и его краткость [20]. В дополнение следует обратить внимание на особенности аккомодации данных слов в финском языке, а также и на тот факт, что они могли быть сделаны только через посредство юго-западных (что более всего вероятно) или юго-восточных говоров финского языка, а в них, как в эстонском и ливском языках, отмечается отсутствие конечного носового согласного. Все это исключает утверждение о том, что в восточнобалтийских языках здесь отсутствовал конечный согласный **-n*, а в древнепрусском языке, например, *assarān* "озеро", *giwan* "жизнь" он является более поздним новообразованием. Существуют и некоторые другие доказательства, подтверждающие для позднего и.-е. праязыка реконструкцию данного окончания в виде праформы *-m*. Специально эти вопросы необходимо рассмотреть отдельно.

2) Генитиве мн. ч. **o*-, **ā*-основ и основ на согласные: ст.-слав. *женъ* "жен",

влькъ "волков", камень "камней", имень "имен", где $\text{-ь} < *-\check{\text{q}} < *-\text{un} < *-\text{on} < *-\text{ǎ}^{\circ}\text{n} < *-\text{ǎn} < \text{и.-е. } -\text{ǎm}$. В ведическом санскрите (RV 1, 71, 3; 6, 11, 3) тут представлено окончание с долгим гласным: *devāñ jamna* (где $\text{-n} < \text{закономерно из } -m$) "богов род" [21]. Долгий гласный зафиксирован также в др.-греч. $\lambda\acute{o}\kappa\omega\nu$ "волков", в балтийском языке: литов. $\text{vilk-}\check{\text{q}} < *-\text{u}\check{\text{q}} < *-\text{uon} < \text{балт. } -\text{ǎn} < \text{и.-е. } -\text{ǎm}$, ср.: др.-прусск. *greson* "грехов". Долгий гласный, как и переходная ступень $*-\text{uon}$, восстанавливаются в данной флексии на том основании, что в соответствующих формах латышских местоимений и прилагательных с определенными (местоименными) окончаниями представлен дифтонг -o [uo]: *to* "тех", *maza* "маленьких" при соответствующих формах прилагательных с неопределенными окончаниями на -и : *mazi*.

Различие между славянской и балтийской праформами данного окончания не больше, как отметил А. Вайан [2, с. 35], чем между гот. *dagē* — др.-в.-нем. *tago*. Поэтому здесь вряд ли можно говорить о каком-либо особом развитии данного окончания в балтийском и славянском языках, точно так же, как и отмечать особую арно-греко-балтийскую изоглоссу.

3) Окончаниях 1 л. ед. ч. аориста: ст.-слав. *падъ* (*пасти* "падать") — $\text{pad-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{un} < *-\text{on} < *-\text{ǎ}^{\circ}\text{n} < *-\text{ǎn} < \text{и.-е. } -\text{ǎm}$. Что касается соответствующих форм славянского имперфекта: ст.-слав. *падъахъ*, то, если он является праславянским новообразованием, тогда окончание рассматриваемой формы претерпели схожие изменения, однако если это всего лишь только восточнобалканское новообразование, то эти процессы исключаются.

4) Окончаниях супина: ст.-слав. *идж рыба ловитъ*, где *ловитъ* — $\text{lovit-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{un} < (*-\check{\text{um}})$. Формы славянского супина генетически близки соответствующим формам балтийского супина: литов. *ėik šieno pjūtių* "иди сено косить". Эта категория не является общиндоевропейской (если не считать бывшие надежные истоки), поскольку супин был представлен не во всех и.-е. языках, являясь более поздним параллельным новообразованием в сильно дифференцированной диалектной и.-е. языковой области. Исследователи не раз обращали внимание на схожесть славянского супина с супином в ряде и.-е. языков, например, в балтийских, латинском языке. Однако если рассмотреть его в отношении к балтийскому супину по сравнению с супином, представленным в других языках, то можно сделать вывод, что славянский и балтийский супин являются общей изоглоссой.

5) 1 л. ед. ч. личного местоимения: ст.-слав. *азъ* — $\text{az-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{un} < *-\text{on} < *-\text{ǎ}^{\circ}\text{n} < *-\text{on} < \text{и.-е. } -\text{ǎm}$, ср.: скр. *ahám*, др.-греч. $\epsilon\gamma\acute{\omega}$, лат. *egō*, хет. *uk*, литов. *aš/eš*, где $\check{\text{ь}} < \check{\text{z}}$, ср.: *vězti* "везти", *vežù* "везу", *věš* "буду везти". Согласно фонетическим законам, в литовском языке должно было быть *ažu/ežu*, но в силу действия иных причин произошло сокращение словоформы до одного слога.

6) Генитиве мн: ч. указательного местоимения: ст.-слав. *тѣхъ* "тех" — $\text{tĕch-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{un} < *-\text{on} < *-\text{ǎ}^{\circ}\text{n} < *-\text{ǎn} \dots < (\text{и.-е. } -\text{ǎm})$, ср.: др.-прусск. *steisson*, др.-инд. *tesām*.

7) Предлогах (и восходящих к ним префиксах): ст.-слав. *къ(н)*, *съ(н)* соответственно из и.-е. *kom* и *som*, ст.-слав. *въ(н)* из и.-е. *en*, ср. *къ нему*, *сънискати* "снискать", *въноуштити* "внушить" и др.

В соответствии с данными изменениями происходили и изменения сочетаний краткого гласного верхнего подъема переднего ряда с носовым согласным.

8) Аккузативе ед. ч. $*\text{-i}$ -основ: ст.-слав. *звѣрь* "зверья" — $\text{zver-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{in} < \text{и.-е. } -\text{im}$, ср.: литов. $\text{žvėr-}\check{\text{į}} < *-\text{in}$, др.-прусск. *nautin* "нужду", др.-греч. $\rho\acute{o}\lambda\iota\nu$ "город", скр. *áviti* "овцу".

9) Аккузативе ед. ч. основ на согласный: ст.-слав. *камень* "камень" — $\text{kamen-}\check{\text{ь}} < *-\check{\text{q}} < *-\text{in} < *-\eta < \text{и.-е. } -m$: литов. $\text{akmen-}\check{\text{į}} < *-\text{in} < *-\eta$ "камень", др.-прусск. *smiupen-iti* "человека", др.-греч. $\kappa\acute{\upsilon}\nu\alpha$ "собаку", лат. *hominem* "человека".

Данный закон конца слова в определенной степени подтверждается типологически фактами польского языка. Здесь в основе слов противопоставляются q (возникшее в новом долгом слоге) и e (возникшее в новом кратком слоге), однако

в конце слова гласный *a* полностью сохраняет свой назальный характер, ср. польск. *piszą* "пишут", *kolacją* "ужином", в то время как в устной речи *ę* произносится здесь как чистый гласный без назализации: *imię* "имя", *proszę* "будьте добры" и т.п.

Таким образом, в праславянском языке в связи с тем, что в окончаниях и.-е. долгие гласные, сокращаясь, превращались в гласные полного образования, а краткие гласные, претерпев в ряде случаев качественные изменения, сокращались до редуцированных гласных, в конце слова действовал закон, согласно которому и.-е. противопоставление "долгий гласный + носовой согласный" :: "краткий гласный + носовой согласный" заменялось противопоставлением носовых гласных разного количества, которое, в свою очередь, перешло в противопоставление "носовой гласный" :: "редуцированный гласный".

Существующее классическое положение, отмеченное выше, согласно которому и.-е. -от при отпадении носового согласного изменяется в -ь, противоречит действию фундаментального для праславянского языка закона открытого слога и должно быть, по всей видимости, пересмотрено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Meiße A.* Общеславянский язык. М., 1951.
2. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves T II Lyon; Paris, 1958.
3. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
4. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1986. С. 150.
5. *Журавлев В.К.* Дiachроническая фонология. М., 1986. С. 45—50.
6. Сравнительная грамматика германских языков. Т II. М., 1962. С. 290—297.
7. *Поляков О.В.* К вопросу о балто-славянском инструменталисе // ИАН СЛЯ. 1988. № 2.
8. *Фортунатов Ф.Ф.* Извр. тр. Т. 2. М., 1957. С. 369.
9. *Endzeļin J.* Altpreussische Grammatik. Riga, 1944. С. 93.
10. *Bielfeldt H.H.* Altslawische Grammatik. Halle (Saale), 1961. S. 142.
11. *Szober St.* Słowiański Nom -Akk. Sg. neutr. tematów na -o-, -es- // PF. 1927. T. XII, S. 563—571.
12. *Agrell S.* Zur Geschichte des indogermanischen Neutrums. Lund, 1925—1926.
13. *Milewski T.* // Slavia. 1964. № 1. Rec.: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. II: Morphologie.
14. *Kazlauskas J.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968. P. 123—124.
15. *Maziulis V.* Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). Vilnius, 1970.
16. *Kammenhuber A.* Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenluwisch // Handbuch der Orientalistik. 1969. Abt. 1. Bd II. Absch. I—II. Lf. 2. S. 193.
17. *Brosnan P.W.* The Hittite neuter a-stem // Z. für vergleichende Sprachforschung. 1979. Bd 93, Hf. 1. S. 58—59.
18. *Rosenkranz B.* Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen. The Hague etc., 1978. S. 55.
19. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984. С. 272—273, 304.
20. *Kallma J.* Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936. S. 77—85.
21. *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd III. Göttingen, 1930. S. 108.

© 1992 г. ПОДЛЕСКАЯ В.И.

К ТИПОЛОГИИ ПРЕДИКАТИВНОГО СОЧИНЕНИЯ

1. Постановка вопроса

Для языков ряда типологических и генетических общностей, в частности, алтайских, характерно наличие полипредикативных конструкций, один из компонентов которых выражен финитной формой предиката, а прочие — инфинитной формой. Конструкции этого типа всесторонне исследовались в работах новосибирской школы, см. [1—3]. С легкой руки авторов этих работ стало употребительным выражение "сложное предложение алтайского типа", что подразумевает синтетическую полипредикативную конструкцию, где связь между компонентами кодируется внутри зависимого предиката, для чего используются такие морфологические средства, как падежные, причастно-падежные и деепричастные аффиксы.

Как правило, инфинитные предикации выступают в функции сентенциального сирконстанта, выражая обстоятельственные значения типа времени, причины, способа действия и проч. Однако в ряде случаев инфинитная предикация и подчиняющая ее финитная оказываются семантически равноправными, что позволяет говорить о сочинительном характере связи между этими предикациями.

В современном японском языке в такого рода конструкциях в составе формально зависимой предикации широко используются инфинитные формы на *-тэ/-дэ* и на *-и/-ф*¹.

Рассмотрим следующие примеры:

- (1) *аки мо фуаку наттэ мацубаяси ни*
 осень ПОДЛТ глубокая становится ИНФ² сосновый бор ЛОК
одака на ё: га отитэ иру (МС, 3)³
 тихое солнце ПОДЛ садится

"Глубокая осень, тихое солнце садится в сосновый бор".

- (2) *сора ва кумоттэ самуй кадзэ га*
 небо ПОДЛТ хмурится ИНФ холодный ветер ПОДЛ
фуйте иру (МС, 3)
 дует

"Небо хмуро, дует холодный ветер".

¹ Для этих форм в русскоязычной японистике используются, в частности, термины "деепричастие предшествования" и "вторая основа", ср. [4, с. 36—47]. В [5, с. 392—470, 475—552] форма на *-тэ/-дэ* именуется герундием, а форма на *-и/-ф* — инфинитивом. В [6, с. 195—199] форма на *-тэ/-дэ* именуется герундием, а для формы *-и/-ф* используется термин континуатив. Заметим, что в более поздней работе того же автора [7, с. 121] эти два ярлыка меняются местами: *-тэ/-дэ*-форма именуется континуативом, а *-и/-ф*-форма — герундием.

² В подстрочнике японских примеров используются следующие сокращения: ИНФ — инфинитная синтетическая форма, УСЛ — инфинитная синтетическая форма с условным значением, АТР — атрибутив, ЛОК — локатив, ПОДЛ — подлежащее, Т — тема, ПРДОП — прямое дополнение, СУБСТ — субстантиватор, ЦИТ — цитационный (изъяснительный) союз, ВОПР — вопросительная частица.

³ Для обозначения источников используются следующие сокращения: МС — Мацумото Сэйтё: Кю:кэй но арано. То:кё:о, 1969; АК (I—VI) — Атарасий кокуго. Ч. I—6. То:кё:о, 1981; СУ — журн. "Сисо:ундо:"; АН — Атарасий нихонго. То:кё:о, 1989.

(3)	<i>аой</i>	<i>хикари</i>	<i>но</i>	<i>нака</i>	<i>дэ,</i>	<i>ума</i>	<i>ва</i>
	бледный	свет	АТР	внутри	ЛОК	лошадь	ПОДЛТ
	<i>хиссори то</i>	<i>Таро:</i>	<i>о</i>	<i>мицумэ</i>		<i>Таро</i>	
	беззвучно		ПРДОП	всматривается	ИНФ		
	<i>ва,</i>	<i>соно</i>	<i>маэ</i>	<i>ни</i>	<i>татицукусита</i>		(АК6, 20)
	ПОДЛТ	она	перед	ЛОК	стоял-не-шелохнувшись		

"В бледном свете лошадь беззвучно глядела на Таро, и он стоял перед ней, не шелохнувшись".

Предложения (1)—(3) — это гетеросубъектные конструкции, которые могли бы считаться сочинительными, если бы не расподобление предикатов по признаку финитности: формы *наттэ*, *кумоттэ*, *мицумэ* — инфинитны, т.е. не могут выступать в качестве вершины независимого простого предложения. Дискуссия о статусе такого рода конструкций в алтаистике далеко не завершена. Выделяется два основных подхода к решению этой проблемы: при подходе, который условно можно назвать "формально-синтаксическим", эти конструкции считаются подчинительными, поскольку приоритетным признается их грамматическая асимметричность; при подходе, который условно можно назвать "функционально-семантическим", эти конструкции считаются сочинительными, поскольку приоритетным фактором признается симметричность семантического отношения между компонентами⁴.

С нашей точки зрения, эти споры могли бы быть сняты, если отказаться от интерпретации противопоставления "сочинение vs. подчинение" как бинарного в пользу иерархического подхода. Иерархический подход, более того, позволил бы единообразно описывать сложносочиненные предложения и предложения с сентенциальным сирконстантом, независимо от того, выражается ли связь между компонентами с помощью морфемы, встроенной в словоформу, или с помощью отдельного слова (группы слов).

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы сформулировать основные принципы иерархического подхода к описанию сочинительных полипредикативных конструкций. Возможности предлагаемого подхода будут иллюстрироваться на японском материале.

⁴ Приведем несколько высказываний сторонников того и другого подхода. Функционально-семантическое исследование тувинских полипредикативных конструкций предлагается М.Б. Бергельсон и А.А. Кибриком, в числе прочих анализируются и конструкции типа рассмотренных нами японских: "...в русском языке союзное сочинение дает возможность использовать финитные формы глагола в обеих сочиненных предикациях. Если отказаться от априорного убеждения, что такое свойство предикативного сочинения универсально, то тувинские конструкции с показателями ПР (переключения референции — ПР) следует признать сочиненными" [8, II, с. 32]. А вот возражение, характерное для сторонников "формально-грамматического" подхода: «...факт деепричастного, а не лично-финитного оформления сказуемых в составе синтаксических единиц свидетельствует о подчиненном характере соответствующей предикативной единицы. Нечеткость смыслового отношения между событиями не может быть аргументом в пользу признания таких полипредикативных (сложных) предложений сочиненными, если мы не хотим отказываться от формально-синтаксической интерпретации понятий "сочинение" и "подчинение"» [1, с. 29—30]. Впрочем, представители обоих подходов не склонны считать понятие сочинение и подчинение абсолютно взаимоисключающими. Так, в [8] для рассматриваемого типа конструкций предлагается термин "квазисочинение", что подчеркивает некоторую "неполноценность" сочинения, выраженного подчинительными поверхностно-синтаксическими средствами. Возможность смягчения бинарного противопоставления сочинение vs. подчинение признают и сторонники формально-грамматического подхода: "Применительно к алтайским языкам проблема сочинения и подчинения еще более запутывается. Содержательные отношения, выражаемые по-русски "заведомо сочинительными" союзами — *и, а, но* — в монгольских, тунгусских, тюркских языках успешно выражаются с помощью конструкций с первой частью, содержащей деепричастное сказуемое в одной из простейших... форм" [1, с. 28]. "Содержательный характер отношений между действием деепричастия и доминирующего глагола этими формами передается очень нечетко, что дает основание интерпретировать эти отношения как сочинительные (соединительные)" [1, с. 145].

2. Иерархия координативности

С нашей точки зрения, наиболее плодотворным является многофакторный анализ сочинения. В общем виде суть такого подхода изложена, в частности, в [9, 10; 11, с. 167]. Применительно к предикативному сочинению его можно сформулировать следующим образом.

1. Сочинительные конструкции не составляют замкнутого дискретного класса полипредикативных конструкций.

2. Наличие или отсутствие сочинительного отношения между предикатами⁵ не может рассматриваться как бинарный признак типа "± сочинительность": полипредикативные конструкции могут быть сочинительными в большей или меньшей степени, т.е. они образуют иерархию, которую мы условно будем именовать иерархией, или шкалой, координативности.

3. Под влиянием общей тенденции к иконичности синтаксической структуры (в смысле [13]) сочинение как синтаксическая стратегия используется для отражения в языке симметричных ситуаций и тяготеет поэтому к иконическому использованию симметричных языковых средств. Симметричность (т.е. однородность) компонентов полипредикативной конструкции — морфологическая, синтаксическая, семантическая, коммуникативная — основной фактор, определяющий положение конструкции на шкале координативности⁶.

Фактор симметричности призван компенсировать действие другого универсального фактора — линейности. Линейность текста на естественном языке ставит говорящего перед необходимостью определить приоритетность компонентов сочинительной конструкции: так или иначе они должны появиться в тексте последовательно⁷. Таким образом, чем сильнее на разных уровнях фактор симметричности способен ослабить действие линейной приоритетности, тем выше степень координативности конструкции.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению основных типов симметрии в сочинительных полипредикативных конструкциях, следует уточнить, что не все полипредикативные конструкции могут оцениваться по степени координативности. Как мы попытались показать в [12], можно выделить два основных типа полипредикативных конструкций по их соотносительности с базовой семантической структурой. В конструкциях первого типа один из компонентов заполняет семантическую валентность другого (ср. конструкции с сентенциальным актантом). В базовой семантической структуре конструкций второго типа оба компонента заполняют валентность семантического элемента, который мы условно именуем доминантным семантическим предикатом. Именно конструкции второго типа образуют иерархию координативности. В левой части шкалы ("минимум координативности") расположены канонические конструкции с сентенциальным сирконстантом [например, сложные предложения с придаточными времени, вводимые "бесспорным" (т.е. простым, непроемким, моносемичным и проч.) союзом]. В правой части шкалы ("максимум координативности") — канонические сочинительные конструкции.

⁵ Как мы попытались показать в [12, с. 112] терминологически более точно говорить здесь не о предикате, а о синтаксическом предикате. Синтаксическим предикатом мы будем считать единицу, которая либо (а) сама способна быть вершиной независимого простого предложения, либо (б) входит в парадигму форм, в составе которой есть форма, способная быть вершиной независимого простого предложения.

⁶ Во многих работах термин однородность применяется не ко всем видам симметричности членов сочинительной группы. Как правило, под однородностью понимается морфо-синтаксическая симметричность компонентов сочинительной конструкции, и прежде всего тождество их синтаксической функции и единообразие грамматического оформления. Ср., однако [14, 15; 11, с. 158—166], где термин однородность используется более широко: применительно и к семантическим характеристикам.

⁷ Мы не рассматриваем здесь случаи с так называемыми множественными терминами типа *Обе лодки подплыли к берегу* (из **Лодка А подплыла к берегу* и *Лодка Б подплыла к берегу*).

Рассмотрим теперь, какими факторами определяется положение полипредикативной конструкции на шкале координативности.

3. О факторах, влияющих на степень координативности. Виды однородности

Важнейшим фактором, задающим положение конструкции на шкале координативности, является логическая симметричность доминантного семантического предиката. Как правило, доминантный семантический предикат — это отношение логико-временного типа. Если отношение симметрично — типа конъюнкции или дизъюнкции — то оно служит базой для образования канонических сочинительных конструкций, если несимметрично — типа импликации — то оно служит базой для образования канонических конструкций с сентенциальным сирконстантом.

Поскольку, однако, даже значение таких "прозрачных" союзов естественного языка, как *и*, *или*, *если*, не может быть сведено к их логическим коррелятам, постольку оттенки значения доминантного семантического предиката могут сдвигать конструкцию в ту или иную сторону по шкале координативности. Так, в [15, с. 93—97] показано, что и конъюнктивные, и дизъюнктивные союзы неоднородны по симметричности выражаемого ими отношения. Например, компоненты сочинительных конструкций, связанные союзами *и* и *но* (*плачет и поет; плачет, но поет*), симметричны по "отношению к реальной действительности, как его понимает говорящий": в обоих случаях утверждается, что оба события имеют место. Вместе с тем компоненты *но*-конструкции имеют разный вес для описываемой ситуации⁸.

Примером нарушения семантической симметричности может служить японский конъюнктивный союз *си*. Общее значение конструкции *X си У* можно сформулировать следующим образом: "У имеет больший вес для описываемой ситуации, чем X, и не противоречит ему". Это значение приблизительно соответствует русскому *и более того*. Семантическая асимметричность компонентов этой конструкции может подчеркиваться и дополнительными лексическими приемами.

- (4) *сорэ дэ тидори га канарадэу сукуидасэру*
 этим кулик ПОДЛ непременно может-быть-спасен
то ва изнай си сорэ ни
 ЦИТ Т нельзя-сказать и-более-того к тому /же/
соре О суру ни ва омэ ва тотэмэ
 это ПРДОП сделать чтобы ты ПОДЛТ очень
цураи мэ ни аванакутэ ва наранай
 трудности ДОП встретиться-придется
но да ё (АКГ, 106)
 вот ведь как

"Нельзя с уверенностью сказать, что так удастся спасти куличка, и к тому же, чтобы это сделать, тебе придется столкнуться с большими трудностями"

- (5) *ано карасу, намаэ ва куроу*
 этот вороненок имя ПОДЛТ
да, зйго дэ
 будет по-английски
карасу но кото о куроу то
 ворона АТР СУБСТ ПРДОП ЦИТ
ю, си,
 называют и-более-того

⁸ Ср. также отношение "доминаций", вводимое в [16] для описания семантики сочинительных союзов

дай¹ти карасу ва уро га
во-первых ворона Т цвет ПОДЛ

курои кара (АКЗ, П)
черный поскольку

"Этого вороненка назовем куроу. Потому что по-английски ворона будет куроу", а самое главное, вороны черного (вороного) цвета".

Семантическая однородность может проявляться и в существовании определенных требований на совпадение семантических признаков сочиняемых предикатов. Так, согласно [6, с. 195—199], зависимая инфинитная форма на *-тэ/-дэ* в японском языке должна совпадать с вершинным финитным предикатом по признаку контроля:

(6) Джон ва Мари ни аттэ соно ханаси
ПОДЛТ ДОП встретился ИНФ этот разговор
о сита⁹
ПРДОП сделал.

"Джон, встретив Мари, поговорил об этом".

(7) Джон ва Мари ни гудзэн дэаттэ
ПОДЛТ ДОП случайно встретился ИНФ
соно ханаси о сита
этот разговор ПРДОП сделал

"Джон случайно встретил Мари и поговорил об этом".

Предложение (6) грамматически правильно, а предложение (7) — нет, потому что "встретить", так же, как и "сделать", — действия, контролируемые субъектом, а "встретить случайно" — нет. Инфинитная форма на *-и/-φ* не накладывает ограничений по контролю, поэтому предложение (8) правильно:

(8) Джон ва Мари ни гудзэн аи,
ПОДЛТ ДОП случайно встретился ИНФ
соно ханаси о сита
этот разговор ПРДОП сделал

"Джон случайно встретил Мари и поговорил об этом".

На базовую симметричность // несимметричность доминантного семантического предиката накладывается распределение коммуникативной нагрузки между членами конструкции. Понятие коммуникативной однородности может описываться в терминах темо-рематических противопоставлений. Так, в [15, с. 20—23] в предложении *Он работает, но плохо* сочиненные компоненты считаются коммуникативно однородными, поскольку оба входят в рему высказывания.

Можно говорить о коммуникативной перспективе и в терминах дихотомии ассерция vs. презумпция. В коммуникативно несимметричных конструкциях значение одного из компонентов относится к ассертивной, а другого — к презумптивной части значения конструкции. Так, русские конструкции *P₁, но P₂ и P₂, хотя P₁* базируются, по-видимому, на одном и том же доминантном семантическом предикате: условно его можно назвать отношением противопоставления (*Он был болен, но пришел vs. Он пришел, хотя был болен*). Однако, как было показано в [17, с. 415], разница между ними состоит в том, что в конструкции *P₁, но P₂* значения обоих компонентов относятся к ассерции, а в конструкции *P₂, хотя P₁* (по крайней мере, в одном из ее интонационных вариантов)

⁹ Заимствованные примеры мы сопровождаем собственным подстрочником.

значение P_1 является презумпцией — не подвергается действию логических операторов, в том числе отрицания.

С. Куно предложил серию тестов, демонстрирующих характер распределения коммуникативной нагрузки между компонентами полипредикативной конструкции, содержащей инфинитные формы на *-тэ/-дэ* и *-и/-ф* (7, с. 123—124). В их числе: способность главного компонента релятивизироваться, допустимость вопросительной трансформации, возможность заменить субъект главного компонента на вопросительное слово. Предложение (9) допускает все эти трансформации ввиду своей коммуникативной асимметричности:

(9) *букка га агари, минна га коматтэ иру*
 цены ПОДЛ растут ИНФ все ПОДЛ страдают
 "Когда [если, поскольку] цены растут, все страдают".

(9а) [*букка га агари, коматтэ иру*] *хитотати*
 цены ПОДЛ растут ИНФ страдают-которые люди
 "Люди, которые страдают от роста цен".

(9б) *букка га агари, дарэ га коматтэ иру ка*
 цены ПОДЛ растут ИНФ кто ПОДЛ страдает ВОПР
 "Кто страдает от роста цен?"

(9в) *букка га агари, минна коматтэ иру ка*
 цены ПОДЛ растут ИНФ все страдают ВОПР
 "Страдают ли все от роста цен?"

Однако, по наблюдениям С. Куно, ни одна из перечисленных трансформаций не применима к коммуникативно симметричному предложению (10):

(10) *Таро: га Амэрика ни ики, Ханako*
 ПОДЛ в поехал ИНФ
га Фурансу ни итта
 ПОДЛ в поехала.
 "Таро поехал в Америку, а Ханako (поехала) во Францию".

Эти наблюдения, по мнению С. Куно, показывают, что японские предложения, содержащие инфинитные формы предиката, могут быть как подчинительными, так и сочинительными. В рамках принятого нами многофакторного подхода скорее следует говорить, что формы на *-тэ/-дэ* и *-и/-ф* способны формировать конструкции с разной степенью координативности, причем коммуникативная однородность является лишь одним из ряда факторов, отделяющих или приближающих конструкции к каноническому сочинению. Более того, как будет показано ниже, тот факт, что инфинитная форма в принципе способна участвовать в коммуникативно несимметричной конструкции, снижает степень координативности и коммуникативно симметричных конструкций, содержащих данную форму.

Обратимся теперь к более поверхностным видам однородности. Важнейшим фактором, действующим в сочинительной группе любого типа, является тождество синтаксических функций ее компонентов. Применительно к полипредикативным сочинительным конструкциям это означает, что компонентами конструкции являются либо вершинные предикаты, либо соподчиненные предикаты, т.е. предикаты, выполняющие функции актанта, сирконстанта или определения при одном и том же узле синтаксической структуры. Тождество синтаксической функции подкрепляется и единообразием грамматического оформления компонентов конструкции.

Одним из важнейших поверхностных факторов, влияющих на степень коорди-

нативности полипредикативной конструкции, является симметричность компонентов по признаку финитности. При прочих равных условиях конструкция, в которой оба компонента представлены финитной формой, ближе к каноническому сочинению, чем конструкция, в которой один из компонентов имеет финитную, а другой инфинитную форму.

Однако даже бифинитные конструкции, базирующиеся на доминантном семантическом предикате конъюнктивного или дизъюнктивного типа, могут иметь разную степень координативности по ряду поверхностных причин. Одна из них — различия в способе выражения доминантного семантического предиката. При прочих равных условиях к каноническому сочинению ближе бифинитные конструкции, в которых доминантный семантический предикат либо (а) имеет нулевое выражение (так называемое "бессоюзное сочинение"), либо (б) кодируется повторяющейся сегментной единицей, симметрично обслуживающей каждую из сочиненных предикаций (типа русских разделительных союзов: *Он или спит, или читает; Он то ли спит, то ли читает*). Ср. пример бессоюзного сочинения сентенциальных определений, выраженных единицами разных грамматических классов, — предикативным прилагательным, глаголом и непредикативным (именным) прилагательным со связкой в определительной форме:

- (11) *омаз ва кокуро но ясасий, со:ситэ*
ты ПОДЛТ сердце ПОДЛ доброе и
ю:ки но ару, хонто:ни риппа на
мужество ПОДЛ имеется действительно замечательный
вакамоно да ё (АК2, 116—117)
молодой-человек есть!

"Ты, действительно, замечательный парень, мужественный, с добрым сердцем".

Если же доминантный семантический предикат выражается с помощью служебного слова (например, союза), так или иначе тяготеющего к одной из сочиняемых предикаций, то степень координативности падает по мере утраты союзом своей морфо-синтаксической самостоятельности. Логическое завершение этого движения — переход от служебного слова к морфеме в составе монофинитной конструкции.

Однако не следует думать, что каноническое предикативное сочинение возможно лишь в бифинитных конструкциях. Рассмотрим употребление японской инфинитной формы на *-тари/-дари*. Эта форма обозначает действие или событие, (а) репрезентирующее некоторый ряд действий или событий, либо (б) чередуящиеся с рядом действий или событий, см. [18, 19; 5, с. 566]. В случае (а) *Х-тари* может приблизительно толковаться как "некоторые действия, например (в том числе), Х".

- (12) *хока но докусякай то тугав*
прочие АТР читательские конференции от отличается
но ва токидоки но хо:коку дэ
СУБСТ ПОДЛТ периодические АТР сообщения среди
дзю:ё: то омаварэру моно о
важный ЦИТ считается СУБСТ ПРДОП
[*сякайхэ:рон*], *но кидзи ни ситару,*
"социологическое обозрение" АТР заметка ДОП делают ИНФ (в частности)
докудзи ни памфурэтто то ситэ матомэтэкита
лично брошюра в качестве выходят
кото (СУ, 1990, 4.1)
СУБСТ

"[Наша читательская конференция] отличается от других читательских конференций тем, что среди периодических докладов те, которые считаются важными, например, помещаются в виде заметок в "Социологическом обозрении" или выходят в виде отдельной брошюры".

На базе этой инфинитной формы строится распространенная в японском языке конструкция со значением репрезентативного действия *X-тари, У-тари суру*, где инфинитная форма на *-тари/-дари* употребляется один, два или более раз, а все предикативные категории маркируются в служебном глаголе *суру* "делать", который занимает финитную позицию:

- (13) *ватаситати ва майнити котоба о*
 мы ПОДЛТ каждый день слова ПРДОП
цукаттэ ханаситари, кийтари, кайтари.
 использую говорим ИНФ слушаем ИНФ пишем ИНФ
ёндари симас (АК2, 69)
 читаем ИНФ делаем

"С помощью слов мы каждый день говорим, слушаем, пишем, читаем".

- (14) *гохики но сарутати ва Бампо но атама*
 пятеро АТР обезьяны ПОДЛТ АТР голова
но уэ дэ, одоттари утаттари
 АТР верх ЛОК танцевали ИНФ пели ИНФ
симасита (АК2, 112)
 делали

"[Что] вытворяли пятеро обезьян: и танцевали, и пели на голове у [крокодила] Бампо!"

Как мы видим, компоненты этой конструкции симметричны и семантически, и формально: оба они выражены одной и той же инфинитной формой, а связывающее их семантическое отношение — "незаконченное перечисление" — очень близко к конъюнкции. Таким образом, каноническое предикативное сочинение возможно не только внутри бифинитных конструкций.

Итак, мы рассмотрели некоторые типы однородности сочиненных предикатов. Формальные и семантические факторы, как правило, влияют на степень координативности конструкции независимо. Мы видели уже пример семантической однородности при формальной асимметричности: таковы рассмотренные в разд. I сложные предложения алтайского типа с семантически равноправными компонентами. Другой пример: русские рассогласованные конструкции, детально описанные в [10]. Это семантически симметричные предложения типа *...в скользящей стеклянной зыби плавала не то утка, не то грачонок еле держался на распластанных крыльях*, где синтаксическая асимметрия является результатом нарушения некоторых правил сочинительного сокращения. Следует заметить, однако, что если рассогласованные конструкции для русского языка периферийны, то расподобление по финитности в алтайских и ряде других языков — доминирующая синтаксическая стратегия, т.е. узаконенное языком отклонение от сочинительного канона.

Возможно и обратное: морфологически симметричные компоненты конструкции, связанные асимметричным семантическим отношением типа импликации. Таковы так называемые сериальные конструкции. Компоненты сериальной конструкции (а) связаны отношениями "сирконстантного" типа (модальными, фазовыми, каузативными и проч.)¹⁰, не получающими выражения в виде отдельной сегментной единицы, и (б) имеют одинаковое морфологическое оформление (в языках с развитой морфологией это, как правило, финитные формы). Сериальные конструкции описывались преимущественно в "экзотических" языках (австралийских, американских и проч.), однако встречаются они и в языках,

¹⁰ Типы семантических отношений в сериальной конструкции систематизированы в [20]. О порядке сериализации и соотношении сериализации и сочинения см. также [21, 22].

давно освоенных лингвистической традицией, например, в русском, ср. сериальную конструкцию *Пойду погуляю* с морфологически асимметричной *Пойду погулять*. В рамках нашего подхода можно говорить, что ввиду морфологической симметричности компонентов сериальная конструкция *Пойду погуляю* расположена на шкале координативности ближе к каноническому сочинению, чем конструкция с инфинитивом *Пойду погулять*.

Итак, в канонической сочинительной конструкции компоненты однородны по всем своим свойствам. Любое нарушение симметричности снижает степень координативности конструкции. Однако сочинительный канон не исчерпывается однородностью компонентов.

4. О факторах, влияющих на степень координативности.

Протипические функции компонентов сочинительной конструкции

Оценивая степень координативности конкретной конструкции, следует учитывать не только свойство этой конструкции как таковой, но и парадигматические свойства используемых в этой конструкции языковых средств. Иначе говоря, учитывать способность языковых средств участвовать в других конструкциях с разной степенью координативности.

Так, например, степень координативности полипредикативной конструкции зависит и от того, насколько "прозрачно" выражен доминантный семантический предикат в составе конструкции. Во многих языках существуют базовые средства для выражения конъюнкции (русск. *и*), дизъюнкции (русск. *или*), импликации (русск. *если ...то*) и т.д. Однако в ряде случаев базовое средство может использоваться не в своей протипической функции: например, русский конъюнктивный союз *и* может служить для выражения отношения каузации (*Он заболел и не пришел*). Если в конструкции для выражения несимметричного логического отношения используется единица, протипическая функция которой — выражать симметричное отношение, то такая конструкция ближе к каноническому сочинению, чем та, в которой используется базовое средство для выражения несимметричного отношения. Так, примеры (15)—(18) расположены в порядке возрастания степени координативности.

(15) *Он не пришел, потому что заболел.*

(16) *Он заболел, поэтому не пришел.*

(17) *Он заболел, и поэтому не пришел.*

(18) *Он заболел, и не пришел.*

Конструкция (15) коммуникативно несимметрична¹¹ и использует базовое средство — союз *потому что* — для выражения несимметричного отношения каузации. Конструкция (16) также использует базовое средство для обозначения каузации, но степень ее коммуникативной симметричности выше, в частности потому, что союзное слово находится внутри предикации, выражающей следствие. В предложении (17) наряду с базовым каузативным средством — *потому* — имеется и базовое конъюнктивное средство — союз *и*. В предложении (18) союз *и* используется для выражения несимметричного отношения каузации, но его протипическая конъюнктивная функция резко сдвигает конструкцию в сторону канонического сочинения.

Применительно к предложениям алтайского типа принцип учета протипических свойств элементов конструкции означает, в частности, что степень координативности предложений с предикатами, расподобленными по финитности, зависит и от синтаксических возможностей используемой инфинитной формы. Так, некоторые причастия в алтайских и ряде других языков могут функцио-

¹¹ Мы не рассматриваем здесь дискутируемый в лингвистической литературе вопрос о презумптивном vs. ассертивном статусе компонентов причинных предложений; см. [17, 23, 24] и др. Здесь для нас достаточно лишь общего утверждения о коммуникативной несимметричности компонентов.

нирывать в качестве вершины независимого простого предложения¹². Если такие причастия входят в состав полипредикативной конструкции, то она имеет более высокую степень координативности, чем конструкция с инфинитивной формой, не способной к самостоятельному употреблению. И напротив, меньшую степень координативности имеют конструкции, в состав которых входят инфинитивные формы, способные не только выполнять сирконстантные функции, но и выступать в других зависимых позициях.

Рассмотрим с этой точки зрения употребление японской инфинитивной формы на *-тэ/-дэ*. Эта инфинитивная форма, как правило, употребляется в составе канонической конструкции с сентенциальным сирконстантом. При этом выражаемое ею действие или событие либо связано с событием, выраженным главным предикатом, асимметричным логико-временным отношением¹³, например, отношением естественной выводимости, как в (19), либо оба предиката обозначают разные параметры одной ситуации, как в (20).

- (19) *одзисан ва тоси о тоттэ итэ*
 дедушка ПОДЛТ годы ПРДОП имеет ИНФ'
мими га той (АКЗ, 25)
 плохо-слышит
 "Дедушка уже старенький, [поэтому] плохо слышит".

- (20) *дзо: ва куса ка ки но ха о*
 слон ПОДЛТ трава или деревья АТР листья ПРДОП
табэтэ икитэ иру (АКЗ, 38)
 ест ИНФ живет
 "Слон питается (букв. "живет, питаясь") травой или листьями деревьев".

Однако возможности данной формы не ограничиваются функцией сирконстанта: она может употребляться также в функции сентенциального актанта и сентенциального определения. В (21) форма на *-тэ/-дэ* замещает объектную валентность оценочного предиката:

- (21) *ватаси ва икэнакутэ дзаннын дэсита* (АК, 323)
 я ПОДЛ не-мог-пойти ИНФ' жаль
 "Жаль, что я не смог пойти".

Если считать, что выражение *прошло 15 лет* открывает валентность на точку временного отсчета (*с тех пор, как...*), то форму *хиракарэтэ* от глагола *хиракарэру* "быть открытым" в (22) следует рассматривать как вершину сентенциального актанта:

- (22) *То:кё: но ти ни докусякай*
 Токио АТР территория ЛОК читательская конференция
хиракарэтэ судэ ни 15 нэн ни нару (СУ, 1990, 2.11)
 была открыта ИНФ уже 15 лет ДОП стало
 "Прошло уже 15 лет с тех пор, как в Токио была открыта читательская конференция".

¹² Так, согласно [25], перфектное причастие в сибирском языке может использоваться в качестве сказуемого, если говорящий является непосредственным участником события, выраженного причастием.

¹³ О семантических отношениях в японских конструкциях с деепричастием предшествования см., например [4, с. 36—45; 26, 27]. Для *-тэ/-дэ*-деепричастия возможна также псевдофинитивная позиция — в клишированных адресивных высказываниях типа *хадзимэмаситэ* "рад познакомиться" или *до:итасимаситэ* "не стоит благодарности".

В (23) форма на *-тэ/-дэ* релятивизируется посредством атрибутивного показателя:

- (23) *эйга о митэ но тэ:рон* (СУ, 1990.4.1)
фильм ПРДОП посмотреть ИНФ АТР диспут

"Диспут в связи с просмотром [после просмотра] фильма"

Более того, эта форма может понижать свой синтаксический статус до уровня послелого, уточняющего семантическое отношение между предикатом и его актантом (ср. переход деепричастий в предлоги в русском языке: *Он кланялся, благодаря Ивану* vs. *Он спасся благодаря Ивану*). В (24) *тоттэ* — деепричастная форма глагола *тору* "брать" выступает в качестве послелого со значением "для", вводящего субъект состояния:

- (24) *гэндзай ва ватаситати ни тоттэ кибисий*
нынешнее время ПОДЛТ мы ДОП для суровая

фую но дзидай дэ ару (СУ.1990.4.1)
зима АТР период является

"Для нас сейчас трудные времена" (букв. "нынешнее время для нас — это период суровой зимы").

В (25) *мэгуттэ* — деепричастная форма глагола *мэгуру* "окружать, включать в круг..." выступает в качестве послелого со значением "по поводу, включая и..." (ср. ту же внутреннюю форму русского предлога *вокруг* в выражениях типа *положение в Нагорном Карабахе и вокруг него*). Обращает на себя внимание, что в (25) показатель подлежащего следует непосредственно за *-тэ/-дэ*-формой:

- (25) *сигацу хацука хираку докусякай*
апрель 20-е число открывается читательская конференция

ва [Хиномару] то Кимигаё о мэгуттэ,
Т японский флаг и японский гимн ПРДОП включая

га тэ:ма дэ ару (СУ, 1990, 4.1)
ПОДЛ тема является

"На открывающейся 20-го апреля читательской конференции будут темы, связанные с японским флагом и гимном".

Как мы видим, японская форма на *-тэ/-дэ* широко используется в зависимых синтаксических позициях. Если к тому же принять во внимание, что конструкции с этой формой, как было отмечено в разд. 3, во многих случаях допускают синтаксические трансформации, применимые лишь к безусловно асимметричным конструкциям, то можно сделать вывод, что прототипической функцией *-тэ/-дэ*-формы является подчинение. Это обстоятельство существенно влияет на положение в иерархии координативности и тех конструкций с *-тэ/-дэ*-формой, в которых компоненты связаны симметричным семантическим отношением, как в (1) и (2), — степень их координативности снижается.

Итак, положение полипредикативной конструкции на шкале координативности определяется мерой однородности ее компонентов и парадигматическими свойствами используемых языковых средств.

5. Заключение

В рамках многофакторного подхода к сочинению распространение предикатов по финитности в полипредикативных конструкциях алтайского типа следует рассматривать как один из множества факторов деканонизации сочинения — как частный случай нарушения морфологической симметричности. Однако это явле-

ние заслуживает специального исследования — не только в силу своего широкого распространения в различных генетических и типологических группах языков [помимо обширного алтайского ареала, оно обнаруживается также в дагестанских языках, в языках Северной Африки и ряде других (см., например [28])], но и потому, что оно позволяет вскрыть универсальный характер некоторых языковых механизмов. Как правило, в языке, использующем инфинитные формы для выражения симметричных семантических отношений, имеется несколько форм, пригодных для этой задачи, т.е. расподобление предикатов по финитности является для некоторых языков доминирующей стратегией построения семантически симметричных полипредикативных конструкций. Так, в японском языке помимо форм на *-тэ/-дэ* и *-и/-φ* в этой функции используются также инфинитные отрицательные глагольные формы на *-най*, *-наку(тэ)*¹⁴, *-дзу*, инфинитные формы предикативных прилагательных на *-ку* и *-кутэ*¹⁵ и ряд других. Но наряду с этими семантически не специфицированными формами для выражения симметричных семантических отношений может использоваться и инфинитная синтетическая форма на *-ба*, имеющая прототипически условное значение:

(26)

<i>усу</i>	<i>я</i>	<i>кинэ</i>	<i>О</i>	<i>уру</i>	<i>мисэ</i>	<i>мо</i>
ступки	и	пестики	ПРДОП	продают	магазины	также ПОДЛГ
<i>арэба,</i>	<i>яма</i>	<i>кара</i>	<i>мацу</i>	<i>о</i>	<i>киттэ</i>	<i>китэ</i>
были УСЛ	горы	с	сосны	ПРДОП	срубив	придя
<i>уттэ иру</i>	<i>хито</i>	<i>мо</i>		<i>имасита</i>	(АН 2, 49)	
продают	люди	также ПОДЛ		были		

"[Здесь] были и магазинчики, где продавали ступки и пестики (атрибутика новогодних обрядов. — П.В.), были и люди, которые, срубив в горах [новогодние] сосенки, спускались и продавали [их]".

Семантическая симметричность конструкции подчеркивается в (26) и морфологическими средствами: повторным употреблением тематизирующей частицы *мо* при подлежащем. Показательно, что аналогичный семантический сдвиг возможен и в русских условных конструкциях, правда, бифинитных, ср.: *Если на севере промышляли больше охотой, то на юге основу хозяйства составляло земледелие*¹⁶, где протипическое условное значение *если* фактически снято, а отношение между предикациями близко к конъюнкции, ср.: *На севере промышляли больше охотой, а на юге основу хозяйства составляло земледелие*. А.В. Гладкий, исследовавший специфику таких конструкций, показал, что в них предикация, вводимая союзом *если*, является презумпцией общего утверждения, см. [30, с. 46—47]. Таким образом, на шкале координативности они находятся дальше от канонического сочинения, чем конструкции с союзом *а*, в силу меньшей коммуникативной симметричности, но ближе к каноническому сочинению, чем семантически асимметричные "собственно" условные предложения.

Рассмотренный нами материал, на наш взгляд, достаточно убедительно демонстрирует определенные преимущества многофакторного подхода к анализу сочинения. Одним из важнейших факторов, влияющих на сочинение как стратегию построения полипредикативных конструкций, является, как мы видели, финитность/инфинитность предикации. Для исследования этого фактора многое может дать материал таких языков, как японский, где возможен как алтайский, так и европейский (бифинитный) тип полипредикации.

Мы ограничились рассмотрением лишь небольшого круга факторов, связанных с предикативным сочинением. За пределами исследований остался, например, комплекс риторических механизмов, влияющих на выбор языковой стратегии.

¹⁴ Согласно [29], форма на *найдэ* предпочтительнее в тех случаях, где выше контролируемость ситуации и ее способность изменяться во времени

¹⁵ Форма на *-кутэ* используется при кореферентности субъектов, а форма на *-ку* не маркирована по этому признаку.

¹⁶ Этот пример заимствован нами из работы [30].

Так, Иноуэ Кадзуко считает, что использование инфинитных форм в предикативном сочинении связано, в частности, с конечной позицией глагола в японском предложении: однообразное повторение достаточно длинного финитного оформления стилистически ухудшало бы текст [26, с. 60].

Таким образом, важнейшей задачей дальнейшего исследования является разграничение универсальных и конкретно-языковых факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии предикативного сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черемисина М.И., Бродская Л.М., Скрибник Е.К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.
2. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
3. Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979.
4. Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
5. Martin, S.E. A reference grammar of Japanese. New Haven, 1977.
6. Kuno Susumu. The structure of the Japanese language. Cambridge (Mass.); London, 1973.
7. Kuno Susumu. Japanese: a characteristic OV language // Syntactic typology // Ed. by Lehmann W.P. Austin, 1978.
8. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Система переключения референции в тувинском языке // СТ. 1987. № 2 (ч. I), № 4 (ч. II).
9. Богуславский И.М. О некоторых типах неканонических сочинительных конструкций // Проблемы разработки формальной модели языка. М., 1987.
10. Богуславский И.М. О прагматике синтаксиса, или один способ разрешения синтаксического конфликта // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
11. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
12. Подлесская В.И. Опыт классификации полипредикативных конструкций (на материале японского языка) // Проблемы семантической и синтаксической типологии. М., 1989.
13. Iconicity in syntax // Proc. of the Symposium on iconicity in syntax / Ed. by Haiman J. Amsterdam, 1985.
14. Li Ch. N., Thompson S.A. Subject and topic: a new typology of language // Subject and topic / Ed. by Li Ch. N. N.Y., 1976 (русск. перев.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982).
15. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
16. Левин Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
17. Baker A.J. Presupposition and types of clauses // Mind. 1956. LXV. № 259.
18. Алпатов В.М. Выражение частных значений множества ситуаций в современном японском языке // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
19. Вардуль И.Ф. Значение суффикса *tari* в современном японском языке // Японский язык. М., 1963.
20. Полинская М.С., Соколовская Н.К. О значении и синтаксических свойствах сериальных конструкций. К определению сериализации // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85". Тез. докл. и сообщ. М., 1985. С. 351—354.
21. Foley W.A., Olson M. Clausehood and verb serialization // Grammar inside and outside the clause: Some approaches to theory from the field / Ed. by Nichols J., Woodbury A.C. Cambridge, 1985.
22. Плунгян В.А. Глагольная сериализация как лексический феномен // Лексикология и словообразование африканских языков. М., 1988.
23. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
24. Латышева А.Н. Расчлененность и нерасчлененность в причинных конструкциях русского языка (о квазипричинном значении некоторых причинных союзов) // Проблемы семантической и синтаксической типологии. М., 1989.
25. Norman J. A sketch of Sibe morphology // CAJ. 1974. V. XVIII. № 3. P. 170.
26. Inoue Kazuko. Some discourse principles and lengthy sentences in Japanese // Studies in Japanese language use / Ed. by Miyagawa Shigeru, Kitagawa Chisato. Carbondale; Edmonton, 1984.
27. Нечаева Л.Т. Соединительные ряды однородных сказуемых в японском языке // Вопросы японской филологии. Вып. 3. М., 1975.
28. Бергельсон М.Б. Использование стратегий при производстве и понимании сочиненных конструкций (на материале языка бамана) // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов: Тезисы. Т. III. М., 1986.
29. Kitagawa Chisato. On the two forms of negative gerund in Japanese // Studies in Japanese language use / Ed. by Miyagawa Shigeru, Kitagawa Chisato. Carbondale; Edmonton, 1984.
30. Гладкий А.В. О значении союза *если* // Семиотика и информатика. 1981. № 18.

© 1992 г. ТАРАСОВА И.П.

СТРУКТУРА СМЫСЛА И СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КОММУНИКАНТА

Ни структура смысла, ни структура личности на сегодняшний день еще не могут считаться в полной мере исследованными, во многом не определено и соотношение между ними. Вместе с тем анализ этого соотношения может, как представляется, приоткрыть некоторые интересные стороны функционирования единицы общения (предложения-высказывания), с одной стороны, и построения процесса общения в целом, с другой.

Следует пояснить, что в рамках развиваемой нами гипотезы отдельный смысл (сема), смысл слова (его значение) и общий смысл предложения-высказывания имеют принципиально тождественное построение — в их основе лежит суждение, т.е. субъектно-предикатная структура, в которой представлен предмет мысли и приписываемый ему признак. Соответственно описанием смысла любого уровня и любой природы является не набор словосочетаний, но метапредложение или ряд метапредложений (метатекст). Каждый из компонентов метапредложения может в свою очередь быть развернут в метатекст [1]. В самом общем плане можно сказать, что смысл, будь то отдельный смысл, смысл слова или смысл предложения-высказывания, являет собой некоторую комбинацию мыслей, отражающую определенный фрагмент действительности. "Смысл и значение представляют собой единство соотносительных явлений. Смысл принадлежит мыслительной сфере и реализуется в значении, относящемся к внутренней стороне языка и репрезентирующем те связи, которые и составляют смысл" [2].

Предлагаемый путь описания предложения-высказывания вычленяет в его смысле ряд суждений. Каждое из суждений содержит в себе свои собственные субъект и предикат. Последние соотносятся с субъектом и предикатом, представленными в структуре предложения-высказывания. Они также могут соотноситься с факторами речевого общения, и в первую очередь с личностью адресанта. Рассмотрим эту последнюю проблему.

Структура личности (и структура речевой личности в частности) может рассматриваться с различных позиций. Личность человека формируется под влиянием тех общественно-исторических условий, в которых он живет и действует. Большое значение при этом имеет истолкование обществом, осознанное или подразумеваемое, характера отношений Я — ТЫ, Я — МЫ, Я — ОНИ, Я — ТО (ЭТО), а также Я — Я. Осмысляя пройденный человеческой мыслью путь, А.Ф. Лосев заключает, что "личность есть такая единственность и неповторимость, которая является не только носителем сознания, мышления, чувствования и так далее, но и вообще субъектом, который сам же себя соотносит с собою и сам же себя соотносит со всем окружающим" [3].

Исследователи отмечают, что «... древнейшие культуры имели зооморфный характер, а сами люди не различались один от другого как неповторимые личности, напротив, в индивидуиде видели представителя рода, племени, общины; "Я" растворялось в "Мы" и потому отношение "Я" и "Другого" еще не становилось проблемой, требующей осмысления» [4].

Осознание равноправности и равноценности личности другого человека пришло позже, и оно способствовало осознанию человеком собственной самостоятельной индивидуальности, а философская мысль вычленила различные сто-

роны этой индивидуальности. Так, Платон выдвинул постулат об андрогинной природе человека, согласно которому в любой индивидуальности совмещаются мужское и женское начала [5].

Опираясь на некоторые положения учения древних мыслителей, лорд Шефтсбери, представитель Просвещения, развил мысль о двойственности души. В свете этой концепции в человеческой душе вычлняются две половины. "Одна из них, как предполагали древние, непосредственно покажет себя достойным мудрецом и с видом авторитета воздвигнется перед нами как наш советник и правитель, тогда как другая, ничего не содержащая в себе, а только все низменное и рабское, удовольствуется тем, чтобы следовать за первой и послушествовать ей" [6].

Укажем также на представление М.М. Бахтина о внутренней бесконечности индивидуальности. Сознательно или неосознанно, говорящий предполагает существование, помимо собственно адресата, также "высшего *наадресата* (третьего)". В различных мировоззренческих концепциях этот наадресат и его идеально верное ответное понимание могут осмысляться как Бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т.п. [7]. Этот третий незримо довлеет над всеми участниками диалога, но он не является чем-то мистическим, а представляет собой "конститутивный момент целого высказывания" [7]. Этим частично объясняется внутренняя диалогичность, присущая как обмену репликами, так и высказыванию и даже слову, поскольку слово по своей природе "... всегда хочет быть *услышанным*, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на *ближайшем* понимании, а пробивается все дальше и дальше (неограниченно)" [7].

Показательна также мысль, высказанная, в частности, Э.В. Ильенковым, о том, что «личность есть совокупность отношений человека к самому себе как к некоему "другому" — отношений "Я" к самому себе как к некоторому "НЕ-Я"» [8].

Положения теории М.М. Бахтина и концепция личности как отношения Я к Другому позволяют предположить, что диалогичность мышления и высказывания переходит в их диалектичность, поскольку в мышлении связываются по меньшей мере субъекты Я и НЕ-Я, и тем самым объединяются две нетождественные сущности. НЕ-Я, или Другой, как адресат и как наадресат предложения-высказывания и слова присутствуют во всей их структуре, во всем их смысле. Но помимо того, Другой связывается в некое единство с субъектом Я, и это единство в свою очередь включается в субъект мысли, который в рамках единого целого оказывается противопоставленным предикату.

В связи с проблемой интерпретации структуры личности интересно также вспомнить некоторые положения теории К.С. Станиславского. К.С. Станиславский анализирует "одиночное общение, или самообщение", которое регулярно изображается на сцене. Перед артистом встает проблема оправдать на сцене то, чему в реальной жизни он оправдания почти не находит [9]. Для этого процесса необходимы определенный субъект и объект. В качестве таковых могут выступать ум и чувство. Ум (его центр находится в мозгу) может общаться с чувством (центр чувств "расположен" в районе солнечного сплетения). Проведя такое разделение, пусть и не очень научное, актер может обрести хорошее самочувствие, ему легко в паузах. Это наблюдение К.С. Станиславского имеет большое значение для исследования процесса общения, для практики обучения артистов, а также людей, которые испытывают неловкость в тех ситуациях, когда они находятся в обществе и вынуждены сохранять молчание. К.С. Станиславский по сути дела намечает один из путей расщепления личности говорящего, а это в данном случае позволяет интериоризировать адресата коммуникации. Расщепление Я коммуниканта на сферу интеллекта и сферу эмоций, производимое К.С. Станиславским, важно в том отношении, что оно имеет активный, действенный характер, когда ум и чувство в какой-то степени

противопоставляются друг другу и участвуют в акте общения как бы раздельным образом.

Концепция множественности личности человека находит отражение в художественной литературе. Так, А. Платонов говорит о некоем зрителе в душе человека. "Но в человеке еще живет маленький зритель — он не участвует ни в поступках, ни в страдании, — он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба — это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. От своей бессильной осведомленности он кажется иногда печальным, но всегда вежлив, уединен и имеет квартиру в другом доме. В случае пожара швейцар звонит пожарным и наблюдает снаружи дальнейшие события" [10].

Концепция множественности личности получает поддержку и со стороны психологической теории. В этом плане упоминания заслуживают прежде всего взгляды З. Фрейда. Как известно, они оказали большое влияние на гуманитарное знание. Влияние это неоднозначно, теория психоанализа подвергалась и подвергается критическому переосмыслению, и тем не менее принижение ее значимости приводит к обеднению научного мышления.

Важными являются положения З. Фрейда о структуре сознания и о связанных с этим речевых проявлениях. Если следовать за З. Фрейдом, Я говорящего и Я адресата в акте общения являются не гомогенными, но многочленными образованиями, причем оба эти Я должны рассматриваться как своеобразное объединение различных ипостасей Я.

По Фрейду, душевный аппарат человека включает, помимо прочего, сознательное Я, бессознательное Оно, а также сверх-Я, или Я-идеал. Я человека, представляющее его разум, рассудительность, формируется в связи с процессами восприятия внешнего мира, а точнее, в связи с процессами, которые определяются Фрейдом как восприятие-сознание. В жизни Я важнейшее место занимают процессы восприятия, жизнь Оно регулируется разнообразными влечениями и страстями. Разумное Я стремится обуздать Оно, подобно всаднику, управляющему бегом коня.

Сознательное Я и Оно сосуществуют в духовном мире человека с Я-идеалом, которое является бессознательным. Я-идеал, по мысли Фрейда, соответствует "...требованиям, предъявленным к высшему началу в человеке" [11]. Я-идеал есть совесть, которая впигивает в себя заповеди и запреты, регулирующие жизнь человека как существа общественного, и осуществляет моральную цензуру его поступков и устремлений.

Таким образом, в пределах Я вычленяются: иррациональное начало, которое тяготеет к необдуманности; совесть, или морализирующее начало, которое оценивает и судит необузданные устремления, а также рациональное начало, осознающее себя и стремящееся обуздать глубинные нерациональные побуждения. Все типы Я проявляются в речи говорящего индивида. Например, становясь грубым, человек дает выход своему иррациональному началу; поучая других, давая советы, он дает слово голосу совести; формулируя мысли о некотором предмете, он выступает как существо рациональное.

Большой интерес имеет концепция Э. Берна [12]. Опираясь на идеи психоанализа, Берн выделяет в составе личности человека четыре функциональные составляющие части — Я, Родитель, Ребенок и Взрослый. Состояние Я — это феномен, Родитель же, Ребенок и Взрослый — это роли, в которых человек обнаруживает себя с психологической точки зрения, причем многие люди могут переходить от одной из этих ролей к другой достаточно легко. Психологическая роль может со-

относиться с ролью социальной. Например, психологический Родитель может взаимодействовать с Я, которое осознает себя как родитель ребенка.

Конечно же, исследователи искали и ищут пути не только вычленения различных ипостасей в составе человеческого Я, но и целостного его осмысления. В частности, В.С. Соловьев затрагивает проблему тождества нашего Я [13].

Сказанное выше ни в коей мере не претендует на полноту охвата исследований структуры личности человека, но и уже упомянутых концепций и воззрений оказывается достаточно для того, чтобы подтвердить возможность рассмотрения личности как некоего единства различающихся ипостасей или функциональных составляющих. Для целей лингвистического анализа языкового материала в структуре личности коммуниканта могут быть вычленены (в рамках того фрагмента исследования, который излагается в настоящей статье) Я телесное (физическое, физиологическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я речемыслительное.

Я речемыслительное в какой-то мере объединяет Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я телесное коммуниканта, но оно также имеет и собственные черты, такие, как владение речью. Интересно отметить, что реальность существования речемыслительного Я в какой-то степени подтверждается практикуемым в лингвистической литературе анализом языкового материала, и особенно при экспликации иллокутивной силы речевого акта, когда описание предложения-высказывания включает компоненты типа Я ГОВОРЮ ТЕБЕ, ЧТО / Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО или структуры типа ГОВОРЯЩИЙ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ДЖОН (У)ЗНАЛ, ЧТО ... (ср., например, описание языкового материала в [14]). С развиваемых в настоящей работе позиций компоненты такого типа репрезентируют речемыслительное Я говорящего, сокрытое в смысле предложения-высказывания.

Порождение предложения-высказывания затрагивает различные стороны личности адресанта — его социальное, интеллектуальное, психологическое Я, а также и собственно физическое Я, которое произносит все, что требуется. Но формируется коммуникативная единица речемыслительной составляющей сознания говорящего. Любое воспринимаемое адресатом предложение-высказывание затрагивает прежде всего его физическое и речемыслительное Я, которые принимают коммуникативную единицу. Речемыслительное Я интерпретирует принятое сообщение, привлекая к этому процессу также социальное, интеллектуальное и психологическое Я.

Телесное Я коммуниканта отражает его физическую "самость". Поскольку неблагоприятное воздействие на телесное Я человека приводит к тяжелым или необратимым последствиям, постольку речевое высказывание, произносимое от имени этого Я, обладает (или по крайней мере должно обладать) большой силой воздействия на адресата.

Рассмотрим пример того, как высказывание, исходящее от имени Я телесного адресанта, воздействует на различные Я адресата. Предположим, беспомощный человек просит: *Воды!* В общий смысл данного предложения-высказывания входит знание того, что человек пьет воду и тем самым поддерживает физическое благополучие своего организма — телесного Я. Просящий как бы говорит: "Я речевое личности произношу *Воды!* и тем самым взываю к адресату, потенциальному человеку-деятелю, совершить действие и дать мне воды напиться. (Основание:) мое телесное Я (в силу очевидных в ситуации причин) не в состоянии удовлетворить свою потребность, являющуюся жизненно важной. В силу этих же причин мое речемыслительное Я не в состоянии сделать просьбу более приемлемой с точки зрения речевого этикета."

Просьба подать воды затрагивает прежде всего психологическое Я адресата, которое (по природе и воспитанию) настроено на какие-то чувства, и среди них — сострадание к беспомощному человеку. Возглас *Воды!* затрагивает и социальное Я адресата, осведомленное о нормах, принятых в обществе, и в частности о различных установлениях, повелевающих помогать немощным.

Повторим, что речемыслительное Я человека, произносящего *Воды!*, пренебрегает социальными этикетными речевыми нормами, которые требуют облекать просьбу в коммуникативно-значимые формы вежливости. Это может обуславливаться слабостью телесного Я адресанта. Если данное обстоятельство очевидно адресату, то отсутствие этикетных форм вежливости в составе предложения-высказывания (например, таких: *Вас не затруднит подать мне (стакан) воды?*) будет вполне обоснованным. Свидетельствуя о немогущности просящего и об экстренности его просьбы, отсутствие этикетных форм вежливости придает возгласу большую воздействующую силу.

Я речевое адресата оценивает формулировку просьбы (например, отсутствие в ней этикетных "наполнителей") и соотносит ее с характером ситуации, в частности, с тем обстоятельством, что просящий обнаруживает немогущность. Я адресата, осознанно или неосознанно, испытывает некоторые чувства и привлекает к оценке ситуации те общественно установленные правила, которые действуют при обстоятельствах подобного типа. Все это, наряду с прочими мыслями и чувствами, ложится в основу ответа: *Беги!*

Рассмотрим пример того, когда субъект метапредложения репрезентирует Я социальное коммуниканта. Прежде всего следует подчеркнуть, что Я коммуниканта уже по своему существу имеет социальную природу, которая характеризует все речевые действия человека, все порождаемые им предложения-высказывания.

Хотя в любом акте общения коммуниканты представлены как наделенные всеми своими чертами и характеристиками, в том числе и социальными и психологическими, в некоторых ситуациях, например, этикетных, социальная сторона акта общения как бы превалирует над остальными. В частности, приветствие, если оно совершается по всем правилам речевого этикета, действующим в данной конкретной ситуации, означает, что говорящий выступает как представитель социальной группы, которая считает для себя обязательным следовать этим правилам. Произнося *Здравствуй!* и адресуя приветствие человеку, равному по возрасту и статусу, младшему или человеку близкому, говорящий устанавливает с адресатом речевой контакт и подает речевой стимул этикетного типа. Последний показывает адресату, что говорящий намерен поддерживать с ним нормальные социально установленные взаимоотношения. Сигнализируя это содержание, говорящий выступает от имени своего социального Я и обращается через посредство физического и речемыслительного Я адресата к его социальному Я. Это, как представляется, запечатлено в структуре смысла приветствия *Здравствуй!*, которая, в самом первом приближении, может быть описана, например, так: "Я приветствую тебя: Я устанавливаю с тобой речевой контакт этикетного типа, который означает, что я хочу поддерживать с тобой речевые отношения, соответствующие социальной норме".

Итак, приветствие представляет собой предложение-высказывание, которое в своей смысловой структуре содержит субъект (Я) и объект (Тебя), соотносящиеся прежде всего с телесными и речемыслительными, а через них — с социальными Я коммуникантов. Произнесение приветствия регулируется целым рядом правил и установлений, но они не могут быть здесь рассмотрены.

Вернемся к исследованию соотношения Я коммуниканта и построения метапредложений-толкований смысла коммуникативной единицы. Рассмотрим английский микродиалог, в котором босс дает указание клерку: *Jump! — How high?* Участники любого обмена репликами (и данного в том числе) выступают как лица, одновременно и социальные, и психологические. Приказывая, первый говорящий основывается либо на своем социальном статусе, позволяющем ему отдавать распоряжения такого рода в такой форме при данных обстоятельствах общения, либо на своих психологических свойствах действовать с позиции силы, либо на комбинации социальных и психологических характеристик. Будем считать, что последнее допущение наиболее верно.

Адресат приказа не только беспрекословно соглашается прыгнуть, но и "требует" разъяснений: насколько высоко ему следует подпрыгнуть. Таким образом, он сам напрашивается на дальнейшие приказания, которые могут заставить его действовать на пределе своих физических сил и возможностей — прыгнуть выше, чем он прыгнул бы "по доброй воле". Тем самым второй говорящий обнаруживает определенную психологическую позицию — это принятие приказа, беспрекословное повиновение и как бы сверхповиновение, когда отдавшего первый приказ подталкивают его детализировать, а возможно, и ужесточить. Второй говорящий либо стоит в социальной иерархии ниже первого, либо не имеет силы характера отстаивать благоприятные для себя условия (а это уже фактор психологии), либо (и это вернее всего) имеет место сочетание данных факторов.

Сам глагол, конституирующий предложение-высказывание *Jump!*, может быть истолкован при помощи следующего метатекста, составленного с привлечением словарной статьи на слово *jump*, v. в [15]. "Person-agent performs a purposeful physically-manifested action: springs away from where he (she) has been, by using his legs". Данные метапредложения передают не весь смысл рассматриваемой реплики. В частности, незафиксированным остался смысл приказа. Этот смысл может быть переведен в форму эксплицитного директива следующим образом (поскольку метаязык описания не имеет в данном случае большого значения, следующие далее толкования даются по-русски): "Я приказываю тебе: соверши физически манифестирующееся действие, подскочи с того места, где ты находишься, отталкиваясь при помощи ног".

В связи с анализом предложения-высказывания *Jump!* следует указать на то, что команда, как отмечает Дж. Лайонз, не может относиться к прошедшему времени [16, с. 746]. Как и просьба, команда нацелена на адресата, который, как предполагается, ее выполнит [16, с. 747]. Кроме того, команда, в отличие от просьбы, не оставляет адресату возможности отказаться от ее выполнения [16, с. 749].

Исследователи также отмечают, что адресат, предположительно, способен выполнить предлагаемое действие, причем при обычных обстоятельствах он этого сам не сделал бы. Важно и то, что говорящий хочет, чтобы адресат выполнил данное действие [17]. Ф. Кифер указывает, в частности, что адресату директива, в отличие от адресата вопроса, достаточно знать язык, на котором говорящий отдает приказ, а также то, как выполнить требуемое действие. Для того же, чтобы ответить на вопрос, адресат должен иметь некоторые знания о мире и быть в состоянии определить, что является значимым (релевантным), а что таковым в данной ситуации не является [18].

Приказ может отдать адресант, стоящий в социальной иерархии выше адресата [19]. Грейшон также указывает на краткость и резкость команды, отданной на английском языке. Впрочем, вполне возможно, краткость является универсальным свойством команды как таковой.

Директив может быть рассмотрен с точки зрения своего пропозиционального содержания и своей иллокутивной силы. Дж. Сёрль и Д. Вандервекен различают в пределах иллокутивной силы несколько иллокутивных целей. В частности, "... в произнесениях, имеющих директивную цель, говорящий пытается побудить слушателя реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием" [20].

А. Вежбицка, анализируя глубинную структуру повелительных форм, дает такое описание фразы *Пойди сюда!*, произнесенной с интонацией приказа: "Предполагая, что ты должен сделать то, что я хочу, чтобы ты сделал, желая побудить тебя это сделать, я говорю: я хочу, чтобы ты пошел сюда".

Приказ, пишет Вежбицка, "содержит в глубинной структуре предположение, что адресат должен делать то, что хочет от него говорящий" [21].

Итак, директив *Jump!* имеет в качестве условий своей реализации по меньшей мере четыре типа смыслов, которые в самых общих чертах могут быть

охарактеризованы как смыслы исходные: "Я полагаю, мое социальное положение дает мне основание отдать тебе это приказание. Мои психологические качества дают мне основание отдать тебе это приказание. Я чувствую, я имею право отдать тебе это приказание при данных обстоятельствах";

"Поскольку ты сам говоришь по-английски, я полагаю, ты понимаешь мое приказание";

"Я полагаю, ты, с твоими социопсихологическими качествами, признаешь мое право отдать тебе это приказание";

"Я полагаю, ты, будучи лицом-деятелем, можешь выполнить этот приказ и знаешь, как (умеешь) его выполнить".

Весь этот метатекст входит в описание общего смысла анализируемого приказания. Рассмотрим ответ на него. Отвечая, второй говорящий демонстрирует, что он понимает обращенное к нему предложение-высказывание и соглашается выполнить приказ. Он соглашается с тем, что первый говорящий имеет основания отдавать ему распоряжения: "Имея мои социопсихологические качества, я признаю твое право отдать мне этот приказ".

Он соглашается с тем, что может подпрыгнуть и умеет это сделать: "Будучи лицом-деятелем, я могу совершить требуемое действие".

Итак, общий смысл ответной реплики может быть описан следующим, например, образом: "Я признаю твое право отдать мне этот приказ. Мое социальное положение и мои психологические качества заставляют меня признать твое приказание как релевантное, и я чувствую, что я должен его выполнить. Я могу совершить требуемое действие, и я его совершу: я совершу целенаправленное физически манифестирующееся действие, я подскочу с того места, где нахожусь, отталкиваясь при помощи ног. Но я спрашиваю тебя, на какую высоту ты требуешь, чтобы я подпрыгнул с того места, где я нахожусь, чтобы я не подпрыгнул слишком низко, по твоему мнению".

Как представляется, выделенная часть метатекста репрезентирует смысл, передаваемый ответным предложением-высказыванием непосредственно, остальной же метатекст раскрывает смыслы, которые передаются данной ремаркой, не будучи названы в ее лексико-грамматической структуре.

Интересно отметить, что рассмотренные выше свойства психологической позиции второго говорящего позволяют использовать рассмотренный диалог в переносном смысле, когда имеется в виду не сам прыжок, но суперготовность к подчинению.

Итак, анализ смысла коммуникативной единицы может и должен учитывать множественный характер личности коммуниканта. Смысл предложения-высказывания, будучи порожден человеком говорящим, связан с различными ипостасями его Я. Имея адресатный характер, смысл нацеливается говорящим, вольно или невольно, на различные стороны Я адресата. Использование метапредложений для толкования смысла коммуникативной единицы позволяет отобразить связь различных Я коммуникантов с компонентами смысла предложения-высказывания. Построение смысла коммуникативной единицы отражает различные функциональные составляющие личности человека говорящего, такие, как Я социальное, Я телесное, Я интеллектуальное, Я психологическое, Я речемыслительное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тарасова И.П. Метапредложение как средство анализа единиц различных уровней // ФН. 1989. № 5.
2. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка / Под. ред. Дегтерева Т.А. М., 1963. С. 199.
3. Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1988. С. 277.
4. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. С. 9.
5. Бердяев Н.А. Эрос и личность (Философия пола и любви). М., 1989. С. 6.
6. Шейфсберги. Эстетические опыты. М., 1975. С. 342.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 306.

8. Ильенков Э.В. Что же такое личность // С чего начинается личность / Под общ. ред. Косолапова Р.И. 2-е изд. М., 1984. С. 329.
9. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Ч. I: Работа над собой в творческом процессе переживания // Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 2. М., 1954. С. 253.
10. Платонов А. Чевенгур // Дружба народов. 1988. № 3. С. 116.
11. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 439.
12. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.
13. Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // Соловьев В.С. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1988.
14. Bierwisch M. Semantic structure and illocutionary force // Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980.
15. Longman dictionary of contemporary English. L., 1978.
16. Lyons J. Semantics. V. 2. Cambridge, 1977.
17. Kempson R. Semantic theory. Cambridge, 1977. P. 53.
18. Kiefer F. Yes-no questions as Wh-questions // Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980. P. 115.
19. Grayson M.C. Towards a social grammar of language. The Hague, 1977. P. 79.
20. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 252.
21. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 257.

© 1992 г. ЯЦКЕВИЧ Л.Г.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КАК КОМПЛЕКСНАЯ ЕДИНИЦА ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Парадигма как комплексная единица морфологии лежит в основе русского формообразования. Сам термин "парадигма" является традиционно морфологическим, но в последнее время стал использоваться и в других разделах языкознания [1, 2]: в фонологии [3, с. 5—6], синтаксисе [4], лексикологии [5], словообразовании [6, 7]. Соответственно он получил и межотраслевую многозначность, которая сформировалась вокруг одного широкого понятия: "ряд единиц или образований одного уровня, связанных в языке системными (парадигматическими) отношениями, противопоставленных друг другу в самой системе языка" [8, с. 187]. В рамках морфологии употребление этого термина также не является однозначным. В целом можно констатировать, что в научной и учебной литературе по морфологии этим термином обозначают, нередко синкретично, следующие понятия: 1) парадигма словоизменения; 2) парадигма слова (лексемы); 3) парадигма части речи; 4) парадигма грамматической категории. Рассмотрим последовательно каждое понятие.

1. **Парадигма** (от греч. *παράδειγμα* "пример, образец") как образец, схема словоизменения относится к внешней стороне грамматических средств построения форм слова. Поэтому такие парадигмы определяются и классифицируются в основном по трем признакам, характеризующим внешнее выражение морфологических противопоставлений [1, с. 197; 9, с. 128; 10—12]: а) по набору окончаний (устанавливается тип словоизменения: тип склонения существительных, тип спряжения глаголов и т.д.); б) по набору основ (устанавливаются формальные классы глаголов, группы существительных); в) по акцентуации (выявляются разные акцентные парадигмы).

2. **Парадигма слова.** Парадигма слова — система словоформ, образующих одну лексему [1, с. 197; 9, с. 3, 30]. Основы научного описания морфологической парадигмы слова были заложены в работах В.В. Виноградова [13] и А.И. Смирницкого [14]. По определению В.В. Виноградова, лексема — "лексическая единица языка как система форм и функций, осознаваемая на фоне структуры языка в целом..." [13, с. 36]. В.В. Виноградов отмечает основные свойства парадигмы лексемы: 1) лексическое тождество всех форм — членов парадигмы; 2) соотносительность, взаимообусловленность форм слова в парадигме; 3) связь каждой формы со строго определенной структурой языка, с определенными контекстами употребления [13, с. 39—40]. По мнению В.В. Виноградова, морфологическая парадигма отражает не все формообразование, а только один его тип — словоизменение, поэтому он указывает: "система форм одного слова шире парадигмы, в нее входят формы, которые лежат за пределами парадигмы" [13, с. 39]. Вслед за В.В. Виноградовым в дальнейшем многие исследователи употребляют термин морфологическая парадигма в смысле "словоизменительная парадигма" [1, 8,9—12, 15—18]. В.В. Виноградов, понимая сложность и неразработанность теоретических проблем русского формообразования, во-первых, подчеркивал неотложную необходимость изучения структуры слова как комплекса или системы форм [13, с. 38], во-вторых, указывал, что кроме парадигмы слова существует парадигма части речи — "система грамматического изменения целого класса слов" [13, с. 39].

Дальнейшее развитие теория словоизменительных парадигм получила в работах, в которых применяется синтезирующий, "генеративный", "деривационный" метод описания [9, 18]. С позиции теории порождающей грамматики "парадигма представляет собой совокупность всех видоизменений слова, называемых его производными. Несмотря на очевидное различие самих этих видоизменений, не вызывает сомнения, что и то и другое понятия описывают схемы порождения или деривации вторичных единиц, базирующихся на одной исходной единице и тем самым ассоциирующихся с этим исходным словом, а следовательно, находящихся в парадигматических отношениях с этой исходной единицей" [18, с. 10]. Но если различать порождающие, деривационные процессы в языке и синтез, деривацию как один из методов системного описания языка, то приходится признать, что указанное выше определение морфологической парадигмы слова относится к конструктивной единице научного описания, а не к комплексной единице языка. Действительно, далее авторы пишут: "...понятие гнезда и понятие парадигмы, описываемые как результаты применения определенных формальных операций, вводятся для того, чтобы отразить регулярный характер наблюдаемых структурно-семантических преобразований какой-то единицы и, следовательно, обобщить и систематизировать факты языка" [18, с. 11].

Наиболее плодотворное развитие теория морфологической парадигматики слова получила в работах А.И. Смирницкого [14], А.А. Зализняка [9], А.В. Бондарко [20]. В исследованиях этих авторов существенные особенности морфологической парадигмы слова как особой комплексной единицы морфологии выявляются в процессе ее сопоставления с морфологической парадигмой части речи и морфологическими парадигмами грамматических категорий слова, которые не являются языковыми единицами, а относятся к области грамматических абстракций языковой системы.

3. Парадигма части речи. В.В. Виноградов сопоставлял понятие парадигмы слова с понятием парадигмы части речи: «...термин "парадигма", как синоним слова, неудобен уже потому, что его можно применять и к системе грамматических форм одного слова, воспроизводящих тот или иной тип склонения или спряжения, и к системе грамматических изменений целого класса слов» [13, с. 40]. Продолжая это сопоставление, он указывал, что в парадигмах частей речи "...особенно наглядно и резко отражаются различия между основными типами и классами слов", так как "объем и характер систем форм различен у различных грамматических классов слов, у разных частей речи" [13, с. 41]. Но по отношению к системе форм частей речи системы форм отдельных слов данной части речи — "величины изменчивые" [13, с. 42]. Парадигма отдельного слова определенного грамматического класса может не "располагать всем комплексом форм, типичных для этого класса". Это обусловлено различными историческими процессами, которые приводят а) или к распаду системы форм отдельного слова, б) или к специализации отдельной формы и выпадению ее из парадигмы, в) или к качественному и количественному изменению семантического наполнения форм [13, с. 42]. Данное положение нашло дальнейшее развитие в современных исследованиях дефектных, неполных парадигм слова [9—22]. Существовало, что В.В. Виноградов отмечал не только наличие индивидуальных изменений в парадигмах отдельных слов, которые приводят к их несимметричности относительно общей парадигмы части речи, но и указывал на закономерный характер частичного несоответствия парадигмы лексемы парадигме части речи: "Чаще же всего изменения в системах форм зависят от общих изменений семантического строя, порождаемых взаимодействием грамматических и лексических факторов" [13, с. 42]. Это важнейшее положение грамматического учения о слове В.В. Виноградова, к сожалению, не получило дальнейшего теоретического развития и практического применения в сфере исследований морфологической парадигматики слова. Далее, неоднородность парадигм слов одной части речи, по В.В. Виноградову, обнаруживается также и в применяемых "способах и моделях формообра-

зования". Разнообразие этих способов и моделей обусловлено эволюцией языка [13, с. 43]. Думается, что такой подход к формообразовательной структуре слов является более конструктивным (несмотря на кажущуюся сложность и несистемность) по сравнению с указанным выше генеративным подходом, а также с дескриптивным анализом, согласно которому любое средство выражения категориального значения в слове следует считать флексией [23, с. 24] (критику дескриптивного анализа структуры слова см. в [24, с. 130–131]).

Исследования грамматики слова на основе сопоставления парадигмы лексемы и парадигмы части речи ведутся многими современными лингвистами [14, 9, 12, 19–22], этим принципом руководствуются при описании морфологического строя русского языка авторы академических грамматик [25, 10, 11]. Однако далеко не всегда эти понятия, относящиеся к различным уровням морфологической парадигматики, явно противопоставляются и терминологически различаются.

В свое время А.И. Смирницкий сделал удачную попытку терминологически разграничить "три ступени" морфологической парадигматики [14, с. 36]. Он соответственно выделил: а) парадигму конкретного слова, состоящую из словоформ; б) парадигматическую схему, т.е. "определенный состав (или комплект) грамматических форм, взятый в отвлечении от конкретных слов и от конкретных черт образования самих форм...", при этом "одна и та же парадигматическая схема характеризует грамматическое изменение некоторого большего или меньшего числа слов и таким образом объединяет их в известную грамматическую группу" [14, с. 32]; грамматическую форму, связанную с "определенным грамматическим типом слов", А.И. Смирницкий назвал "типоформой", противопоставляя ее словоформе (грамматической форме, связанной с одним определенным словом); в) основную парадигматическую схему — парадигму части речи ("класс слов, характеризуемый некоторой основной парадигматической схемой..., и определенной грамматической сочетаемостью..., обычно выступает как особая часть речи") [14, с. 34]. Если парадигма конкретного слова составляется из словоформ, а парадигма грамматической группы (типа) слов строится из типоформ, то парадигма части речи (грамматического класса слов) состоит из грамматических форм в собственном смысле слова; слово выступает здесь лишь как некоторая единица, способная к ее оформлению данной грамматической формой [14, с. 36]. Итак, обобщающая схема трех ступеней морфологической парадигматики такова: а) парадигма и составляющие ее словоформы, б) парадигматическая схема и составляющие ее типоформы, в) основная парадигматическая схема и составляющие ее грамматические формы в собственном смысле слова.

Дальнейшее развитие теории ступеней морфологической парадигматики происходило в двух различных направлениях: формальном и функциональном. Формальное направление характерно для работ А.А. Зализняка, который исследовал внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах [9]. Функциональное направление представлено в работах А.В. Бондарко [20, 26, 27].

4. Парадигма грамматической категории. Термин "парадигма" используется также для обозначения системы грамматических форм, объединенных одной грамматической категорией (парадигма падежа, числа, склонения, лица) [24, 20]. М.М. Гухман, характеризуя двумерность грамматической категории (ГК), указывает, что грамматическое значение образует план содержания ГК, а в плане выражения ГК представлена "...системным набором взаимно противопоставленных словоформ (не менее двух), или парадигмой, объединенной значением этой категории" [24, с. 124], "ГК существует только как совокупность словоформ, представленная парадигматическим рядом или парадигмой" [24, с. 128].

Сопоставление парадигмы ГК (ПГК) с парадигмой лексемы (ПЛ) и парадигмой части речи (ПЧР) позволяет установить важнейшие особенности морфологического

строю русского языка и включить закрытую систему русского формообразования в открытую систему функциональной грамматики.

5. **Парадигма грамматической категории и парадигма лексемы.** Обобщая определенные лингвистические традиции, А.В. Бондарко различает три уровня существования и, соответственно, описания грамматических категорий: 1) уровень абстрактной грамматической системы языка (рассматриваемый в отвлечении от лексикой); 2) уровень репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания, в тексте [26; 27, с. 100]. Парадигма ГК является элементом абстрактной грамматической системы языка (I уровень). Парадигма лексемы относится к уровню репрезентации парадигматических систем абстрактно-грамматического уровня в лексике (II уровень), а словоформы, компоненты ПЛ, включаются в уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания (III уровень).

Между ПГК и ПЛ наблюдаются различные виды соотношений. Типология этих соотношений отражает разработанную в отечественном языкознании классификацию морфологических категорий (МК). По замечанию А.В. Бондарко, "вся типология МК в их отношении к слову базируется на соотношении абстрактно-грамматического уровня и уровня реализации МК в конкретном слове — в лексеме и словоформе" [27, с. 101].

I. Парадигма грамматической категории представлена либо в парадигме лексемы, либо только одной граммемой, либо полностью.

Соотношение, при котором компоненты ПГК распределяются между парадигмами разных лексем, наблюдается у так называемых лексико-грамматических [14, 13, 28], в иной терминологии — классификационных [9], некоррелятивных [20] ГК. В этом случае "граммема классифицирующей грамматической категории... характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам" [9, с. 32]. Соотношение, при котором парадигма ГК представлена в парадигме одной лексемы полностью, наблюдается у словоизменяемых или последовательно коррелятивных ГК [20].

II. Парадигма ГК включается во всю парадигматическую систему лексемы или же входит только в одну из ее парадигматических подсистем. Например, парадигма падежа охватывает полностью всю парадигматическую систему лексемы-существительного. Значение падежа включается в содержание любой словоформы существительного. У лексемы-прилагательного парадигма падежа не распространяется на формы простой сравнительной степени, у лексемы-глаголя парадигма падежа охватывает только парадигматическую подсистему причастных форм.

III. Компоненты ПГК, граммемы, характеризуются однофункциональностью, имеют одно категориальное значение. Компоненты ПЛ, словоформы, многофункциональны. Обычно они являются точкой пересечения нескольких ГК [20, с. 136, 142, 144]. Парадигма лексемы в русском языке репрезентирует обычно парадигмы целого комплекса ГК, характерных для данной части речи, поэтому ПЛ имеет более сложную структуру. Например, парадигмы ГК рода, числа и падежа пересекаются в четырех парадигматических рядах парадигмы лексемы: 1) *белый, белого, белому...* и т.д.; 2) *белая, белой...* и т.д.; 3) *белое, белого...* и т.д.; 4) *белые, белых...* и т.д.

IV. ПЛ может быть или полной, или дефектной. Как явление потенциальное ПГК всегда характеризуется целостностью и невариативностью и является поэтому эталоном для описания грамматической структуры различных лексем.

V. Грамматическое слово (ПЛ) и лексическое слово (система его лексико-семантических вариантов) существуют в единстве. В силу этого правомерно "...ставить вопрос о разбиении морфологических категорий на те, которые обслуживают слова, и те, которые обслуживают лексико-семантические варианты

слов" [22, с. 127]. П.А. Соболева отмечает, что слово в целом обслуживают категории падежа, рода существительных и прилагательных, категории времени и склонения глагола. А категория числа существительных, вид, залог глагола обслуживают лексико-семантические варианты слов.

Все рассмотренные выше виды соотношения ПГК и ПЛ свидетельствуют о несовпадении их границ и различии их структуры.

VI. Кроме структурного несоответствия наблюдается также функциональное различие ПГК и ПЛ. Словоформа, компонент ПЛ, обладает семантическим содержанием, в котором интегрируются и категориальные значения пересекающихся в ней граммем, и грамматически значимые компоненты лексического значения слова, и семантико-синтаксические функции словоформы в тексте, и комбинаторные приращения смысла в синтагматическом ряду. Все это усложняет и расширяет функциональную сферу ПЛ, порождает систему вторичных противопоставлений ее компонентов в тексте.

6. Парадигмы грамматических категорий (ПГК) и парадигма части речи (ПЧР). ПГК и ПЧР относятся к абстрактно-грамматическому уровню языковой системы. Существующие между ними "отношения парадигматической иерархии" рассмотрены А.В. Бондарко [20, с. 141—144], хотя он и не пользуется термином "парадигма части речи", а говорит о комплексе морфологических категорий, характеризующих часть речи [20, с. 143—144]. Возражает против этого термина и М.М. Гухман, так как, по ее мнению, "под парадигмой понимается всегда совокупность противопоставленных и взаимосвязанных форм, между тем парадигматические ряды склонений, залогов и т.д. не взаимообусловлены, хотя межпарадигматические связи бесспорно существуют" [24, с. 161]. Правомерность понятия "парадигма части речи" была рассмотрена выше при обзоре работ В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Зализняка в связи с сопоставлением системы словоизменения лексемы с системой словоизменения части речи, к которой данная лексема относится. Правомерность этого понятия может быть доказана также и при сопоставлении его с понятием парадигмы ГК. В ПЧР выражается комплекс взаимосвязанных ГК данной части речи. Парадигмы этих ГК представлены в общей парадигме ЧР в определенной системе, которая по сравнению с системой форм отдельной ГК образует более сложную парадигматическую организацию.

Многие традиционно дискуссионные вопросы русской морфологии связаны с недостаточной изученностью структуры парадигмы части речи. Так, остается открытым вопрос о границах парадигмы ЧР. Распространено узкое понимание ПЧР, обусловленное пониманием ПЛ только как системы форм словоизменения [13, 9, 16, 18, 19, 24]. При таком понимании границы ПЧР соотносятся с границами лексемы, и поэтому парадигмы некоторых важнейших ГК не включаются в общую парадигму данного грамматического класса слов. За пределами парадигмы ЧР оказываются в таком случае, например, парадигма ГК вида, залога глагола, степеней сравнения прилагательных, рода существительных. Таким образом, в ПЧР не включаются парадигмы ГК некоррелятивного (классифицирующего) и непоследовательно-коррелятивного типа [20], т.е. такие ГК, семантика которых дифференцированно взаимодействует с лексической семантикой слов или получает словообразовательную характеристику. Представляется, что такие ограничения ПЧР являются искусственными и обусловлены они стремлением к единообразному представлению структуры ПЧР в научном описании. Но такое понимание ПЧР не позволяет полностью соотнести ее в парадигматикой грамматических категорий данной части речи и в полной мере изучить сложное взаимодействие грамматических категорий, которое имеет место в общей парадигме ЧР. Понимание ПЧР как комплекса морфологических форм, охватывающего всю систему формообразования данной части речи, позволяет более глубоко изучить семантическую структуру словоформ, которые представляют эти ГК в тексте.

Кроме соотношения границ ПЧР с границами ПЛ, границы ПЧР соотносят с границами самой части речи как определенного грамматического класса слов. Исследователи, которые, исходя из концепции Ф.Ф. Фортунатова, понимают части речи как группировки, объединенные словоизменительной характеристикой, считают, что "необходимо найти такое понятие парадигмы, чтобы каждая парадигма целиком умещалась внутри некоторой части речи" [29, с. 40]. Однако парадокс заключается в том, что парадигма части речи, т.е. система ее формообразования, не всегда в русском языке умещается в категориальных границах данной части речи. Дело в том, что в систему формообразования части речи могут включаться формы морфологической транспозиции, которые, не изменяя лексического значения слова, переводят его в парадигматическую и синтагматическую систему другой части речи. Это наблюдается, например, при образовании причастных и деепричастных форм глагола, синтетических форм сравнительной степени и наречных форм на *-о*, *-е* у прилагательных, при образовании форм порядковых числительных от количественных числительных, при образовании нелексикализованных форм притяжательных и относительных прилагательных от имен существительных, нелексикализованных форм отвлеченных существительных — деадъективов и девербативов, нелексикализованных форм отсубстантивных и отадъективных глаголов.

Таким образом, парадигма части речи распадается на две части: внутрикаатегориальную, образованную формами ГК данной части речи, и межкатегориальную, образованную формами морфологической транспозиции.

Формы морфологической транспозиции частей речи не получили должного места в описании морфологической парадигматики. Они не исследовались как особая сфера межкатегориального формообразования. Это вызвано рядом причин: узким пониманием парадигмы части речи, а также тем, что данный участок русского формообразования наиболее подвержен процессу лексикализации, что приводит к синкретизму и омонимии формообразующих и словообразовательных средств. В силу этого формы морфологической транспозиции получили противоречивую интерпретацию и непоследовательное терминологическое обозначение. В этом отношении некоторым из указанных форм "повезло" более, другим менее. Так, например, при квалификации деепричастий наиболее устойчивой оказалась традиция считать их особой глагольной формой, менее устойчивой — традиция называть деепричастия особой гибридной частью речи и, наконец, совсем малораспространенным оказалось представление о деепричастии как отглагольном наречии. При квалификации притяжательных прилагательных только отдельные исследователи включают их в парадигму существительного [30, с. 15—20; 31], обычно же их рассматривают как особый лексико-грамматический разряд имен прилагательных.

Для решения всех этих сложных вопросов русской морфологии в современных исследованиях были приняты попытки разработать формальные способы отождествления лексем одной части речи. Так, предлагалось к одной парадигме относить единицы с одинаковыми синтаксическими связями, с одинаковыми подчиненными словами [29, с. 40]. В соответствии с этим как формы парадигмы прилагательного рассматриваются наречия и слова "категории состояния" на *-о*, *-е*, как как любое слово, которое зависит от прилагательного, зависит и от наречия и категории состояния [29, с. 48; 32, с. 417; 33, с. 249; 34, с. 239]. В другом случае формальные способы парадигматического отождествления лексем были заимствованы из фонологии, в частности был использован принцип дополнительного, или свободного, распределения, на основе которого определяются вариант и инвариант [35, с. 37—49]. Руководствуясь этим принципом, В.Г. Рудель охарактеризовал два типа морфологических форм, которые образуются или способом модификации основного варианта лексемы (например, формы категории падежа), или способом деривации, которым образуются парадигмы родственных форм. Первым способом образуются "...дополнительно распределенные варианты

лексемы, которые не могут компенсироваться какими-либо иными средствами данного языка”, эти варианты обычно называют словоизменительными формами [36, с. 19]. Вторым способом образуются “свободно распределенные варианты” лексем, которые в традиционной лингвистике обычно именуется “формами словообразования” [36, с. 22]. Дистрибутивный критерий дифференциации форм способствует выяснению их грамматической неоднородности, однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с выводами, к которым приходит В.Г. Руделев. По его мнению, на основе дистрибутивных различий можно выделить как особые части речи: полное причастие, краткое причастие, краткое прилагательное, деепричастие, инфинитив, перфект, презенс, императив [35, с. 46]. Подобный принцип членения частей речи уже имел место в русском языкознании. Как особые части речи выделялись инфинитив [37, 39], причастие [37—39, 28], деепричастие [37—39; 28], императив [40]. И в той и в другой теории, которые мы только что рассмотрели, разработка формальных принципов отождествления лексем одной части речи была вызвана стремлением последовательно проводить синтаксическую точку зрения на словоизменение, которая была обоснована в свое время Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматовым, П.С. Кузнецовым. Однако морфология обслуживает не только синтаксис словосочетания и предложения, но и синтаксис текста. В построении текста большую роль играют формы морфологической транспозиции, основной функцией которых является текстообразование, а не словообразование (словообразовательное значение средств морфологической транспозиции получают позднее, в результате процессов лексикализации). Данные формы выражают различные степени коммуникативного динамизма лексемы в тексте, а также специфически текстовые соотношения между словоформами разных лексем. Коммуникативное движение текста, преобразование ремы в тему осуществляется с помощью различного рода номинализаций и адъективаций: (1) “...ты *ощутишь* в себе еще больший долг и этим *ощущением* впредь поможешь своему возрождению” (Братья Карамазовы. Ф.М. Достоевский); (2) “Варя и Лиза обе *ненавидят* Катю. *Ненависть* эта мне понятна...” (А.П. Чехов. Скучная история); (3) “А мелкие вещички я уже сама сейчас начну собирать, — говорила она, торопя его, вся уже нацеленная в предстоящий день, ...в скорое *московское будущее*” (А. Проханов. В островах охотник...). Отношения соположенности действий или состояний по степени коммуникативной важности (смысловой или информационной), по направлению их детерминации (временной, актуальной, причинно-следственной) выражаются в тексте формами деепричастий, причастий, косвенными падежами отглагольных и отадъективных существительных, наречными формами морфологической транспозиции: 1) “Остров что ли потеряли? — Найдем, — *без уверенности* (ср.: *неуверенно, сам не веря*) отвечал Галкин (В. Распутин. Прощание с Матерой); 2) “Она *резво* (ср.: *с резвостью*) подседа к Алеше на диван, с ним рядом, и глядела на него решительно *с восхищением*” (ср.: *восхищенно, восхищаясь*) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); 3) “Она *недоверчиво* (ср. *с недоверчивостью*) покосилась на него и покачала головой” (И.А. Гончаров. Обрыв). Таким образом, если учесть сугубо грамматические функции форм морфологической транспозиции, то включение их в общую морфологическую парадигму части речи представляется правомерным.

Рассмотрение форм морфологической транспозиции частей речи в рамках теории синтаксической деривации [41] (см. обзор литературы по этому вопросу в [16]) значительно продвинуло вперед исследование их в грамматическом аспекте.

Подведем итоги сопоставления парадигмы части речи и парадигмы грамматической категории. Парадигма части речи имеет более сложную структуру по сравнению с парадигмой грамматической категории, так как, во-первых, отражает комплекс ПГК данной части речи, а во-вторых, включает в свой состав формы морфологической транспозиции. На основе соотношения парадигмы грамматической категории и парадигмы части речи выделяются несколько типов грамматических категорий в русском языке.

А) ПГК охватывает весь класс слов данной части речи, т.е. обязательно включается полностью или одним своим компонентом в парадигму части речи. ПГК не охватывает весь класс, характеризует парадигму только отдельного подкласса части речи. Например, посессивные формы образуются только от части одушевленных существительных (*птичий, заячий, папин, мамин*); формы степеней сравнения, краткие формы прилагательных, наречные формы на *-о, -е* образуются только от качественных прилагательных, утративших связь с относительными. Признание в теории только "эталонных" парадигм грамматических категорий первого типа устраняет из поля зрения исследователя динамический аспект грамматики. В практических же грамматиках парадигмы грамматических категорий второго типа обязательно описываются. Вряд ли их целесообразно устранять из теории морфологической парадигматики.

Б) Парадигма грамматической категории может включаться в парадигму только одной части речи или в парадигмы нескольких частей речи. А.А. Зализняк отмечает: "Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, грамматические категории русских имен описываются иначе: например, грамматическая категория падежа признается у всех разрядов имен. В связи с этим мы будем различать частные и обобщенные грамматические категории. Частная ГК — это грамматическая категория в определенном грамматическом разряде слов. Обобщенная ГК — совокупность частных ГК, имеющих в определенном описании одинаковое название" [9, с. 34—35]. Однако целям нашего исследования не соответствует дальнейшее рассуждение автора о том, что "совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определенных принципов описания" [9, с. 34]. Действительно, с точки зрения описания внешнего выражения грамматических противопоставлений в парадигмах, которое проводится в работе А.А. Зализняка, одноименные частные ГК должны рассматриваться как разные категории. Если же ставятся другие задачи — изучение морфологической парадигматики как целостной иерархической системы, элементы которой на уровне функционирования словоформ репрезентируются в единстве, то этот вопрос решается иначе. Частные грамматические категории должны рассматриваться не просто как одноименные в описании, а как взаимосвязанные в грамматическом строе языка. Морфологическая теория длительное время развивалась под девизом дифференциации частей речи, и отношения интеграции поэтому не исследовались. В последнее время эта проблема в одном из своих аспектов была поставлена в работах Л.В. Бортэ [42].

Существует три типа взаимосвязи частных грамматических категорий в составе общей грамматической категории, объединяющей парадигмы нескольких частей речи.

Во-первых, ПГК распространяется на парадигмы нескольких частей речи на основе контактных синтагматических связей данных частей речи в тексте, которые выражаются в формах согласования. Например, категории падежа, рода и числа формируют парадигмы имен существительных, прилагательных, причастий; парадигма ГК падежа включается в парадигмы всех именных частей речи. Но функциональные нагрузки падежных форм имен существительных, с одной стороны, и падежных форм других частей речи, с другой стороны, различны, хотя и взаимобусловлены.

Во-вторых, ПГК распространяется на парадигмы частей речи, которые находятся друг с другом в парадигматических связях по ономаσιологической функции. Например, на причастные формы глагола и на порядковые числительные распространяется парадигма склонения прилагательных, с которыми они объединяются в один ономаσιологический разряд на основе общего значения признака. Следует

отметить, что в русском языке парадигматическая связь частей речи по ономазиологической функции не всегда морфологизирована, т.е. не всегда выражается в общих морфологических категориях. Так, близость ономазиологических функций инфинитива и отглагольного существительного, обозначающего действие или состояние, не сопровождается однотипностью их морфологической структуры. Имена качества как ономазиологический подкласс существительных не имеют ГК, характерных для качественных прилагательных. Однако не имея морфологических парадигм той части речи, с которой они соотносятся ономазиологически, данные подклассы существительных располагают периферийными средствами выражения тех же самых семантических функций, которые выражаются этими парадигмами. Например, в русском языке издавна продуктивны грамматикализованные глагольно-именные сочетания, в которых полузнаменательные глаголы выражают различные аспектуальные, залоговые, темпоральные значения действий или состояний, обозначенных отвлеченными существительными (*начать/начинать; закончить/заканчивать; продолжить/продолжать чтение, операцию, объяснение; оказать/получить помощь; дать/получить образование; оказать/вызвать/внушить доверие*). Периферийным средством выражения аспектуальных значений является противопоставление форм ед. и мн. числа у имен действий и состояний [43, с. 352]: (1) "...звали покупателей вкрадчиво, даже кокетливо, насмехались же над ними очень дружно, забывая на это время свои внутренние распри" (ср. с ед.ч. — *распри*) (К.Г. Паустовский); (2) "И вот все колебание протетели и мелькнули в его уме..." (ср. с ед.ч. — *колебание*) (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); (3) "... у меня начались одышки, головокружения..." (ср.: *началась одышка* (Ю. Трифонов. Старик). Таким образом, парадигматически соотносительные части речи (или подклассы частей речи) имеют или общие грамматические категории и одноструктурные их парадигмы, или включаются в разные сферы общего функционально-семантического [27] или грамматического [24] поля. Данный аспект соотношения ПЧР и ПКГ исследован мало в теории морфологической парадигматики.

В-третьих, части речи могут находиться в деривационных отношениях. Деривационные отношения могут связывать лексемы различных частей речи (*зеленый* → *зелень, покупать* → *покупка, трое* → *тройка*). В этом случае наблюдается словообразовательная транспозиция и морфологические категории исходной части речи не "наследуются" производной частью речи. Если же деривационные отношения "межчастеречного" характера связывают формы одного слова, что наблюдается при морфологической транспозиции, то некоторые морфологические категории сохраняются в производной форме. Так, русские наречные формы на *-о, -е* сохраняют простые формы степеней сравнения, а причастия имеют глагольные категории вида, залога, времени, деепричастия — вида и залога.

Л.В. Бортэ предлагает рассматривать деривационную цепочку лексем, образованных от одной части речи, как особую лексико-грамматическую парадигму [42]. Соотношение морфологической и лексико-грамматической парадигматики до сих пор не получило системного описания.

Заключение. Сопоставление парадигмы грамматической категории, парадигмы части речи и парадигмы лексемы показало, что русский язык располагает разнообразными способами грамматического оформления лексики. Синхроническая морфология обычно недифференцированно рассматривает производные и производные слова, первичные и вторичные номинативные единицы одной части речи. Однако изменение грамматики слова наблюдается не только в диахронии — в результате исторических процессов. Изменение грамматики слова, ее типологическая неоднородность наблюдаются и в синхронии — в сфере вторичных структурных образований синтетического и аналитического типа [44], а также в сфере заимствованных и искусственно образованных слов, удельный вес которых в составе современной лексики интенсивно увеличивается [45]. В силу этого

грамматические категории, составляющие ядро грамматического строя языка, на уровне частей речи, лексем, а также на уровне функционирования словоформ могут быть представлены в современном русском языке несколькими способами.

I. На уровне частей речи грамматическая категория может быть представлена: 1) в парадигмах нескольких частей речи, например, категория падежа в системе формообразования существительных, прилагательных, числительных, причастных форм глагола; 2) в парадигме одной части речи во всем ее лексическом составе (категория времени глагола) или в парадигме одного ее подкласса (категория степеней сравнения качественных прилагательных).

На уровне лексемы грамматическая категория может охватывать все словоформы лексемы (категория падежа существительных, вид глагола) или часть словоформ (категория времени глагола, категория падежа у качественных прилагательных).

II. Граммемы, члены парадигмы грамматической категории, распределяются по-разному на лексическом уровне. Учет различных типов структурирования лексики позволяет прийти к заключению, что основными способами представления грамем в слове являются:

а) классификация, при которой граммемы распределяются между разными несоотносительными лексемами (например, граммемы рода у неодушевленных склоняемых существительных: *берег, береза, поле*) или разными лексико-семантическими вариантами одного слова (например, граммемы числа в словах типа: *вода — воды, мозг — мозги*);

б) деривация, когда граммемы распределяются, во-первых, между членами словообразовательной пары или кодериватами (ср., например, граммемы рода у производных одушевленных существительных: *пионер — пионерка, колхоз — колхозник, колхозница*¹); во-вторых, между исходной и производной словоформами одной лексемы (ср., например, граммемы залога: *строить — строиться, волновать — волноваться*);

в) модификация, когда граммемы распределяются между разными чередующимися словоформами одной лексемы [20, с. 103—105] (например, граммемы падежа существительных);

г) конверсия (смена парадигм), когда граммемы распределяются между разными парадигматическими рядами одной лексемы (например, граммемы числа существительных исчисляемых выражаются сменой парадигм склонения: ед. ч. — *дом* \emptyset , -а, -у, \emptyset , -ом, -е; мн.ч. — *дома*, -ов, -ам, -а, -ами, -ах) или между двумя конверсивными лексемами (например, граммемы мужского и женского рода у слов типа: *супруг* \emptyset , -а, -у, -а, -ом, -е, и *супруга*, -и, -е, -ой, -е; *кум* — *кума*);

д) мутация (внутреннее нелинейное преобразование), когда граммемы распределяются между разными употреблениями одной словоформы (например, граммемы рода у существительных "общего рода" и наименований лиц по профессии: *круглый сирота*₁ — *круглая сирота*₂, *врач*₁ *пришел* — *врач*₂ *пришла*; граммемы числа у существительных типа *сани*²);

е) аналитический способ, когда граммемы распределяются, с одной стороны, между аналитическими словоформами лексемы (например, граммемы лица при склонении глаголов несовершенного вида в будущем времени: *буду, будешь, будет читать*), а с другой стороны — между исходной лексемой и производным от нее аналитическим образованием (например, граммемы рода у существительных одушевленных типа: *капитан* → *женщина-капитан, президент* → *женщина-президент*).

III. Лексемы и словоформы какой-либо части речи могут соотноситься с определенной грамматической категорией только через периферию ее функционально-семантического поля (см. об этом понятие в работах А.В. Бондарко [27]).

¹ Иная трактовка производных содержится в [28, 46, 11].

² Иная интерпретация этих фактов в работе А.А. Зализняка [9].

Сфера функционального распространения части речи [47] и сфера функционального распространения грамматической категории пересекаются. Образуются различными способами вторичные лексико-грамматические парадигматические группировки. К основным из них относятся:

а) система вторичных семантических функций исходной морфологической парадигмы, образующая вторичную модуляционную парадигму (например, выше мы отмечали аспектуальные функции у форм числа предикатных существительных: "Мужчины... пьют чай за низкими столиками, ...прислушиваясь к шелестам, звякам" (А. Проханов. В островах охотник);

б) система производных слов, располагающая совокупностью словообразовательных средств, которые на основе лексико-грамматических значений включаются в периферию функционально-семантического поля определенной грамматической категории; например, у предикатных существительных значения залогового типа выражаются префиксоидами *само-* (*самооценка, самокритика, самопроверка, самообновление*), *взаимо-* (*взаимовлияние, взаимовыручка, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимопосещение*), образующиеся словообразовательные пары составляют довольно регулярные лексико-грамматические парадигмы;

в) система грамматикализованных конструкций, образованных на базе словоформ и включающих в свой состав служебные незначащие или полусаменающие слова, которые выражают категориальную семантику, например, залоговые и аспектуальные значения предикатных имен: *оказать/получить помощь; дать/получить характеристику, возможность; начать/продолжить/закончить работу, переписку, пение*; данные конструкции также являются регулярными продуктивными средствами выражения категориальной семантики.

IV. Таким образом, на основе разграничения различных уровней и сфер представления грамматических категорий и соответственно их функций по отношению к лексическому составу языка были выделены в русской морфологии следующие функциональные типы парадигм: 1) классификационные, 2) деривационные, 3) модификационные, 4) конверсивные, 5) мутационные, 6) аналитические, 7) вторичные, лексико-грамматические (модуляционные, деривационные, аналитические) парадигмы. Данная типология парадигм отражает различную степень номинативной и коммуникативной подвижности разных видов парадигматических группировок в русской морфологии. Одна и та же грамматическая категория может быть представлена в русском языке несколькими функциональными типами парадигм, что и определяет ее динамичность. Поэтому классификация грамматических категорий русского языка должна строиться с учетом рассмотренного типологического варьирования их парадигматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
2. Мурлов Р.З. К теории парадигматики в лингвистике // ВЯ. 1980. № 6.
3. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
4. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
6. Зенков Г.С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
7. Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.
8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
9. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
10. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
11. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
12. Волохина Т.А., Попова З.Д. Морфологическая парадигматика русского языка: Справочное пособие для студентов-иностранцев. Воронеж, 1983.
13. Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

14. *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
15. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
16. *Гинзбург Г.С.* Словообразование и синтаксис. М., 1979.
17. *Кубрякова Е.С.* О формообразовании, словообразовании и их соотношении // ИАН СЛЯ. 1976. № 6.
18. *Кубрякова Е.С., Соболева П.А.* О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
19. *Вольнец Т.Н.* Структура русской глагольной парадигмы: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Минск, 1978.
20. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
21. *Маслов Ю.С.* Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках) // Славянская филология. Л., 1964.
22. *Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
23. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
24. *Гухман М.М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
25. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953.
26. *Бондарко А.В.* Об уровнях описания грамматических единиц // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
27. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
28. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове М.; Л., 1947.
29. *Резин И.И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
30. *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных Possessiva в старославянском языке // Сборник у част А. Белића. Београд, 1937.
31. *Petr I.* K charakteristice polských adjektiv // Slavica Pragensia. 1968. X.
32. *Аванесов Р.И., Сидоров В.Н.* Очерки грамматики современного русского литературного языка. М., 1945.
33. *Панов М.В.* Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К семидесятилетию А.А. Реформатского. М., 1971.
34. *Popela I.* K podstate slovich druhiú // SaS. 1969 № 3.
35. *Руделев В.Г.* Место существительных среди других частей речи русского языка // Грамматические классы в современном русском языке. Тамбов, 1976.
36. *Руделев В.Г.* Об основных постулатах современной лингвистической теории // Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976.
37. *Фортуатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Фортуатов Ф.Ф. Избр. тр. Т. I. М., 1956.
38. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.
39. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
40. *Булаховский Л.А.* Императив в славянских языках как индуцирующая категория // ИАН ОЛЯ, 1968. Вып. 2.
41. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
42. *Бортэ Л.В.* Проявление связей между частями речи в современном русском языке. Кишинев, 1979.
43. *Бульгина Т.В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
44. *Яцкевич Л.Г.* Средства выражения предметности в русском языке. // ВЯ. 1984. № 1
45. *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
46. *Земская Е.А.* О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица // РЯНШ. 1970, № 5.
47. *Резин И.И.* Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1992 г. ФРАНЧУК В.Ю.

А.А. ПОТЕБНЯ И СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

В многочисленных работах, посвященных А.А. Потебне, почти не затрагиваются прогрессивные традиции славянской науки в формировании его научных взглядов. Как правило, отмечают творческие связи ученого лишь с В. Гумбольдтом и Г. Штейнталем. Между тем влияние немецкой философии и психологии не исчерпывает всех факторов, определивших содержание и направление его исследований.

Потебня был выдающимся славистом своего времени, ученым, который в совершенстве владел несколькими славянскими языками, хорошо знал фольклор и культуру различных славянских народов. Ему были не только известны труды славянских ученых — его предшественников и современников, но со многими он встречался, с иными переписывался, с некоторыми поддерживал дружеские отношения на протяжении всей жизни. Как ученый-славист Потебня сформировался под влиянием П.А. Лавровского и через его посредство И.И. Срезневского, смотревшего на него как "на внука по славянской филологии" [1, с. 93].

П.А. Лавровский, занимавший место адъюнкта на кафедре славянских наречий Харьковского университета, преподавал фонетику, и студент, свободно владевший тремя славянскими языками, не мог не привлечь его внимания. Лавровский познакомил Потебню с трудами Ф. Миклошича и В. Караджича. В черновом варианте автобиографического письма к А.Н. Пылину ученый пишет об этом достаточно определенно: "Славянским языкознанием я стал заниматься потому, что П.А. Лавровский меня заметил, давал книги, и потому, что ничем другим, ни древними языками, ни историей литературы, ни всеобщей историей заниматься было нельзя или трудно, а из славянских наречий два, кроме современного литературного, были мне знакомы" [2, л. 3]. В архиве Потебни до сих пор хранится переписанная им неопубликованная работа И.И. Срезневского "О наречиях хорватских" [3]. Можно думать, что и эту работу привез в Харьков Лавровский. Ведь печатных пособий для изучения славянских языков тогда почти не было.

Через полгода после окончания университета, т.е. осенью 1856 г., по совету Лавровского Потебня начал готовиться к магистерскому экзамену по славянской филологии. К этому времени Петр Алексеевич стал членом-корреспондентом Академии наук, у него появилась надежда на переезд в Петербург, следовало подготовить себе замену. Об этом Лавровский пишет в письме от 27 октября 1858 г. к И.И. Давыдову — председательствующему ОРЯС Академии наук: "Университет ничего не потеряет, потому что я имел счастье приготовить достойнейшего себе преемника, диссертацию которого на степень магистра в скором времени я буду иметь удовольствие препроводить к Вашему превосходительству" [4, л. 1].

За два года Потебня не только выдержал магистерское испытание, но и представил факультету диссертацию "О некоторых символах в славянской народной поэзии". Если успешную сдачу экзамена ученый объясняет снисходи-

тельностью братьев Лавровских [2, л. 3], то его первая научная работа выдержала более серьезное испытание. Трудно представить, чтобы он справился с ней в такой короткий срок совершенно самостоятельно. Это маловероятно и потому, что со студенческими интересами автора связан лишь выбор темы и задач исследования, в котором он пытается выяснить способы и формы создания символов в народной поэзии, ставшей для его работы главным источником. Сопоставляя сходные символы в фольклоре разных славянских народов, Потебня, правда, применяет обычные для мифологической школы параллели, используя их для систематизации. Однако объем работы — включение данных всех славянских языков — бесспорно свидетельствует о большой помощи его учителя-слависта П.А. Лавровского.

Прежде всего обращает внимание количество сборников славянской народной поэзии, использованных в диссертации. Получить эти книги Потебня мог только из личной библиотеки Лавровского, так как собрание славянских книг в университете было незначительным. Диссертация показывает, что он мог свободно анализировать примеры на всех славянских языках — сербском, словенском, болгарском, чешском, польском, лужицком. А до поступления в университет Потебня владел лишь украинским, русским и польским языками. В отрывке автобиографического характера, хранящемся в его архиве, отмечается: "Детские лета проводил в доме своей бабки по матери, где в то время говорили по-малороссийски... Я окончил гимназию в Радоме и этому обязан знанием польского языка, на котором тогда преподавали все предметы, кроме русского языка и славянского, истории русской и польской и закона божьего для православных" [2, л. 1].

Особый интерес представляет методика, использованная Потебней. Сущность поэтических символов он пытается определить по данным языка, которые представляются ему точнее и доказательнее любых умозрительных домыслов. Именно этот филологический принцип лег в основу его диссертации. Возможно, и в этом сказалось влияние Лавровского, который в своем отзыве с похвалой отозвался об использовании Потебней сравнительно-исторического метода, хотя и упрекнул его за непоследовательность в привлечении данных языка: "Вот почему при большей внимательности к языку и при правильном его понимании чаще и чаще обнаруживаются промахи в заключениях ученых и относительно частных фактов в символике. И это средство не забыто молодым автором рассуждения: язык идет у него, хотя, к сожалению, и непоследовательно, наряду с предлагаемыми символами" [5].

Можно было бы найти и другие моменты в первой научной работе Потебни, в той или иной мере свидетельствующие о влиянии на него Лавровского. Возникает, однако, вопрос, занимался ли сходными проблемами сам руководитель. Ведь единственная его работа по мифологии «Исследование о мифических верованиях у славян в "облако" и "дождь" в связи с другими подобными же верованиями у древних родственных народов» [6] была опубликована лишь в 1862 г. Как выясняется, интерес к теме возник у Лавровского значительно раньше. Об этом можно судить по письму к И.И. Срезневскому от 1 сентября 1861 г., сопровождавшему рукопись: "Не знаю, будет ли пригодна в Вашем Отделении вещь, как эта статья о мифических верованиях в облака и дождь. Вы видите, что я хотя и медленно, а обещания свои исполняю: в 1857 году¹, в описании 7-ми рукописей Публичной библиотеки, я обещал рассмотреть вопрос о полногласии, и исполнил; тогда же обещал представить подробный разбор и верований о дожде, — посылаю и это. Судить о добросовестности, конечно, не мне. Я могу только сказать, что, по моему убеждению, только и возможно такое

¹ Очевидно, дата отсылки рукописи. Опубликовано в 4-й книге "Чтений Московского общества истории и древностей российских" (М., 1859). О работе над статьей об облаке и дожде говорится на с. 69—71.

толкование многих поверий и обрядов у славян, какое, по мере сил, я высказал в последнем исследовании" [7, л. 116].

Статья Лавровского — образец тщательного и серьезного исследования, которому было отдано немало времени и сил. Он собирал материал для нее и во время своего путешествия по славянским землям, выступил с докладом на эту тему в Лужицком ученом обществе [8]. Серьезное внимание обращает исследователь не только на точность этимологических разысканий, но и на сферу семантики — сопоставление значений: "Как корова в быту пастушеском доставляет существенное пропитание, если не исключительное, человеку, так точно и облака с дождем являются таким же питающим материалом для всего живущего на земле. Сближение, таким образом, этих понятий вполне естественно и объясняется и оправдывается нагляднейшим образом приведенными нами тождественными выражениями в санскрите для тех и других" [6, с. 4].

Интересует Лавровского и экстралингвистическая сфера, т.е. история слова вне языка, история того предмета или явления, к которому относилось слово и которое обозначалось этим словом. "Только с уяснением взгляда мифического на супружеские отношения неба и земли и на облако с дождем как на посредников их соединения становится вполне понятными и знаменательными многие выражения в народной литературе, равно и некоторые обряды, кажущиеся без такого уяснения не имеющим смысла набором слов, простонародною нелепостью. К числу подобных выражений должно отнести сопоставление в песнях падения дождя с походом любезного к любезной или с выходом замуж..." [6, с. 14—15]. Внимание к семантике и экстралингвистическим фактам, к истории культуры, к сфере, в которой бытовало слово, к обряду и обрядовой реальности, обрядовым действиям и предметам стало впоследствии и сильной стороной научных исследований А.А. Потебни.

О влиянии Лавровского свидетельствуют и последующие работы его ученика в области мифологии. В первый период своей научной деятельности Потебня разрабатывает проблемы, так или иначе связанные с интересами Лавровского, и в области исторической фонетики восточнославянских языков. Даже в такой области, как акцентология, которой сам Лавровский никогда специально не занимался, наблюдается любопытная перекличка двух ученых.

Принято считать, что Потебня обратился к изучению славянского ударения под влиянием книги А. Мажуранича "Slovnica hêrvatska" (Zagreb, 1859) после того, как лично познакомился с ее автором в 1863 г. Указывают также, что Мажуранич впервые сравнил чакавское и русское ударение в работе "О важности хорватской акцентуации для истории славян", увидевшей свет в 1860 г. [9]. Привлекает внимание следующее обстоятельство. В книге "Slovnica hêrvatska" нет сведений о русском языке. Из письма Лавровского к И.И. Срезневскому, относящемуся к этому времени, можно сделать вывод, что на сходство чакавского ударения с русским указал Мажураничу харьковский ученый. Срезневский нашел сообщение Лавровского настолько важным, что опубликовал выдержки из его письма в таком серьезном научном издании, как "Известия Академии наук по ОРЯС":

"Успели ли вы познакомиться с этимологической частью грамматики Антона Мажуранича? В настоящее время он занимается второй частью, синтаксисом. Важнейший отдел первой, бесспорно, и по новости предмета и по отчетливости разработки принадлежит статье об ударениях и долготе. Необыкновенно удачно воспользовался Мажуранич чакавским поднаречием, в совершенстве ему знакомом, для вывода законов долготы и ударений. Статья эта имеет значение для системы ударений и в русском языке и для отношения их к долготе, утраченной нами и сохраняемой с полною силою чакавцами. Меня поразило сходство ударений русских с чакавскими и легкость определять причину неустойчивости, переходности первых, при внимании к глубине, растяженности или остроте долготы у чакавцев. Мажуранич был наглядным доказательством" [10, с. 404—405].

А. Мажуранич не только определил отношения между штокавской и чакавской

системами ударения, но и высказал мысль о том, что одна из них образовалась из другой. По его мнению, основной общесербской системой ударения была чакавская, свидетельством чего является сходство чакавского ударения с восточнославянским, которое могло быть только остатком общего для них прошлого. Однако Мажуранич не смог сделать выводов, вытекающих из его открытия, а именно: чакавское ударение, лежащее в основе штокавского и сходное по месту с восточнославянским, является, вполне вероятно, древним общеславянским или, по крайней мере, общим для южных и восточных славян. Такое предположение, не вызывающее в настоящее время возражений, было сделано не Мажураничем, а Потебней и стало известно в науке в 1864 г. после опубликования его статьи "О полногласии": "Тоническое сходство русского и сербо-хорватского (а вероятно, и хорутанского, и болгарского) есть такая прочная основа предположения, что Русь составляла еще одно племя с телерешными задунайскими славянами после отделения западных племен, что перед нею кажутся ничтожными основания делений Добровского и Шафарика, эти *розъ* и *разъ*, *вы* и *изъ* и т. п. Все западные наречия, за исключением малоизвестного в этом отношении кашебского (Гильф. Ост. Сл. 86, Этн. Сб. V), потеряли подвижность ударений. Наклонность к этому могла быть одним из первых признаков их отделения от юго-восточных" [11, с. 44—45].

В последующие годы предположение А.А. Потебни было поддержано другими славянскими учеными [12—13]. Наиболее полно развил это предположение сам А.А. Потебня в труде, который остался, к сожалению, неизвестным и его современникам и позднейшим исследователям в области славянского ударения². Ознакомление с рукописью показало, что в этом труде ученый обращается к проблемам, поставленным им ранее в статье "О полногласии": "Сходство русских и др. сербских ударений не ограничивается одними полногласными в русском словах: оно проходит через все склонения существительных и прилагательных, изменения по степени спряжения, словообразования, что мы стараемся доказать в другом месте (разрядка наша. — Ф.В.) [11].

Таким образом, в изучении славянской акцентологии А.А. Потебня пошел дальше своих предшественников.

В этот период наибольшей обстоятельностью отличались исследователи сербско-хорватского ударения. Хотя специальных работ, посвященных акцентологии, не было еще ни у сербов, ни у хорватов, в ряде учебных пособий детально освещалась система сербо-хорватского ударения. А.А. Потебня особо ценил упомянутую выше грамматику А. Мажуранича, учебник Джуро Даничича "Облици српског језика" (Београд, 1863), его статью "Српски акценти", напечатанную в сборнике "Гласник друштва српске словесности" (Београд, 1856. Кн. VIII), и "Српску грамматику" В. Вуича (Београд, 1863). И у сербов, и у хорватов существовала также богатая лексикографическая традиция. Сербско-хорватская лексикография имела не только второе издание прекрасного труда Вука Караджича "Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима" (Беч, 1852), но и ряд других, менее известных словарей.

Иначе обстояло дело с болгарским языком. В варианте вступления к публикуемому труду имеются строки, свидетельствующие о том, что вначале А.А. Потебня вообще не собирався привлекать болгарский язык к сравнению: "Вопрос об ударениях в настоящее время, сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербо-хорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий" [14, с. 165]. Пока А.А. Потебня работал над монографией, изучение

² Опубликовано в 1973 г. (см. [14]).

болгарского ударения не подвинулось вперед, однако отношение ученого к этому вопросу изменилось. В окончательном варианте вступления хотя и отмечалось относительное богатство пособий по изучению тонического строя сербо-хорватского языка, не отбрасывалось совсем и болгарское ударение. Более того, было подчеркнуто намерение автора сравнивать данные восточнославянских языков не только с сербским, но и с болгарским языком.

В самом труде А.А. Потебни это намерение отразилось несколько своеобразно. В части "Ударение в склонении", композиционно занимающей второе место, вообще не упоминается болгарское ударение. Зато в части "Ударение в спряжении", являющейся в соответствии с замыслом автора первой, болгарский материал использован довольно последовательно, представляя собой как бы дополнение к написанному ранее. По нашему мнению, в этом случае возможно следующее объяснение. Материал по болгарскому ударению вначале отсутствовал вообще. Переписывая рукопись, А.А. Потебня изменил вступление, что отражало изменение его отношения к данным болгарского языка, и начал приводить болгарские примеры в конце разделов, иногда сопровождая их необходимыми пояснениями. По-видимому, ему удалось переписать начисто лишь первую часть, и в "Ударение в склонении" болгарский материал не попал вообще.

Из грамматической болгарской литературы А.А. Потебня использовал очень несовершенную "Grammatik der bulgarischen Sprache" братьев Цанковых (Wien, 1852) и "Главные вопросы языка новоболгарского" — исследование русского ученого П.А. Бессонова, вышедшее в свет в 1855 г. [15]. Из лексикографических трудов им был использован словарь, приложенный к грамматике Цанковых. Хотя известно, что в его руках находилось начало (буквы *А, Б и В до викам*) "Болгарского словаря" Н. Герова³, но насколько прибегал А.А. Потебня к этому словарю, трудно сказать. Солидный лексикографический труд И.А. Богорова "Българско-френски рѣчник", изданный в Вене в 1871 г., в монографии А.А. Потебни не использован совершенно. Это еще раз свидетельствует о том, что в 1871 г. он уже не возвращался к работе над рукописью. Компенсируя недостаток лексикографических сведений, А.А. Потебня привлекает к рассмотрению болгарскую лексику, отобранную им из изданных в 1855 г. П. Бессоновым акцентированных "Болгарских песен из сборника Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар" [16].

Обширный материал помог ученому вести исследование славянского ударения в сравнительном плане, углубляя его исторический аспект. Разумеется, исходным при этом было ударение восточнославянское. Как указывает А.А. Потебня, сравнение восточнославянского ударения с сербским и болгарским "... дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогаударения" [14, с. 23].

Следует отметить, что в дальнейшем к А.А. Потебне обращались как к специалисту в области болгарского языка, о чем свидетельствует письмо Л. Майкова от 16 февраля 1886 г.

Милостивый государь,
Александр Афанасьевич!

По поручению Комиссии, избранной Императорским Русским Географическим и Археологическим обществами для обсуждения программы ученой экспедиции в Болгарию, имею честь препроводить к Вам прилагаемую при сем записку, а равно и предварительные соображения А.Н. Пыпина.

Комиссия, при исполнении возложенного на нее поручения, считает чрезвычайно полезным услышать мнения и отзывы знатоков славянских языков, древностей и быта. Она питает уверенность, что и Вы, милостивый государь, в сознании глубокой важности всестороннего изучения славянства, не откажете в Вашем нравственном содействии делу, которым занята Комиссия [17, л. 1—2].

³ Опубликовано в третьем томе "Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий" (СПб., 1856), где помещена и использованная А.А. Потебней статья Я.К. Грота "О глаголах с подвижным ударением".

Дружеские отношения связывали А.А. Потембу с И.А. Бодуэном де Куртенэ, выдающимся языковедом-славистом по проблемам контактов южно- и западно-славянских диалектов с неславянскими языками, зачинателем ряда новых лингвистических направлений, выдающимся теоретиком по вопросам общего и сравнительно-исторического языкознания, одним из полиглотов XIX—XX вв. В письме от 30 марта 1880 г. Бодуэн писал: «Профессор Лескин (Leskien) просил меня достать для него Вашу книжку "Малорусская народная песня" (Воронеж, 1871)⁴. Я обратился к книгопродавцам. Но уже более месяца прошло с тех пор, как я напрасно добиваюсь этой книги. Поэтому не найдете ли, многоуважаемый Александр Афанасьевич, возможным выслать от себя экземпляр названного сочинения по адресу Германия—Лейпциг...» [18, л. 1]. В следующем, 1881 году, Бодуэн снова обращается к Потембе с просьбой достать книги для А. Лескина. Он цитирует строки из письма немецкого ученого, в которых дается высокая оценка исследований харьковского ученого: «Не могли бы Вы каким-либо образом достать грамматические труды Потемби, я до сих пор никаким способом не мог их раздобыть. Более всего нужны мне "Два исследования..."⁵ и "Заметки о малорусском языке"⁶, но я был бы рад всему, что вышло из-под его пера» [18, л. 2].

Этот небольшой абзац опровергает мнение, утвердившееся в научной литературе, будто бы труды Потемби не были известны мировой лингвистической науке XIX в. К тому же в архиве Потемби сохранилось письмо самого Лескина от 13 марта 1881 г. Оно свидетельствует о том, что благодаря заботам Бодуэна де Куртенэ Лескин получил его книги.

Глубокоуважаемый господин!

Присылкою обеих Ваших трудов: "К истории звуков русского языка" и рецензии на книгу Житенского — Вы проявили большую любезность, и я сердечно благодарю Вас за это. "Филологический вестник", в котором напечатан первый труд, до сих пор был для меня недоступным. Наши библиотеки, как Вы себе можете представить, славянскими материалами обеспечиваются плохо. В славянских странах нередко не имеют представления, как нелегко приобрести тот или иной труд. Поэтому мы вынуждены зачастую полагаться на личную любезность славянских ученых, и я благодарю Вас за неоднократные присылки⁷. Теперь в соавторстве с доктором Бругманом я издаю том Литуаники (Песни и сказки), и я позволю себе после выхода его из печати один экземпляр послать Вам. Особенно ценны в языковом отношении сказки, собранные доктором Бругманом.

С глубоким уважением и коллегияльным приветом. Преданный Вам.

А. Лескин [19. л. 1—2].

Деятельность А.А. Потемби по времени совпала с деятельностью представителей младограмматического направления. Однако взгляды украинского ученого на развитие языка значительно отличаются от взглядов младограмматиков, так как последние считали научной лишь историческую грамматику, а значение статической, описательной грамматики игнорировали. Например, характеризуя именно восточнославянское склонение, Потембя прослеживает его историю на широком фоне славянских языков, привлекая для сравнения материал романских и германских языков. Данные романских языков представляют большой научный

⁴ Полное название труда А.А. Потемби — "Малорусская народная песня по списку XVI в. Текст и примечания". Был напечатан в журнале "Филологические записки" (Воронеж, 1877. Вып. 2). Бодуэн де Куртенэ разыскивал для Лескина его отдельный оттиск.

⁵ Труд Потемби "Два исследования о звуках русского языка" (Воронеж, 1866) состоит из двух частей, опубликованных ранее в воронежском журнале "Филологические записки": 1. О полногласии (1864, вып. 5); 2. О звуковых особенностях русских наречий. С приложением образцов менее известных малорусских говоров (1865, вып. 1).

⁶ Отдельный оттиск труда Потемби "Заметки о малорусском наречии" (Воронеж, 1871), перепечатанный из журнала "Филологические записки" за 1870 г., вып. 1—5.

⁷ Есть сведения, что в 1878 г. Потембя передал Лескину через В. Ягича оттиск своего труда о "Слове о полку Игореве" [1, с. 82].

интерес для специалистов в области славянского языкознания ввиду общности процессов, происходящих в романских и болгарских языках в период становления аналитического строя.

Вслед за И.И. Срезневским Потебня считал, что морфологические изменения в грамматическом строе языка обуславливаются как внутренними законами его развития, так и внешним влиянием. По его мнению, такие влияния могут содействовать глубокому изменению грамматического строя языка, что, в частности, видно на примере болгарского и романских языков: "Падение флексий в индоевропейских языках сопровождается, вообще говоря, одними и теми же явлениями, подобно тому как в изменениях звуков, падении долгих, усилении ассимиляции повторяются повсюду одни и те же законы. В болгарском падежные окончания подверглись большему искажению, чем в любом из остальных славянских наречий, быть может, потому, что новоболгарское, подобно романским, образовалось под сильным посторонним влиянием" [20, с. 10—11]. Однако на болгарский аналитизм А.А. Потебня смотрит не как на момент, навязанный извне: "Это последнее (постороннее влияние. — Ф.В.), как в упомянутых языках, так и везде, не вносит в грамматику чуждых языку стихий, а только ускоряет развитие тех, которые до него были в языке, почему и не следует смотреть ни на романские наречия, ни на болгарское как на слияние разнородных элементов. На этом основывается важность сравнения таких, по общему признанию, цельных языков, как немецкие, славянские, с такими, как романские. Сравнить можно только однородные величины" [20, с. 11].

По мнению А.А. Потебни, в изучаемых языках внешнее влияние могло только стимулировать процесс разрушения падежных форм, начавшийся значительно раньше. Однако падежи (точнее, падежные формы. — Ф.В.), оказавшиеся более сильными, ассимилируют другие, в результате чего количество грамматических форм уменьшается, а отношения между словами выражаются с помощью служебных слов. Рассматривая остатки синтетического строя, сохранившиеся в аналитическом строе современных болгарского и романских языков, А.А. Потебня делает интересные замечания о тех или иных языковых фактах. Например, он указывает, что употребляемые в болгарском языке при числительных два, три формы мужского и среднего рода на *-а* являются остатками двойственного числа; окончание бывшего двойственного числа он видит и в существительных, употребляющихся с числительными *пять — девять, двенадцать, сто*; любопытно, что отмеченные им в болгарском языке случаи употребления звательного падежа вместо именительного свойственны также произведениям украинского и польского фольклора.

В числе постоянных корреспондентов А.А. Потебни многие годы был выдающийся ученый-славист В. Ягич. "Вопросы языкознания" уже обращались к освещению их связей в нескольких публикациях [21—22]. Ниже приведем отрывок из неопубликованного письма Ягича от 10 ноября 1892 г. к Б.М. Ляпунову, ученику обоих ученых: "Что я Вас не забываю, что из всех бывших когда-то моих слушателей Вы один только и остались верны нашей дорогой науке и поэтому моему сердцу дороги — об этом не нужно даже говорить. Вы, конечно, имели потом возможность вникнуть в дух русского языка гораздо глубже под руководством столь знаменитого наставника, каким был наш незабвенный А.А. Потебня, но тем приятнее мне видеть, что превосходные впечатления Вашего руководителя не вытеснили у Вас из памяти и бывшего Вашего учителя в Петербурге. Будьте уверены, что я всегда благодарю судьбу или провидение за то, что она дала мне возможность провести несколько лет жизни в России, в среде славной русской молодежи и при некоторых слабых увидеть и много, очень много хороших сторон русской жизни" [23, л. 6].

Много внимания уделял пропаганде научного наследия Потебни в славянском мире один из его близких друзей, болгарин по национальности, М. Дринов⁸.

⁸ Подробнее см. в [24].

Благодаря Дринову имя Потебни теперь особенно хорошо известно в Болгарии. Его мысли и высказывания по разным филологическим вопросам нашли широкий отклик в болгарской науке. Как показал М.Я. Гольберг, на труды Потебни в области изучения славянского фольклора ссылается И. Шишманов [25, с. 355—356]. Не один раз упоминает труд Потебни "Объяснения малорусских и сродных народных песен" А. Илиев [26]. Болгарский ученый обращает внимание и на толкования отдельных образов-символов народной поэзии, предложенные Потебней, и на его сопоставления южнославянских и восточнославянских песен. М.Я. Гольберг полагает, что и тема труда Илиева, и направление его в некоторой степени подсказаны исследованиями А.А. Потебни [25, с. 355].

Труды харьковского ученого по грамматике, диалектологии, поэтике и фольклору аккумулировали в себе главные проблемы и приобретения славистической мысли XVIII—XIX вв. Одним из первых среди отечественных лингвистов ученый стал использовать в своих работах обширный материал различных славянских языков. Это позволило ему критически переосмыслить существующие взгляды филологов, заложить новые основания развития славистики, утвердить принципы историзма и системности рассмотрения языковых категорий. Значительный вклад внес А.А. Потебня и в разработку методологии и методики славистических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олександр Опанасович Потебня: Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. Київ, 1962.
2. Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 27.
3. Отдел рукописей Ин-та лит-ры АН Украины им. Т.Г. Шевченко. Ф. 73. Ед. хр. 3. Л. 1—26.
4. ЦГАЛИ. Ф. 436, Оп. 1. Ед. хр. 1643.
5. Сумцов Н.Ф. Выступление А.А. Потебни на ученое собрание и участие в этом деле М.С. Дринова // Сб. историко-филологического об-ва, состоящего при Харьковском ун-те. Харьков, 1908. С. 133.
6. Уч. зап. Второго отделения Академии наук. 1863. Кн. 7. Вып. 2. С. 1—42 (отдельн. отт. 1862).
7. ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 11.
8. Časopis towarystwa macicy serbskeje. 1860. XXI. S. 28—37.
9. Ягич В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 429.
10. Лавровский П.А. Письмо к редактору о южных славянах // Изв. АН по ОРЯС. 1860. Т. 8. Вып. 5.
11. Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. Воронеж, 1866.
12. Бодуэн де Куртене И.А. Бохинско-досавский говор // Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг. Казань, Варшава, Петербург, 1877. С. 58, 77;
13. Брандт Р. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880.
14. Потебня А.А. Ударение. Киев, 1973.
15. Бессонов П. Главные вопросы языка новоболгарского // Временник Московского об-ва истории и древностей российских. Кн. 21. М., 1855.
16. Болгарские песни из сборника Ю.И. Венелина, Д.Н. Катранова и других болгар // Временник Московского об-ва истории и древностей российских. Кн. 21—22. М., 1855.
17. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 16.
18. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 45.
19. Центральный государственный исторический архив Украины. Ф. 2045. Оп. 1. Ед. хр. 76 (на нем. яз.).
20. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 1. М., 1985.
21. Письмо И.В. Ягича к А.А. Потебне / Публикация О.А. Лаптевой // ВЯ. 1960. № 2. С. 102—110.
22. Блок Г.П., Лысенко Т.И. Неосуществленный словарный замысел В. Ягича // ВЯ. 1962. № 3. С. 120—125.
23. Архив АН СССР. Ленинградское отд. Ф. 702.
24. Франчук В.Ю. О.О. Потебня і Болгарія // Мовознавство. 1985. № 4.
25. Гольберг М.Я. Проблемы народно-песенной стилистики в работах А.А. Потебни // Русский фольклор. Народная поэзия славян. Вып. 8. М.; Л., 1963.
26. Илиев А. Растителното царство и народната поезия // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 7. С. 328, 336, 352, 366, 377, 378. София, 1889.

© 1992 г. БОНДАРКО А.В.

АСПЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭРВИНА КОШМИДЕРА.

Общелингвистические основания аспектологической теории

1.1 Аспектологические идеи и исследования Э. Кошмидера, одного из крупных лингвистов-теоретиков "срединного пятидесятилетия" (20—70-х годов) нашего века, составляют органическую часть его общелингвистической концепции¹. Исследования в области славянской — и не только славянской — аспектологии являлись, с одной стороны, важнейшим из оснований развиваемой ученым общелингвистической теории, а с другой — областью ее приложения.

1.2. Теоретические воззрения Э. Кошмидера образуют целостную систему, которая характеризуется признаками ментализма и функционализма, сопряженными с системно-структурным подходом к языковым фактам. Будучи функционалистом, Э. Кошмидер вводил идеи системности и элементы структурного подхода в анализ самого содержания. В грамматической теории XX в. его концепция включается в сферу системно-функциональных идей, связанных с именами таких лингвистов, как О. Есперсен, В. Матезиус, Р.О. Якобсон, Г. Гийом.

1.3. В концептуальной системе Э. Кошмидера существенно разграничение и соотнесение трех понятий, отражающих взаимосвязи языка и мышления и представляющих в предмете анализа соответствующие поля, или слои (Schichten) [4, с. 205, 211—212]. Эти понятия таковы: 1) S (signum, Bezeichnendes, обозначающее); 2) D (designatum, Bezeichnetes, обозначаемое); 3) I (intantum, das Gemeinte, мыслимое, содержащееся в мысли). Далее мы сосредоточим внимание на понятиях D и I, относящихся к плану содержания.

1.4. Понятие D раскрывается как обозначаемое языкового знака, его содержание в системе данного языка. D не лежит на поверхности, недоступно непосредственному наблюдению (это абстракция, неизвестная говорящему и слушающему) и может быть определено (как главная функция знака) лишь в результате анализа употребления форм в данном языке. В каждом языке все репрезентации D образуют грамматическую систему. Их число конечно. Системы D варьируются от языка к языку: D-систем насчитывается столько, сколько существует языков [4, с. 9—19, 103, 205, 212].

1.5 I (мыслимое) трактуется как межъязыковой инвариант. Определение таких понятий, как "множественность", "настоящее", должно быть одинаковым для всех языков, несмотря на различия в формах и их функциях. Задача заключается в том, чтобы определить отношение между инвариантным I и варьирующимися в разных языках D. Для каждой грамматической категории необходимо установить значимость D в системе I.

¹ Труды Э. Кошмидера (1896—1977) по общему и славянскому языкознанию (с привлечением фактов языков разных типов, в частности, турецкого) охватывают такие проблемы, как категории языка и мышления, мыслительные основания синтаксиса, языковая система и языковые функции, нейтрализация оппозиций. Внимание ученого привлекали вопросы фонологии, морфологии и словообразования. Его интересы распространялись и на исследование знаковых систем древнеславянской и древнерусской церковной музыки. Центральное место в грамматических работах Э. Кошмидера занимает теория аспектологии, на которой мы и останавливаемся в данной статье (о трудах Э. Кошмидера и основных этапах его деятельности см. [1—3]).

I исходит от говорящего и понимается слушающим. Так, предложение *Der Hund bellt* "Собака лает" понимается в категориях мыслимого либо как ситуация без определенного местоположения (локализованности) во времени (род "собака" обладает способностью лаять), либо как ситуация, имеющая место во время речи. Это различие существует для мышления, даже если в данном языке, например, немецком, нет особой категории глагола для выражения ситуаций первого типа (иные отношения представлены в турецком языке, где, по мнению Э. Кошмидера, существует специальная форма, основной функцией которой является выражение вневременности). Ср. нем. *Das Holz brennt gut* "Дрова горят хорошо" и турецк. *odun yanar* "das Holz ist brennbar", с одной стороны, и *odug yanıyor* "das Holz brennt" (hic et nunc), с другой. Однако и говорящие по-немецки могут "иметь в виду" ("meinen") вневременность, хотя в системе для этого нет особой формы. Мы мыслим (denken) и то, что не имеет в синтаксической системе языка специального выражения. Содержащимся в мысли может быть то, что еще не сформулировано.

В сфере I заключено бесконечное число возможностей. Идентичное I — необходимая предпосылка для перевода с одного языка на другой. Изучение системы I относится к сфере исследований, которую Э. Кошмидер назвал ноэтикой. В области I, обращенной к мышлению каждого отдельного человека, выделяются три измерения: 1) название, 2) онтологическое "включение во время" (*Verzeitung*); именно к этому измерению принадлежит временная локализованность (наряду с направительной отнесенностью — *Zeitrichtung* — и отношением к настоящему, прошлому или будущему — *Zeitstufenbezug*); 3) "достижение цели" ("*Leistung*"; данное понятие вводится со ссылкой на К. Бюлера) в выражении сообщения, вопроса, приказа или запрета, а также радости, горя и т.п. [4, с. 56—69, 74—76, 80—83, 101, 104, 146, 205, 212].

1.6. Истолкование базисных понятий S, D и I в концептуальной системе Э. Кошмидера определяет трактовку целого ряда "производных" вопросов, в частности, о градации функций грамматических категорий (в связи с определением значимости обозначаемого в логической системе мыслимого [4, с. 10]), о соотношении языка и логики (к языку, соответственно, к предмету лингвистики относится все то, что связано с понятиями S и D, а также с соотношением D и I; что же касается систематического исследования I, то это задача философии и логики [4, с. 145—146]), о теории перевода (текст оригинала и текст перевода представляют собой разные системы S и D, но их объединяет инвариант I [4, с. 146]), о говорении и понимании, о нейтрализации морфолого-синтаксических оппозиций (подробнее об общелингвистических взглядах Э. Кошмидера нашедших отражение в [4], см. [1]).

1.7. Мысль о разграничении и соотношении понятий D и I созвучна тем идеям дифференциации различных уровней (аспектов) содержания, которые коренятся в концепции В. Гумбольдта (в русской языковедческой традиции — в трудах А.А. Потебни). Из современных теорий стратификации семантики следует выделить концепции соотношения понятий "значение" и "смысл" (*vyznam* и *obsah*) в истолковании представителей современной пражской школы (ср. работы Фр. Данеша, М. Докулила, П. Сгалла и Я. Паневовай), а также теорию соотношения понятий *Bedeutung* (значение), *Bezeichnung* (обозначение) и *Sinn* (смысл), развиваемую в работах Э. Косериу ([5—7], ср. [8—11]).

1.8. Все стороны проблематики S, D и I, а также связанные с нею теоретические вопросы, о которых шла речь выше, находят реализацию в аспектологической теории Э. Кошмидера и в его конкретных исследованиях в области славянской (а также турецкой) аспектологии.

2.1 Э. Кошмидер был первым аспектологом, который исследовал функционирование видов на содержательной (денотативно-ситуативной) основе (речь идет о слое I). Конечно, и до него употребление видовых форм было предметом анализа и описания (ср. труды Л.П. Размусена и А. Мазона), но в этих исследованиях доминировало направление "от формы к значению". У Э. Кошмидера же исходным пунктом объяснения и описания языковых фактов являются именно содержательные категории, он последовательно проводит принцип "от функции к средствам". Поэтому есть все основания утверждать, что Э. Кошмидер был основателем ономасиологической аспектологии.

2.2. Как реализуется этот принцип? В "Науке о видах польского глагола" [12] — книге, опубликованной в 1934 г. и до сих пор сохраняющей свою значимость (следует с удовлетворением отметить выход в свет перевода этой книги на немецкий язык в 1987 г. [13]), представлены следующие "шаги (операции) анализа".

1. Выделяются два рода фактов: а) факты, обладающие местоположением во времени, и б) факты без такого местоположения [14, с. 140—141]. Выделение этих двух типов фактов, базирующееся на "ноэматической" категории временной локализованности, является в данной концепции исходным пунктом для всех последующих операций анализа употребления глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ) в польском языке.

По Э. Кошмидеру, только те факты, которые обладают местоположением во времени, могут иметь направительную отнесенность (из прошлого в будущее при СВ или из будущего в прошлое при НСВ). Только такие факты предполагают существование различий в направительной отнесенности и, следовательно, в употреблении СВ или НСВ. При вневременности теоретически не является обязательной ни совершенность, ни несовершенность [14, с. 140]. Вместе с тем отмечается, что в данной сфере возможно "вторичное урегулирование" вида. При объяснении этого явления учитывается взаимодействие собственно видовых значений с другими аспектуальными значениями, в частности с многократностью, а также с другими категориями — такими, как таксис и качественная характеристика.

2. В рамках фактов первого рода, т.е. локализованных во времени, выделяются два типа ситуаций: а) ситуации, содержащие сравнение, и б) изолированные ситуации.

Понятие "ситуация, содержащая сравнения" в истолковании Э. Кошмидера включает и те типы ситуаций, которые содержат отношения одновременности или предшествования. Выделяются такие ситуационные типы, как "длительность (фон) — наступление", "что-то происходило, и тем временем произошло что-то другое", "что-то происходило, когда происходило что-то другое", "когда что-то произошло, произошло что-то другое" [14, с. 148—150].

Заметим, что в подобных типовых ситуациях налицо системное представление взаимодействия категорий вида и таксиса. Этот термин Э. Кошмидер не использует, но по существу речь идет именно о временных отношениях между действиями, т.е. о таксисе (ср. [15; 10, с. 70—98]).

2.3. "Ситуации, содержащие сравнение" понимаются широко. Они не сводятся к подтипу, в котором в качестве исходного пункта сравнения выступает другой факт, входящий в состав ситуации (см. выше). Как особый подтип выделяются ситуации, в которых исходным пунктом сравнения является то или иное определение времени, в частности, сочетания с обстоятельствами типа *coraz to bardziej* "все сильнее", сочетания с обстоятельствами времени, отвечающими на вопрос "как долго?", обстоятельства времени типа *powoli, stopniowo* "мало-помалу, постепенно", инфинитивы при фазовых глаголах [14, с. 145—147]. Как видим, имеются в виду явления, существенно отличающиеся друг от друга. По существу "исходный пункт сравнения" — это так или иначе (по-разному) выражаемый ориентир или аспектуально значимый фактор ситуации и контекста, воздействующий на

употребление видов в речи. Ср. следующее высказывание: "В сущности вид выражает известное отношение, опирающееся на сравнение двух величин. Выбор данного типа отнесенности для данного факта предопределен, когда другие мысли, содержащиеся в высказывании, уже составляют некоторые компоненты направительной отнесенности и дают исходный пункт для сравнения" [14, с. 138—139]. Эти суждения об исходном пункте для сравнения, об ориентирах в контексте и обозначаемой ситуации, воздействующих на употребление вида, представляют интерес в контексте современных "ориентационных" интерпретаций видовой семантики (см. ниже).

2.4. В ситуациях сравнения Э. Кошмидер видел фактор, обуславливающий обязательную (первичную) несовершенство или совершенство [14, с. 141]. В этих условиях, когда невозможна замена одной формы другой, выступают главные функции грамматических форм [4, с. 55—56]. Здесь выявляется расхождение с теорией общих значений в грамматике (ср. концепцию Р.О. Якобсона). Э. Кошмидер ориентировался не на общие значения, а на главные (основные, первичные) функции. Критерием их выделения являются те факторы (в данном случае это исходный пункт для сравнения), которые обуславливают обязательное употребление именно данной видовой формы. Это положение заслуживает внимания и проверки применительно к разным грамматическим категориям. Возникает, в частности, вопрос о том, всегда ли обязательность употребления данной формы является признаком главной (первичной) функции. Как уже говорилось выше, Э. Кошмидер отмечает, что при обозначении фактов, не локализованных во времени, т.е. в условиях, когда, по его мнению, различие СВ и НСВ оказывается в принципе несущественным, все же может быть обязательным употребление лишь одного вида [14, с. 155—158]. В целом перед нами особая, оригинальная концепция первичных функций, отличающаяся, в частности, от теории первичных и вторичных функций в интерпретации Е. Куриловича (критерием выделения первичной функции, по Е. Куриловичу, является ее обусловленность релевантными противопоставлениями внутри системы и независимость от семантического или синтаксического контекста [16]).

Ориентация прежде всего на основные функции грамматических форм созвучна современной тенденции к выделению прототипических значений и прототипических форм при последующем специальном объяснении периферийных явлений и частных отклонений от прототипа.

2.5. В работах Э. Кошмидера впервые вводится тот прием анализа, который можно назвать "ситуативным подходом" в аспектологии. Систематизируются типы ситуаций, в которых реализуется употребление видов. Ситуативный подход развивается в современной функциональной аспектологии [17, с. 178—219; 9, с. 116—200; 18 с. 256—296].

2.6. Значительный интерес представляют мысли Э. Кошмидера о взаимодействии категорий вида и времени. Речь идет, в частности, о невозможности употребления СВ в ответе на вопрос "что это ты делаешь?" (в настоящем времени *hic et nunc*), о столкновениях между видом и временем в *praesens historicum*, *praesens propheticum* и *praesens scenicum*. Результатом коллизии вида и времени в этих функциональных разновидностях презенса является "несобственная несовершенство" [14, с. 158—166]. Имеется в виду, например, употребление НСВ, которому в прошедшем времени соответствует СВ, ср. ситуации типа "длительность (фон) — наступление". Вопросу о функционировании видов в указанных временных планах Э. Кошмидер посвятил специальные работы [19, с. 261—280, 355—372].

Анализ нейтрализации видовой оппозиции в функциональных разновидностях презенса в результате коллизии времени и вида Э. Кошмидер связал с общей теорией нейтрализации грамматических оппозиций [4, с. 199—208]. Этот анализ в полной мере сохраняет свою значимость и в наши дни.

2.7. Реализованный Э. Кошмидером ономастологический подход к исследованию функционирования видов не породил "копий", т.е. абсолютно аналогичных

моделей описания (такие копии вряд ли соответствовали бы духу концепции Э. Кошмидера), однако этот подход, безусловно, оказал стимулирующее воздействие на разработку ряда функциональных моделей описания и объяснения видов в их живом употреблении.

Трактовка видовых значений

Понятие направительной отнесенности

3.1. Дефиниция видовых значений в истолковании Э. Кошмидера основана на оригинальной концепции движения времени в его отношении к действию в представлении говорящего. Это "кинетически-ориентационная" интерпретация протекания действия во времени с точки зрения наблюдающего "Я".

Направительная отнесенность (*Zeitrichtung, Richtungsbezug, względność kierunku*) вместе с временной локализованностью (*Zeitstellenwert*) и временем как отнесенностью к прошлому, настоящему или будущему (*Zeitstufenbezug*) входит в то измерение языковой поэтики, которое Э. Кошмидер назвал операцией онтологического включения во время (*Operation der ontologischen Verzeitung*), составляющей содержание широкого понятия временного отношения (*Zeitbezug*) [4, с. 70—89]. Это объединение, дающее основу для системного анализа целого комплекса категорий, связанных с идеей времени (в самом широком смысле), важно для разработки проблематики межкатегориального взаимодействия.

3.2. Э. Кошмидер подчеркивал временной (связанный с различными сторонами идеи времени) характер понятия вида. Это понятие, по его мысли, должно трактоваться как временное (*zeitlich, als etwas Zeitliches*), а не как лексико-семантическое (*lexikalisch*). Временное — это значит, по Э. Кошмидеру, грамматическое по своей природе и касающееся различной временной интерпретации одного и того же действия (при одном и том же лексическом значении глагола). На этих принципах основана его полемика со сторонниками "лексико-семантического" понимания сущности глагольного вида (см. статью "*Aspekt und Zeit*", опубликованную в 1963 г. [19, с. 373—396]). Не принимая определения видовых значений, основанного на понятии целостности действия, если его трактовать "лексико-семантически", т.е. связывать с целостным значением и способом действия глаголов, Э. Кошмидер вместе с тем допускает, что целостность можно понимать темпорально (*zeitlich*), и признает, что такое понимание близко к его определению вида, хотя это разные истолкования данной категории [19, с. 380].

3.3. Исходным пунктом для суждений о сущности видовых значений является тот узел столкновений систем вида и времени, который представлен в ответе на вопрос, сформулированный Миклопичем и постоянно фигурирующий в работах Э. Кошмидера: "*was tust du da?*" ("что это ты делаешь?") — вопрос, тестирующий настоящее *hic et nunc*. Оценим по достоинству этот исходный пункт для дальнейших рассуждений. По существу здесь реализуется тот принцип, о котором уже шла речь выше, — принцип опоры на прототипические, базисные ситуации, которые могут служить основой для выведения из них других ситуаций, в том или ином смысле производных, вторичных. Ситуация *hic et nunc* является первичной для речи вообще, и то, что характерно для нее, по праву может рассматриваться как исходный пункт для последующих шагов анализа.

3.4. По мысли Э. Кошмидера, ответ на указанный вопрос означает, что в момент речи субъект находится в процессе осуществления действия, выраженного глаголом: он только что был занят действием и еще будет им занят [14, с. 129]. Отсюда делается вывод о том, что "сознание субъекта, живущее в непрерывном настоящем", перемещается "слева направо" вместе с текущим моментом на линии времени и действием, находящимся в этот момент в процессе осуществления. Такой способ представления времени Э. Кошмидер называет направительной отнесенностью из прошлого в будущее [14, с. 135—137]. Данная направительная отнесенность требует несовершенности. С совершенностью же связывается

противоположная направлятельная отнесенность: субъект неподвижен, а линия времени с ее ориентирами перемещается мимо него [14, с. 130; 136] (см. об этом ниже).

3.5. В характеристике направлятельной отнесенности, связываемой с НСВ, фигурирует не только "Я" говорящего, но и действующее лицо, движущееся в том же направлении — из прошлого в будущее. Фиксируется совпадение представления времени — и процесса во времени — с точки зрения говорящего (наблюдателя) и субъекта действия. Это существенно для характеристики процессной функции НСВ (ср. понятие перцептивности, рассматриваемое нами в связи с анализом "процессных ситуаций", выражаемых с участием НСВ [9, с. 118—135]).

3.6. "Точка зрения говорящего" — это, на наш взгляд, та сторона рассматриваемой концепции, которая актуальна и в настоящее время. Взгляды Э. Кошмидера отнюдь не совпадают с современными теориями, базирующимися на таких понятиях, как "видовой ориентир" [20] или "точка отсчета" [21]. Заметим попутно, что в становлении части современных истолкований видовой семантики (см. [21, с. 415—417]) существенную роль сыграла теория Г. Рейхенбаха [22, с. 287—298]. Тем не менее между современными "ориентационными" истолкованиями видовых значений и выдвинутой Э. Кошмидером концепцией направлятельной отнесенности есть и нечто общее: речь идет о наблюдении и оценке характера протекания действия во времени с точки зрения говорящего.

Так, на наш взгляд, существует определенная связь между ориентационными отношениями, устанавливаемыми Э. Кошмидером (ср. "исходный пункт для сравнения", о котором шла речь выше, в п. 2.3.), и понятием "видового ориентира" в интерпретации А. Тимберлейка. Говоря о видовой характеристике на пропозициональном уровне, он замечает: "Важнейшим свойством вида на этом уровне является то, что он относится не только к ситуации как таковой, но и к некоторой точке зрения на временной оси, с которой ситуация и оценивается в отношении вида. В последующем изложении точка зрения будет называться видовым ориентиром. Видовой ориентир может устанавливаться с помощью явно выраженных обстоятельств времени (*в то время, вчера, в то время как*) или может неявно задаваться широким контекстом" [20, 266]. Ср. далее: "...продолженность обязательно означает, что ситуация включает видовой ориентир в качестве внутренней точки" [20, с. 267].

В круг связей, прослеживаемых между различными "ориентационными" истолкованиями видовых значений, должна быть включена и концепция, базирующаяся на понятии целостности действия. Примечательна, в частности, ссылка А. Тимберлейка на то, что понятие точки зрения довольно регулярно используется в работах Ю.С. Маслова и ряда других исследователей [20, с. 284—285] — речь идет об аспектологах, оперирующих понятием целостности действия.

3.7. Данное Э. Кошмидером истолкование сущности НСВ и СВ нельзя считать бесспорным (его концепция и не претендует на роль "общей истины"). В частности, возникает ряд вопросов, связанных с направлятельной отнесенностью "из будущего в прошлое" (при СВ).

Само по себе представление факта как такого, который до момента своего осуществления относится к будущему, приближается к наблюдающему субъекту, затем "встречается" с "Я", а с момента своего осуществления относится к прошлому и удаляется от субъекта (см. [14, с. 136]), отнюдь нельзя исключить как одно из возможных психологических способов представления событий во времени (например, — *Посмотри, сейчас самолет приземлится. — Уже приземлился*). Однако, на наш взгляд, это еще не свидетельствует о том, что такое представление событий во времени лежит в основе значения СВ.

Если кто-то говорит *Завтра мы поедem на дачу*, то это еще не значит, что в содержании высказывания будущее событие представлено как приближающееся к моменту речи. В высказывании просто констатируется факт, отнесенный к определенному моменту будущего. Объективное приближение этого будущего момента

к переживаемому субъектом настоящему, конечно, последует, точно так же, как может последовать превращение того, что планируется, в факт прошлого, но это уже выходит за пределы ситуации речи и, как нам представляется, не входит в содержание высказывания. Ср. также высказывание *Вчера он защитил диссертацию*. Здесь констатируется факт в прошлом, а движение "от будущего", на наш взгляд, вообще отсутствует, поскольку в содержании высказывания нет какого-либо отношения к будущему.

Анализируя рассказ И.С. Тургенева "Воробей" с точки зрения аспектуальной (мы бы сказали "аспектуально-таксисной") характеристики повествования (эта характеристика имеет важное значение как первый опыт аспектологического анализа текста), Э. Кошмидер последовательно отмечает (стрелками → и ←) направительную отнесенность "прошлое — будущее" и "будущее — прошлое" [14, с. 386—389]. Вряд ли, однако, можно признать реальным (в сфере "содержащегося в мысли") постоянное изменение представления автора-рассказчика о течении времени: то от прошлого к будущему, вместе с движением времени, то в противоположном направлении, в роли наблюдателя, "пропускающего мимо себя" движение событий из будущего в прошлое. Такие перемены временной перспективы вряд ли реальны в целостном плане повествования. Ср., например, начало рассказа: "Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачухав перед собою дичь". По существу, отмечая направительную отнесенность → и ← во всем тексте рассказа, исследователь фактически лишь фиксирует наличие формы НСВ или формы СВ, поскольку влияние лексического значения глагола, способа действия и контекста на реализацию той или иной направительной отнесенности не принимается во внимание.

3.8. Концепция направительной отнесенности представляет собой нечто целостное. Невозможно принять какую-то одну ее часть, не приняв другой, в частности, согласиться с отнесенностью "прошлое — будущее", отрицая отнесенность "будущее — прошлое". Поэтому приходится признать, что концепция направительной отнесенности не может быть принята как целое. Мы придерживаемся иной точки зрения, связанной с истолкованием видовой оппозиции на основе комплекса признаков целостности и ограниченности действия пределом [23]. Однако "ориентационный принцип" в интерпретации Э. Кошмидера представляет интерес в более широкой теоретической перспективе — за рамками понятия направительной отнесенности.

3.9. Аспектологическая концепция Э. Кошмидера отличается своего рода "отталкиванием" от лексики, лексической семантики. Это связано с подчеркнуто грамматической ориентацией его аспектологической теории, отстаиваемой в полемике с теми лингвистами, которые, по мнению Э. Кошмидера, являются сторонниками "лексико-семантического" истолкования сущности вида. Теория Э. Кошмидера отвлечена от разных типов лексических значений, от их воздействия на реализацию видовых функций. Его теория дает общую системную ориентацию основных функций вида, представленную в аксиоматической форме (преимущественно аксиоматический подход к анализу вообще характерен для лингвистической концепции ученого), но не ставит перед собой задачу раскрыть взаимодействие грамматики и лексики, грамматической системы и ее окружения. Эта сторона аспектологической проблематики, нашедшая отражение в работах таких ученых, как Ю.С. Маслов [24—26], З. Вендлер [27], Фр. Данеш [28], интенсивно разрабатывается в литературе последнего десятилетия (см., например [29—42]). Вряд ли, однако, имеет смысл говорить о том, чего нет в концепции Э. Кошмидера. Важно прежде всего то, что в ней есть.

4.1. Э. Кошмидер первый выделил оппозицию по признаку временной локализованности (*wartość miejscowa w czasie, Zeitstellenwert*) как самостоятельную содержательную категорию. Он понимал ее как противопоставление фактов (*Tatbestände*) двоякого рода: 1) обладающих индивидуальным местоположением во времени и 2) вневременных (*Рука руку моет* и т.п.). Тема локализованности/нелокализованности фактов во времени (далее Л/НЛ) проходит через множество трудов Э. Кошмидера, начиная с [43] и кончая работами 60-х годов.

Разумеется, различия такого рода отмечались и ранее. Так, А.А. Потебня писал: "...славянские глаголы могут означать действие или во время самого его совершения — конкретно (*Я пишу теперь, Я писал, когда он вошел*), или как возможность его, способность, привычку к нему (*Я недурно пишу: Пишу... по вечерам*) — отвлеченно" [44]. Однако именно Э. Кошмидер выделил данную оппозицию как самостоятельную содержательную категорию, имеющую то или иное языковое выражение.

4.2. Временная локализованность (ВЛ) трактуется как "содержащаяся в мысли", т.е. принадлежащая к сфере *intentionum*, но вместе с тем ставится в определенное отношение к плоскости "обозначаемого" (*designatum*) в конкретных языковых системах и к плоскости языковых знаков (*signum*). Примечательно, что в работах 60-х годов помимо термина *Zeitstellenwert*, относящегося к плану I (наряду с *Zeitrichtung* и *Zeitstufen*), Э. Кошмидер вводит термин *Zeitstelligkeit*, соотносенный в его построении с терминами *Aspekt* и *Tempus*. Понятия, стоящие за этими терминами, принадлежат к временной системе (*Zeitsystem*) того или иного конкретного языка [19, с. 400—403]. В этом соотношении планов I и D, так же как и в постоянных ссылках на формы вневременности в турецком языке, проявляется стремление к истолкованию ВЛ не только как содержательной (мыслительной), но и как языковой категории.

4.3. В комплексе категорий "временного отношения" (*Zeitbezug*), составляющих содержание "операции включения во время" (*Operation der Verzeitlichung* [4, с. 91] или *Operation der ontologischen Verzeitung* [4, с. 82, 182—184]), ВЛ рассматривается как категория, определяющая другие компоненты данного комплекса — "направительную отнесенность" и время как соотношение настоящего, прошлого и будущего. Об определяющей роли речь идет в том смысле, что, по мысли Э. Кошмидера, лишь факты, обладающие индивидуальным местоположением во времени, включаются во "временную линию" и получают определенную значимость с точки зрения направительной отнесенности "из прошлого в будущее" или "из будущего в прошлое", а также принадлежности к планам настоящего, прошлого, или будущего [14, с. 129—158; 19, с. 341—354, 283—288].

4.4. Э. Кошмидером построена типологическая схема, в которой дается исчисление возможных комбинаций грамматической выраженности/невыраженности категории ВЛ с выраженностью/невыраженностью вида и времени [19, с. 352—354, 402—403].

Аспектологическая типология Э. Кошмидера охватывает все компоненты *Zeitbezug* в их системном соотношении. В плане ноэтики это *Zeitstellenwertkorrelation* [+//—], *Zeitrichtungkorrelation* [—//—] и *Zeitstufenbezug* [Vght. — Ggw. — Zkft.] [19, с. 353—354], в плане же D (*designatum*) — в системе определенного языка — соотносятся *Zeitstelligkeit*, *Aspekt* и *Tempus* [19, с. 402—403].

Э. Кошмидер предлагает типологическое исчисление. Это само по себе интересно с точки зрения теории и методологии типологических исследований (ср. использование исчислений в работах А.А. Холодовича, В.С. Храковского и других представителей ленинградской типологической школы [45—46]). В данном построении определяется возможность существования в том или ином языке трех типов систем: 1) системы с одним измерением: а) только [+//—], б) только [—//—] или в) только [Vght. — Ggw. — Zkft.], 2) системы с двумя измерениями:

а) [+/-] и [-/+] и [Vght. — Ggw. — Zkft.], в) [-/+] и [Vght. — Ggw. — Zkft.]), 3) системы с тремя измерениями (указанными выше). Следуют примеры из различных языков, в частности, к типу 1а Э. Кошмидер относит семитические языки, особенно в их древнем состоянии, к типу 1в — немецкий, к типу 2в — славянские языки, греческий и т.д., к типу 3 — турецкий [19, с. 353—354].

4.5. Выделяются два типа выражения ВЛ в различных языках с точки зрения отношения данной нозматической категории к грамматической системе: 1) наличие специальных грамматических форм для выражения оппозиции Л/НЛ, 2) отсутствие таких форм. В последнем случае предполагается возможность формальной невыраженности данного различия в речи (ср.: *Der Hund bellt* "Собака лает"; *Das Holz brennt gut* "Дрова хорошо горят"), когда это различие распознается по контексту и речевой ситуации (ср. возможность его описательного выражения при помощи лексических средств, фиксирующих смысл Л или смысл НЛ).

Подход Э. Кошмидера к фактам таких языков, как славянские и немецкий, где нет специальных грамматических форм для выражения оппозиции Л/НЛ, близок к тому, что связывается с понятием "скрытых категорий".

4.6. Э. Кошмидер исследовал и описал грамматическое выражение Л/НЛ в турецком языке, обращая особое внимание на форму, основной функцией которой является выражение вневременности [4, с. 56—69; 14, с. 382—394]. Данная им интерпретация фактов турецкого языка учитывается в современной тюркологии (ср. постоянные ссылки на работы Э. Кошмидера и дискуссию по затронутым им вопросам в книге Л. Йохансона [47])².

4.7. Таким образом, в трудах Э. Кошмидера изложена оригинальная концепция ВЛ, содержащая а) общетеоретическое универсально-смысловое истолкование оппозиции Л/НЛ; б) определение типов языкового выражения данной оппозиции в ее отношении к другим категориям "включения во время"; в) анализ выражения категории ВЛ в отдельных языках, в частности, в польском и турецком; г) доказательство значимости данной категории для изучения закономерностей функционирования видов в славянских языках.

4.8. В современной лингвистике ВЛ изучается с различных точек зрения, в частности, а) при доминирующей роли аспектологического анализа (с учетом взаимодействия семантики предиката с семантикой субъекта и объекта) (см. [17, 48—50, 35, 51—53]), б) при доминирующей роли анализа взаимодействия семантических типов предикатов и именных групп, с учетом аспектуально-темпоральной характеристики предиката и высказывания в целом (см. [31, 54—55]), в) с точки зрения денотативного статуса именных групп и пропозиций (на основе теории референции) [56]. Указанные аспекты изучения ВЛ частично пересекаются.

Выявляются новые стороны проблематики ВЛ, связанные с развитием функционально-грамматических исследований. В частности, речь идет о характеристике ВЛ как функционально-семантического поля, о многоступенчатой семантической вариативности категориальных ситуаций с признаками Л и особенно НЛ [48, с. 210—233].

4.9. Рассмотренные Э. Кошмидером языковые факты, естественно, в тех или иных отношениях допускают и иные истолкования. Так, на наш взгляд, системно-грамматическое выражение различия Л/НЛ не может быть сведено к специальной оппозиции грамматических форм. К языковой системе относятся и более сложные способы комбинированного, комплексного выражения функций Л/НЛ с участием целого ряда взаимодействующих языковых средств. В русском

² Интересно, что на факты турецкого языка ссылается в своей книге 1947 г. Г. Рейхенбах. Речь идет о форме, называемой "tizagi", которая обозначает, по его мнению, повторение или длительность с акцентом на повторении, например, турецк. *görüürüm* обозначает "I usually see" [22, с. 291]. Возможно, обращение Г. Рейхенбаха к фактам турецкого языка было независимым от теории Э. Кошмидера, но нельзя исключить и влияния его работ (правда, ссылок на эти работы у Г. Рейхенбаха нет).

языке, как и в других славянских языках, рассматриваемое различие выражается при взаимодействии вида и времени, обстоятельственных показателей Л/НЛ, в сочетании с выражением конкретности/обобщенности субъекта и объекта, а также различных семантических типов предиката [48, с. 210—233]. Речь идет не о жесткой прикрепленности функции Л или НЛ к той или иной видовой форме, а о преимущественной сочетаемости форм СВ с признаком Л: в русском языке СВ может участвовать в выражении ситуации НЛ лишь при особых синтаксических и контекстуальных условиях [Л + / (—)], тогда как НСВ свободно выступает как в ситуациях Л, так и в ситуациях НЛ [17, с. 50—58, 61—112, 176—237].

Опора семантической оппозиции Л/НЛ на комплекс средств, относящихся не только к сфере предиката и его обстоятельственных характеристик, но и к сфере субъекта и объекта, представляет собой особый тип системно-языкового выражения — более сложного, чем оппозиция грамматических форм. Таким образом, на наш взгляд, категория ВЛ во всех случаях является не только семантической, но и собственно языковой (разумеется, различия в типах формального выражения — между грамматической оппозицией и "нежестким", подвижным комплексом взаимосвязанных разноуровневых средств — в полной мере сохраняет свою значимость).

Думается, что данное рассуждение в целом соответствует духу концепции Э. Кошмидера (ученому постоянно приходилось спорить с оппонентами, упрекавшими его в том, что он анализирует не языковую, а логическую категорию). Подчеркнем еще раз: воздействие рассматриваемой концепции на развитие проблематики ВЛ в современной лингвистике несомненно и плодотворно. Перед нами один из явных случаев "сильной теоретической интенции".

"Кoinциденция"

5.1. С именем Э. Кошмидера связано открытие, сделанное им в области общей лингвистической теории и соотнесенное с теорией аспектологии, но, к сожалению, в свое время оставшееся неизвестным широким кругам лингвистов, логиков и философов (и сейчас это открытие обычно не ассоциируется с именем Э. Кошмидера).

Случилось так, что явление "совпадения слова и действия", теоретически истолкованное Э. Кошмидером уже в его работе [43], изданной в 1929 г., привлекло к себе внимание лингвистов лишь в связи с публикацией лекций английского логика Дж. Ли Остина, прочитанных им в 1955 г. в Гарвардском университете и опубликованных в 1962 г. ([57], русский перевод — [58]; взгляды, лежащие в основе его лекций, сложились уже в 1939 г. [58, с. 22]). В лекциях Дж. Остина, изложение которых составило целую книгу, концепция перформативных высказываний получила глубокое и многоаспектное развитие, связанное с освещением целого комплекса логических и лингвистических проблем теории речевого акта. Углубленная разработка теории перформативов по праву связана с именем Дж. Ли Остина. Тем не менее приоритет в открытии явления перформативности (кoinциденции), безусловно, принадлежит Э. Кошмидеру (на это указал К. Трост [59]).

5.2. К открытию кoinциденции ("Koinzidenzfall") Э. Кошмидер пришел на основе осмысления видо-временных отношений в высказываниях типа *Прошу/попрошу билеты*. С самого начала проблема кoinциденции рассматривалась в общелингвистическом аспекте, на материале различных языков. Благоприятного отклика теория Э. Кошмидера, как он сам замечает, не находила. В работе 1945 г. он пишет: «Когда я почти двадцать лет тому назад работал над определением функций глагольного вида в славянских языках и зафиксировал для случая употребления немецкого презенса В *ich segne dich hiermit* "Я благословляю тебя" обозначение "случай кoinциденции" (Koinzidenzfall), я не нашел взаимности...» [4, с. 27].

5.3. Подход Э. Кошмидера к коинциденции в рамках аспектологии был связан опять-таки с вопросом "что это ты делаешь?". Объясняя, почему в случаях типа *Poprosze panstwo* " Попрошу господ" (когда говорящий приглашает гостей к столу), *Przyznam się...* "Признаюсь...", *Pozwolę sobie...* "Позволю себе..." и т.п. настоящее время совмещается с СВ, он указывает, что это не то настоящее, которое отвечает на упомянутый вопрос, а настоящее иного типа, выступающее в тех случаях, когда произнесение предложения как раз и есть данное действие. Имеет место совпадение (Koïnzidenz) слова и действия [19, с. 274].

5.4. В характеристике коинциденции, данной Э. Кошмидером, наиболее важными представляются следующие элементы: 1) определение самой сущности изучаемого явления как совпадения произнесения высказывания и действия; 2) ограничение коинциденции только глаголами речи (в широком смысле) и только 1 лицом [14, с. 163]; 3) внимание к тонким оттенкам, связанным с употреблением либо СВ, либо НСВ в данном типе высказываний [14, с. 165]; 4) истолкование коинциденции в связи с соотношением понятий "содержащегося в мысли" и "обозначаемого", на материале таких языков, как славянские, немецкий, древне-еврейский [19, с. 26—34].

В современных работах обсуждение проблематики коинциденции в связи с анализом функционирования видов во многих случаях соотносится с точкой зрения Э. Кошмидера (см., например [60, 61, с. 202—205]).

5.5. Э. Кошмидер создал целостную аспектологическую концепцию, в которой особое значение, на наш взгляд, имеют следующие компоненты и признаки: а) ономазиологический подход к анализу функционирования видов; б) осмысление системных связей видо-временных категорий; в) учение о категории временной локализованности; г) теоретическая интерпретация явления коинциденции (перформативности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю.С. // — ВЯ. 1966. № 5. Rec.: Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
2. Horbatsch O. Prof. Dr. Erwin Koschmieder // Mitteilungen, Arbeits- und Förderungsgemeinschaft der Ukrainischen Wissenschaft. Bd 13. München, 1976.
3. Schaller H. Koschmieder // Neue deutsche Biographie. Bd 12. B., 1980.
4. Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
5. Coseriu E. Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik // Sprachwissenschaft und Übersetzen. München, 1970.
6. Cose'iu E. Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik. Tübingen, 1987.
7. Кошмидер Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М., 1989.
8. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
9. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
10. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
11. Бондарко А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX века (К.С. Аксаков, А.А. Потебня, В.П. Сланский) // Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
12. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy. Wilno, 1934.
13. Koschmieder E. Aspektologie des Polnischen. Neuried, 1987.
14. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
15. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 101.
16. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965. С.411, 429—432.
17. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
18. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
19. Koschmieder E. Gesammelte Abhandlungen zur Phonetik, Phonologie und Morphologie der slavischen Sprachen. Neuried, 1979.
20. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IV. М., 1985.

21. *Падуцева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета (В поисках инварианта видового значения) // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
22. *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N.Y., 1947.
23. *Бондарко А.В.* О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
24. *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4.
25. *Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
26. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
27. *Vendler Z.* Linguistics in philosophy. Ithaca, N.Y., 1967.
28. *Daneš Fr.* Pokus o strukturální analýzu slovesných významů // SaS. 1971. № 3.
29. *Глобинская М.Я.* Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., 1982.
30. *Шелякин М.А.* Категория вида и способа действия: Теоретические основы. Таллин, 1983.
31. *Булыгина Т.В.* Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
32. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
33. *Lehmann V.* Kontextuelle Aspekt- und Tempussemantik im Russischen // Slavistische Beiträge. 1980. Bd. 138.
34. *Lehmann V.* Satzsemantische oder verarbeitungssemantische Aspektbeschreibung // Slavistische Beiträge. 1986. Bd. 200.
35. *Mehlig H.R.* Linguistische und didaktische Überlegungen zum Verbalaspekt im Russischen // Zielsprache Russisch. 1980. Hft 1.
36. *Мелиг Х.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое и зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
37. *Breu W.* Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie // Die Welt der Slaven. 1984. Jg. 29. 1. N.F. VIII. 1.
38. *Breu W.* Grammatische Aspektkategorie und verbale Einheit // Aspekte der Slavistik: Festschrift für Josef Schrenk. München, 1984.
39. *Breu W.* Zum kontrastiven Vergleich des Verbalaspekts im Englischen und Russischen // Probleme der Russischen Gegenwartssprache und Literatur in Forschung und Lehre: Materialien des Internationalen MAPRJAL-Symposiums. Marburg. 8—10 Oktober 1985. Hamburg, 1985.
40. *Dahl O.* Tense and aspect systems. Oxford; New York, 1985.
41. *Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
42. *Бондарко А.В.* Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1.
43. *Koschmieder E.* Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig; Berlin, 1929.
44. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. М., 1977. С. 90—91.
45. *Холодович А.А.* Залог. I: Определение. Исчисление // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970.
46. *Храковский В.С.* Конструкции пассивного залога: Определение и исчисление // Категория залога: Материалы конференции. Л., 1970.
47. *Johanson L.* Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. S. 136, 144—153.
48. *Бондарко А.В.* Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
49. *Панова Г.И.* О содержательных типах повторяемости действия в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
50. *Leinonen M.* Russian aspect, "temporal'naja lokalizacija" and definiteness / indefiniteness. Helsinki, 1982.
51. *Смирнов И.Н.* Типы временной нелокализованности действия в русском языке (на материале высказываний с формами настоящего и простого будущего времени): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1987.
52. Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
53. *Козинцева Н.А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями (на материале армянского языка в сопоставлении с русским). Л., 1991.
54. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
55. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3.
56. *Падуцева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 79—107.
57. *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford; New York, 1973.
58. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
59. *Trost K.* Extralinguistische Prozessualität und Verbalsemantik // Perspektiven der Philosophie. Neues Jahrbuch. 1980. Bd. 6. S. 277.
60. *Анресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // ИАН СЛЯ. 1986. № 3.
61. *Бондарко А.В.* К истолкованию понятия "функция" // ИАН СЛЯ. 1987. № 3.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Fougeron I. Prosodie et organisation du message. Analyse de la phrase assertive en russe contemporaine. P.: Librairie C. Klincksieck, 1989. 487 p.

В рамках комплекса наук о звуковом строе языка описания интонации оказываются беспрецедентно несопоставимыми. Факт этот — неоспоримый, требующий только объяснений, но не доказательств. Интонологам разных школ пока не удается построить общую систему формальных и содержательных единиц. В большинстве направлений преобладает достаточно простая концепция, восходящая к работам Н. Хомского — М. Халле. А именно, как в слове есть одно основное ударение, так и в предложении есть одно основное ударение (the main stress), к нему, путем постепенных трансформационных свертываний, можно свести все второстепенные ударения. Обычно носитель фразового акцента является последним ударным слогом. Если он перемещен к началу, то обычно имеет контрастное значение. Параллельно с ударением описывается мелодика, описывается тоже по-разному, но, как правило, независимо от акцента.

Между тем сложной проблемой интонационного описания до сих пор остается выбор исходных линейных единиц. Существует в реальности разбиение речевой единицы по слогам, и часто мелодически значимый рисунок осуществляется на базе слогов, необязательно относящихся к одному и тому же слову. Существует вполне реальный уровень слов, в разной степени (и это различие типологическое) сливающихся друг с другом в речевой цепи. Наконец, существуют укрупненные единицы, состоящие более чем из одного слова. Существует и синтаксис таких единиц. Все сейчас сказанное напоминает азы уровневой грамматики, обращенные к интонологии. Вместе с тем это не так: если отойти от воздействия графического гипноза, видно, как многомерно просодическое пространство, в разных точках которого могут осуществляться одни и те же функции. Как же быть исследователю? Очевидно,

недостаточно отталкиваться только от сегментных моделей: в них нет просодической "защепки". Неслучайно поэтому исследование интонации обычно осуществляется путем сопоставления не собственно синтаксических, а так называемых "коммуникативных типов", т.е. повествовательное предложение сравнивается с вопросительным, с повелительным и т.д. В то же время просто невозможно отталкиваться от чисто просодического потока фактов: без сегментной привязки они, градуальные по своей сути, размыты и не дискретизируются.

Методика исследования И.Фужерон кажется практически безупречной в своей продуманности. Она опирается на слово. Рассматриваются высказывания однословные, двусловные и трехсловные. В них исчисляются тектонические возможности допустимой перестановки слов. В двусловных и трехсловных высказываниях исследуются функции "фразовых акцентов" в разных позициях: *Отец вернулся — Вернулся отец — Отец вернулся — Вернулся / отец* и под.

В связи с этим необходимо, чтобы дать представление о значимости работы И. Фужерон, сделать несколько предварительных замечаний. Что исследовалось ранее по этой проблематике? Во-первых, много лет мелодика русского повествовательного предложения, из последних больших работ необходимо назвать книгу Н.Д. Светозаровой [1], однако вообще давать обильные библиографические справки нет необходимости: количество проработанной автором литературы видно по Библиографии к книге. Во-вторых, неоднократно изучалась интонация русского предложения с так называемым "логическим ударением" в разных позициях: *Петя купил книгу* (а не Сережа) — *Петя купил книгу* (а не получил в подарок) — *Петя купил книгу* (а не тетрадь) и т.д.

Однако стало очевидно, что все случаи

просодического подчеркивания слов в высказывания не сводятся к подобным "логическим ударениям". Например: *Он добился своего: Я три дня туда ходил; Цветут цветы, не погибли* и т.д. Такие структуры понимались как экспрессивные и/или инверсивные. Наконец, проявилась особенность предложений с просодическим выделением: они влекут за собой некий дополнительный смысл, меняющийся в зависимости от структуры фразы. Здесь необходимо прежде всего вспомнить пионерскую и почему-то не отмеченную И. Фужерон работу Н.С. Поспелова [2], очертившего смысловые сопровождения акцента в двусловном предложении: *Поезд пришел* (сообщение о приходе поезда); *Поезд пришел!* (а ждали чего-то другого); *Пришел поезд* (какой-то, которого не ждали); *Пришел поезд* (его очень ждали). В книге рецензента "Семантика акцентного выделения" [3] акцентное / выделение (АВ) отделено от фразового оформителя делимитативности высказывания (фразовое ударение — ФУ). Критериями же акцентной выделенности является наличие двух свойств: 1) просодическое выделение должно быть перцептивно активным, т.е., проще говоря, восприниматься всеми носителями языка именно как таковое; 2) оно должно обязательно вносить в смысл высказывания какую-то дополнительную смысловую строку: *Вернулся корабль* (а вы боялись!), *Я пять раз туда ходил* (слишком много) и т.д. Дополнительная семантика, как предполагалось, может найти свое воплощение как в непосредственно примыкающем контексте, так и в пресуппозитивном фоне. Однако в моей книге виды акцентного выделения не рассматриваются дифференцированно и тем самым оно предстает неким единым феноменом.

И. Фужерон, обобщив все кратко очерченные выше направления в изучении акцентированного высказывания, создает новую и достаточно стройную систему, мимо которой уже не могут пройти ни русисты, ни интонологи.

Структуры, обобщенные до формульного уровня (см. далее), связываются в книге с типом текста, в котором они могут или не могут употребляться, с ориентацией на правый или левый коммуникативный контекст, на содержательный аспект пресуппозиции коммуниканта, на функциональную семантику рассматриваемой структуры. Наконец, для каждого типа указывается его просодическая модель, отношение к тематическому членению и некоторой особенностью частеречного наполнения.

Все данные книги, богато оснащенной

экспериментальными фактами и лингвистическим материалом, обсудить невозможно, поэтому мы останавливаемся на том, что представляется особенно концептуально новым и важным.

Это, на наш взгляд, очерченная выше функциональная грамматика акцентно-просодических структур двусловных и трехсловных высказываний. Данные И. Фужерон были обобщены рецензентом для удобства анализа в виде краткого словарика, в котором в табличной форме для каждой структуры фиксировались перечисленные выше характеристики. Всего оказалось в книге 15 таких структур. Согласно концепции И. Фужерон, они равноправны, неэкспрессивны и не выводятся друг из друга. И это очень важно.

Основных двусловных структур пять. (Прописная буква в дальнейшем обозначает акцентированный элемент, α — субъект высказывания, β — предикат.)

1) α +В. Примеры: *Сегодня холодно; Отец работает* и под. Употребляется в нарративных текстах (как дебютная фраза или в середине) и в диалогах. Связана с правым контекстом: *Хозяин-то дома? Отец вернулся*. Пресуппозиция собеседника — утверждение некоего факта. Семантика структуры: дескрипционное описание или реплика-подтверждение. Особенность: если элемент α представлен в правом контексте, то в этой структуре он может быть элиминирован: *А где стакан? — (Стакан) разбился*.

2) В+ α . Примеры: *Занишет она; Игрлет Кирюша; На работе отец; Лихордит его* и т.д. Употребляется только в диалогах. Это — реплики или ответы. Пресуппозиция собеседника — утверждение факта. Семантика структуры: несогласие, негация пресуппозиции. Например: *Ваш-то отец опять с приятелями? — Работает отец*. Особенность: эта структура более внутренне связана, когезивна, чем α +В. При повторе актанта в ней можно заменить имя существительное на местоимение: *Татка все перепутает. — Занишет она*.

3) А+ β . Эта структура, пожалуй, самая увлекательная и более всех анализировавшаяся на материале разных языков. (Данные о ней см. в [4], где она была нами названа конструкцией "экстренного введения в ситуацию". И. Фужерон показывает ее еще более широкие возможности.) Примеры: *Ну, давайте прощаться: поезд идет; Стала разбирать сумки, слышу — Кирюша играет; Уволили или сам? — Завод закрыли* и т.д. Употребляется и в нарративных текстах, и в диалогах. Связана или с левым

контекстом, или вообще с нулевым. Структура полифункциональна. Это — перерыв в наррации, новая информация, объяснение ситуации, сообщение источника информации, дебютная фраза текста, в случае субьекта — местоимения может означать парадигматический контраст (le choix exclusif). Например: *Вы уходите? Оба? А как же телефон? — Вы ответите!* Особенность этой структуры ее глобальность, тотальная рематичность.

В этой структуре есть некоторое сходство до функции с балканским адмиративом и "категорией пересказывания". Так, например (с. 221), весьма изящно объясняются через различие структур $A+\beta$ и $\alpha+V$ те неочевидные смысловые связи, которые возникают в тексте без лобовой анафорики: (1) *Не знаем, куда в отпуск ехать. На Украине дожди. Отец вернулся. Все залило* (т.е. мы это узнали от вернувшегося отца). (2) *На Украине дожди. Отец вернулся* (т.е. он вернулся, потому что дожди. В первом же случае он мог вернуться и независимо от украинской погоды).

4) β/A . Примеры: *Разбился стакан. Все остальное — ни трещинки; Укачала его бабушка? — Спит бабушка. А малыш молчит* и т.д. Структура связана с левым и правым контекстом. Пресуппозиция собеседника — некое утверждение. Семантика структуры: частичное несогласие с собеседником, его коррекция, связанная часто с адверсативностью, во-первых, и, во-вторых, организацией некоторого центра парадигматического контраста. Особенность: обязательен просодический перепад между β и A . В ряде случаев β может быть опущено: *На вокзале купишь — [Привезете] Вы. Я и так нагружена*. Правый контекст часто начинается с адверсативного A .

5) VA . Примеры: *Подул ветер; Хлопнула дверь; Послышались шаги* и т.д. Эта структура употребляется только в описательных и нарративных текстах. Связана с правым контекстом. Будучи недIALOGИЧНОЙ, не имеет связи с пресуппозицией собеседника. Общая семантика: или начало наррации, или, напротив, ее резюмирование.

Тема-рематический анализ этих пяти структур приводит автора к выводу, что нужно ввести структуру $\alpha//V$: *Малыш // спит*.

Этим шести членам парадигмы актуального членения соответствуют, согласно экспериментальным данным И. Фужерон, четыре просодических модели (schémas). И здесь, обращаясь к просодии, необходимо подчеркнуть, что автор тоже принципиально различает два явления: фразовый акцент

(l'accent de phrase) и показатель фразового завершения (l'indicateur de fin de phrase). Приводятся экспериментальные доказательства этого различия (с. 99). Финальный показатель обеспечивается единством характеристик основного тона, длительности и интенсивности. Экспериментаторам-фонетистам интересны, в частности, данные по длительности: сопоставлялась протяженность конечной ударной и гласной под акцентом, если он не был конечным. Оказалось, что длительность не зависит от акцентированности, а определяется позицией, т.е. выполняет делимитативную функцию.

Характеристики четырех просодических моделей:

1) Подъем основного тона на предупредных и ударном первом компоненте, затем — слабые модуляции и резкое падение тона к ударному слогу (и на нем самом) второго, акцентированного, компонента. Длительность второго ударного больше, чем первого. Интенсивность понижается, начиная с первого ударного. Примеры: $\alpha+V$ — *Отец вернулся*; $\beta+A$ (вариант $\beta//A$) — *Работает отец* и т.д.

2) В мелодическом контуре имеется перепад. Он определяет и характеристики остальных параметров. Это $\alpha//V$ — *Малыш // спит*; $\beta//A$ — *Принесли // газету*.

3) Резкий подъем основного тона на ударном слоге первого компонента, затем некоторая стабилизация тона вплоть до падения на ударном слоге второго компонента, так что весь тон относительно высок, соответственно высока и интенсивность. Это полностью рематичные фразы VA : *Идем дождь; Вернулся отец* и т.д.

4) Подъем к ударному слогу первого компонента, затем, после этого, падение. Типы: $A+\beta$ — *Стакан разбился*; $V+\alpha$ — *Вернулся отец* и т.д.

Со сходных позиций в книге анализируются и трехсловные высказывания, описание которых составляет почти половину книги. Три компонента: это s (субъект), v (предикат) и некий третий компонент c (обычно это дополнение или обстоятельство). Естественно, что число перестановок их трех составляющих + мена акцентирования дает большое число возможностей, поэтому приведем для примера лишь несколько структур и их характеристики.

cvS .

Пример: *В Москву поедет сестра; Кофе просит мамочка* и т.д. Встречается и в нарративных текстах, и в диалогах. В диалогах связана с левым и правым контекстом; выполняет функции парадигмати-

ческого контраста: мамочке, а не мне. В рассказе выступает как "мининаррация", связана с правым контекстом, обозначает начало или перерыв сюжета. Особенность: эта структура более когезивна, чем vcS .

vSc , vcS .

Примеры: *Поехала сестра в Москву; Купил часы Володя*. Обе структуры принадлежат нарративным текстам, обе они связаны с левым и правым контекстом, обе полностью рематичны. Однако они различаются тонким дифференцированием смысловых связей: vSc обычно предваряет сообщение о действиях S (Что потом сделала сестра?), а vcS предваряет характеристику S (Почему Володя? Потому что он такой-то и такой-то).

Особое место в книге уделяется причинам выбора расположения безударных компонентов s и v . В частности, исследуются ритмические предпочтения, связываемые с общими ритмическими тенденциями русского языка. С другой стороны, анализируются и лексико-грамматические факторы: лексическая характеристика глагола, его видо-временные показатели, тип обстоятельства, обозначаемого через s , и под.

В последнем разделе обсуждается вопрос о возможности выделения маркированной темы в трехкомпонентном высказывании.

Выделяются несегментируемые, полностью рематичные структуры, обычно Svc и Scv ; высказывания с акцентированным компонентом в середине или в конце, в которых глагол занимает начальную позицию. Они являются единым компонентом. Остальные могут расчленяться на тему и ремю (структуру $R+T$ автор отрицает, считая, что компоненты после R есть дополнения к реме). Возможно выделение в тему и двух компонентов, и одного — начального: $s//vC$; $c//vS$; $sc//V$; $cv//S$; $vc//S$.

Таким образом, И. Фужерон приходит к выводам (с. 446):

В русском языке существует два полностью рематичных типа высказываний:

1) $A\beta$, $V\alpha$, SVC , Scv , где начальное акцентирование никак не связано с экспрессивным содержанием; эти модели обычно ориентированы на левый контекст; они отрицают то, что утверждается или предполагается собеседником; могут, не отрицая, объяснять ситуацию;

2) модели с центральным или конечным акцентом, где предикат всегда предшествует субъекту. Эти модели связаны с правым контекстом, по своей функции они дескриптивны.

Им противостоят два сегментированных типа, всегда с последовательностью $T+R$

(последовательности $R+T$ не существует): а) модели с немаркированной темой; немаркированность показывает просодия; б) модели с маркированной темой: $\emptyset//R$, где перерыв в звучании обязателен. Это либо перечисление, либо синтагматический контраст (*contextes adversatifs*). Маркирование темы связано с типом текста (беседа или рассказ) и с отношением к пресуппозиции собеседника: объяснение причин, отрицание пресуппозиции и т.д.

Охарактеризовав общие выводы автора, мы в заключение хотели бы высказать ряд полемических замечаний.

Создается впечатление, что автор уходит от трех важных вопросов интоналогии.

Первый — это проблема признания/непризнания существования безакцентных, или неакцентированных, высказываний. Казалось бы, различая показатель конца высказывания и фразовый акцент, можно легко принять позицию, согласно которой существуют высказывания с показателем делимитативности, но не имеющие акцента в своей структуре. Такие высказывания, на наш взгляд, обильно представлены и в книге И. Фужерон. Например (связный текст, с. 302): "На перроне сновали носильщики. Они подбегали к встречающим и предлагали свои услуги. Народу было так много, что я боялась, что в суматохе прогляжу Андрея". В этом тексте, где для первой фразы отмечается структура cvS , мы считаем реально акцентированным только слово *много*, а первую фразу — неакцентированной. Если принять существование безакцентных высказываний, как будто бы вытекающее и из основных позиций автора, то станет очевидно, что в реальности начинают различаться противопоставленные $cv\alpha$ и cvS . Например: *Нет, это были не туристы: на перроне сновали носильщики*. В свете сказанного возможно и различие $V\alpha$ и va : *Что ты так насторожился? — Пахнет дымом. Я определено это чувствую. И — Тихо. На улице пустынно. Пахнет дымом. Где-то проехал поезд* и т.п. Более того, эта возможность различения охватывает и область однословных высказываний, которые анализируются автором в зависимости от функциональной предназначенности (на этой небольшой первой главе мы сознательно не останавливались). Ведь и здесь возможно различие: *По-моему, сегодня неплохая погода. — Холодно и ср.: Ну, как сегодня? — Холодно* с безакцентным произнесением.

Вторая проблема — это отношение к логоцентричности подхода к интонационным явлениям. Главы называются: *Les*

phrases à deux composants, Les phrases à trois composants. На самом деле, речь идет о двусловных и трехсловных высказываниях. Между тем "составляющей" (концепт, введенный С.В. Кодзасовым) могут быть конструкции однословные, двусловные и трехсловные. Например: *Какие языки Вы знаете?* и *Какие языки Вы знаете?*. В этом случае *Отец ушел на работу* и *Ее отец ушел на работу*, безусловно, просодически идентичны. Логоцентрическая ориентация приводит к тому, что автору становится нужным доказывать тождество интонации у *Отец работает* и *Отец на работе*, хотя априори ясно, что многие частеречные различия в интонации нейтрализуются. Таким образом, подмена "составляющей" словом обязательно уводит от основного и серьезного вопроса о том, что же такое на самом деле "составляющая" в интонации, т.е. ее базовая единица. Естественным образом этот вопрос связан и с тем, какова протяженность в высказывании того, что И. Фужерон называет "информационным ядром" (le noyau informatif). Ведь оно тоже может не совпадать по объему со словом, а быть словосочетанием или, напротив, компонентом слова (отрицательная частица, в частности).

Все это подводит к третьей проблеме, связанной с маркированием темы. А именно: *Сумку мама//купила//, а туфли//нет;*

Сестра в Москву//поедет и т.д. Это вопрос о членении высказывания на синтагмы и об отношении автора в этому понятию, столь привычному и принятому в отечественной интонологии и связанному с именем Л. Шербы. Если считать высказывание *Сестра в Москву//поедет* двусинтагменным, то тогда возникают интонационные параллели вроде *Любишь кататься//пойдем на каток* и т.д. Из какого же числа компонентов состоит такое высказывание — из четырех (если по словам) или из двух (если по синтагмам)?

Однако в любом случае фундаментальная монография И. Фужерон представляет цельную и последовательную концепцию. Полагаем, что познакомиться с ней следовало бы широкому кругу русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
2. Поспелов Н.С. О синтаксическом выражении категории определенности-неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970
3. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
4. Николаева Т.М. "Экстренное введение в ситуацию" // Звуковой строй языка М., 1979.

Николаева Т.М.

Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1990. 183 с.

В 1990 г. исполнилось 100 лет со дня рождения широко известного русского лингвиста Н.С. Поспелова. К этой дате и приурочено издание его избранных работ. Сто лет — это много. И, казалось бы, книга может иметь ценность только для истории языкознания. Она ее и имеет. Но парадокс в том, что книга одновременно и весьма современна. Достаточно сказать, что последняя работа Н.С. Поспелова увидела свет в 1976 г., а срок в 14 лет для науки совсем не "исторический" срок. Лингвистические идеи Н.С. Поспелова — это живые идеи: например, основы его концепции сложного предложения прочно удерживают свои позиции.

Избранные работы Н.С. Поспелова сгруппированы составителем книги Е.А. Иванчиковой в два раздела: "Общие вопросы

грамматики русского языка" и "Вопросы синтаксиса русского языка". Собранные воедино основные работы Н.С. Поспелова, многие из которых являются библиографической редкостью, дают возможность понять глубинную суть лингвистических воззрений ученого, их философскую основу.

Долгие годы Н.С. Поспелов проработал бок о бок с В.В. Виноградовым и, несомненно, следовал одному из основополагающих требований академика к языковому анализу — необходимости учета всего многообразия языкового материала. Н.С. Поспелов искал свои пути для такого всеобъемлющего анализа. В этом плане стоит обратить внимание на следующее. Н.С. Поспелов редко пользовался в своих работах термином "языковой знак", однако подход к языковым явлениям осуществлял именно

с позиций языка как знаковой системы, если видеть в знаке вслед за Ф. де Соссюром и русской Фортунатовской школой неразрывное единство означаемого и означающего. Большая статья "О лингвистическом наследстве С. Карцевского", одного из русских последователей Женевской школы, была для Н.С. Пospelова далеко не случайной. Для Н.С. Пospelова оказалась особенно весомой идея С.О. Карцевского об асимметрическом дуализме лингвистического знака как скрещении омонимии и синонимии (с. 49). Эта идея была важна для Н.С. Пospelова прежде всего потому, что позволяла объяснить все те многочисленные значения, которые обретает знак, функционируя в различных семантико-синтаксических окружениях. В своих статьях о категории времени глагола Н.С. Пospelов стремится не просто выявить всю сложную и пеструю картину временных значений глагола, но и найти объяснение тому, почему развивается определенный круг этих значений. Программный характер имеет в этом плане большая опубликованная в 1966 г. в "Вопросах языкознания" (№ 2) статья "О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке", где на с. 17 сказано: "В основу семасиологического разграничения грамматических значений в формах глагольного времени в их синтаксическом употреблении в качестве сказуемых следует положить глубокое, коренящееся в самой природе речи различие между двумя планами высказывания: 1) планом свободной речевой деятельности говорящего, не ограничиваемой никаким специальным заданием, т.е. планом коммуникации, и 2) планом информации, ограничиваемой своим значением — сообщения о событиях в рассказе о прошлом, при регистрации происходящего в настоящем или программировании предстоящего, имеющего произойти в будущем". Между двумя рядами грамматических значений времени существует, по мнению Н.С. Пospelова, диссимметрическая противопоставленность. Диссимметрическая противопоставленность понимается, как отмечает во вступительной статье Е.А. Иванчикова, в широком филоловском плане — в духе воззрений Л. Пастера, П. Кюри и В.И. Вернадского.

Анализ языковых явлений в единстве означаемого и означающего привел Н.С. Пospelова к созданию оригинальной концепции сложного предложения. Большой положительный отклик и признание получила разработанная в рамках этой концепции классификация сложноподчиненных предложе-

ний на одночленные (нерасчлененные) и двучленные (расчлененные). Интерпретацию эта классификация Н.С. Пospelова получила весьма различную (ср. [1, 3, 5]). Здесь не место для анализа этих различий, но об одном все же хотелось бы сказать. Суть семантических различий одночленных/двучленных предложений Н.С. Пospelов видел в их логической структуре. Он прямо писал: "При разграничении групп сложноподчиненных предложений необходимо опираться на те различия между ними, которые устанавливаются на основе логической двучленности или одночленности сложных предложений" (с. 142). Думаю, что идея логической интерпретации различий одночленных и двучленных сложных предложений в наше время обостренного внимания к логическому анализу естественного языка, к логике обыденного мышления еще ждет своей оценки и развития.

Детальный анализ означаемого многих синтаксических явлений часто приводит Н.С. Пospelова к весьма нетривиальным решениям. Хотелось бы в этом плане обратить внимание на одну из последних небольших работ Н.С. Пospelова "Об однородности и сочинении", с которой большинство читателей познакомится впервые, поскольку эта работа увидела свет в малотиражном издании Владивостокского университета. Считается как нечто само собой разумеющееся, что сочинительные союзы есть показатель однородности соединяемых ими членов, также однородными признаются бессоюзные перечислительные ряды. Н.С. Пospelов подходит к этим явлениям дифференцированно, полагая у них разное значение (означаемое). «Сочинительная связь, — писал он, — объединяет семантически "неоднородные", несинонимические элементы в предложении, например, *город и деревня, отец и сын*. В однородных же перечислительных рядах и семантически неоднородные слова и выражения рассматриваются как однородные, "синонимизируются"» (с. 125). Последнее иллюстрируется блистательной строфой из "Евгения Онегина" А.С. Пушкина: "... Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Бухарцы, сани, огороды / Купцы, лачужки, мужики. / Бульвары, башни, казаки. / Аптеки, магазины моды, / Балканы, львы на воротах / И стаи галок на крестах".

Анализ языковых явлений во всем многообразии их употребления никогда не уходит Н.С. Пospelова от поиска языковых сущностей этих явлений, от поиска их языковых констант. Это подтверждают и уже упомянутые работы Н.С. Пospelова

о сложном предложении; это подтверждает и статья "Предложение как формула и предложение высказывание", которая заканчивается таким емким сравнением: "Предложение подобно стволу дерева и питающему его корню; высказывания же, это само дерево с раскидывающимися в разные стороны ветвями, покрытыми листвой с венчающей все дерево кроной" (с. 123); это подтверждает и анализ категорий состояния как особой части речи, основной отличительной особенностью которой в общей системе частей речи Н.С. Поспелов считал "... аналитические формы выражения грамматических категорий времени и наклона..." (с. 26).

Не менее отчетливо проявляется в работах Н.С. Поспелова стремление отграничить языковые единицы от объединений этих единиц в тексте. Н.С. Поспелов разработал понятие сложного синтаксического целого. «Сложное синтаксическое целое есть такое сочетание слов или предложений в связной речи, "из которого видно значение составляющих его элементов" и которое поэтому, в отличие от предложения, действительно обладает в связной речи замкнутой синтаксической структурой и выражает законченную мысль высказывающегося» (с. 117). Это понятие открывало для лингвистики пути к познанию структуры текста.

Плодотворность многих своих концепций, в первую очередь концепции грамматических значений времени глагола-сказу-

емого, Н.С. Поспелов демонстрирует при анализе поэтического синтаксиса "Евгения Онегина" (с. 153—165).

Работу по отбору избранных трудов Н.С. Поспелова, как уже говорилось, взяла на себя Е.А. Иванчикова. Этот труд заслуживает самой высокой оценки. У меня, к сожалению, есть единственное замечание. Стоило бы найти место в книге еще для одной работы Н.С. Поспелова (см. [4]). Эта статья сыграла большую роль в деле разработки концепции бессоюзного сложного предложения (см. [2, 6, 7]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
2. Дорошенко С.И. Сложные бессоюзные конструкции в современном украинском языке. Харьков, 1980.
3. Максимов Л.Ю. Сложноподчиненные местоименно-соотносительные предложения и их место в классификации нерасчлененных предложений // Уч. зап. МГПИ. им. В.И. Ленина, 1970. Т. 332.
4. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
5. Русская грамматика. Т II. М., 1980.
6. Чайковская Н.Н. Бессоюзное изъяснительное предложение. Алма-Ата, 1988.
7. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

Ширяев Е.Н.

Манаенкова А.Ф. *Словарь русских говоров Белоруссии.* Минск: Университетское, 1989. 232 с.

В последние десятилетия наряду с большой работой по изучению диалектов на территории распространения русского языка ведется интенсивное обследование русских говоров, находящихся на иноязычных территориях.

Итогом 35-летнего интенсивного труда по изучению русских говоров Белоруссии явился выход в свет в конце 1989 г. "Словаря русских говоров Белоруссии" А.Ф. Манаенковой. Словарь составлен на базе лексического материала, собранного автором в русских старообрядческих говорах Ветковского и Добрушского районов Гомельской области Белоруссии. Южнорусские (курско-орловские по происхождению, как доказала в своих научных трудах

А.Ф. Манаенкова) говоры расположены в юго-восточной части Белоруссии. Первое упоминание о появлении здесь русских старообрядцев относится к 1684 г. Пришли они сюда из-под Стародуба, где нашли первое пристанище во время гонений со стороны царского правительства. Когда Стародуб перестал быть надежным местом, русские старообрядцы переселились на белорусскую территорию, которая входила тогда в состав Речи Посполитой, и обосновались в урочище, названном Веткой. Пришло сюда и много других старообрядцев, расселившихся вокруг и образовавших десятка два слобод. Вся эта совокупность русских населенных пунктов стала называться Веткой (сейчас это название носит и город, выросший на

месте первого селения бежавших сюда три века назад русских старообрядцев). Как отмечают исследователи, состав жителей русской Ветки неоднократно менялся, однако более двух веков назад этноязыковой состав жителей этого небольшого региона обрел постоянство. Полного же внутреннего единства между говорами всех ветковцев не было. Будучи все южнорусскими, как доказано, они и сейчас сохраняют черты своей принадлежности к разным частям этого наречия.

Материал для своего словаря А.Ф. Манаenkova собирала в десяти селах Ветковского и Добрушского районов Гомельской области.

"Словарь русских говоров Белоруссии" содержит, по подсчетам рецензента, 5290 реестровых слов. В него вошел богатый, уникальный лексико-фразеологический материал.

Словарь охватывает разные лексико-семантические пласты слов — наименования одежды, обуви, головных уборов: *азытка* "широкая, со сборами или складками, длинная юбка на поясе либо проймах, обычно украшенная оборками или ворсистой тесьмой", *атласка* "шелковый головной платок", *бабейка* "кофта", *брыжовка*, 1) "широкая, из белой ткани, обшитая кружевом нижняя юбка"; 2) "легкое, с широкими рукавами, с оборкой, платье, которое женщины надевали в сенокос" и др.; наименования кушаний: *ббйка* "блюдо из тертого картофеля и простокваши, тушенное в печи", *заливнка* "зажаренные в тесте кусочки огурцов или рыбы", *затирха* 1) "каша из муки"; 2) "суп из муки", *калачник* "сдобная запеканка", *пшеничник* "пшеничный коржик", *пшенник* "пшенная молочная каша, приправленная маслом и яйцами", *пшенянка* "каша из зерен пшеницы", *сгибень* "пирог с луком" и т.п.; обрядовую лексику: *входины* "новоселье", *выглядки* и *выгляды* "смотрины", *девятины* "поминки в девятый день после смерти", *закладыны* "начало постройки дома и пирушка по этому поводу", *кончiny* "окончание строительства жилого или хозяйственного помещения и угощение по этому поводу", *начал* "часть свадебного обряда между сватовством и венчанием, помолвка" и мн.др.; наименования емкостей: *аршинька* "кадка высотой в аршин", *балейка* и *балей* "деревянное или железное корыто; лохань", *бук* "выдолбленная из дерева кадка для стирки и отбеливания белья, холстов", *водянка* "деревянный сосуд для хранения воды" и др.; названия игр: *беганя*, *буля*, *высека*, *высекалка*, *гылка*, *джигут*, *жмурючки*, *ключи*, *колечко* и др.

(автор Словаря толкует названия игр в отличие от остальной лексики общо, выражениями: детская игра, название игры, род молодежной игры и др., а суть понятия раскрывается с помощью пространной иллюстрации); названия людей по профессии или роду занятий: *балалайнист* "балалаечник", *ббйщик* "человек, производящий убой скота", *колотник* "человек, оповещающий о пожаре", *медовник* и *медовник* "пчеловод", *полетник* "сезонный работник на лето", *шведгор* "спасожник" и десятки других; ботанические названия: *богородицына травя*, *травя*, *травя* "чабрец", *бугун* "багульник", *бузд* 1) "сирень"; 2) "черемуха", *глистовник* "травя пижма", *мычка* "травя белоус", *поддбрык* "гриб, похожий на боровик; ложный боровик" и мн. др.; зоологические названия: *баранчик* "болотный кулик, бекас", *бык* "птица выпь", *дупель* "дятел", *кекерь* "тетерев", *книга* "птица чибис" и др. К зоологической лексике необходимо отнести и слова-междометия, которыми в русских говорах Ветки отгоняют, пугают или подзывают животных, птиц. Таких слов в Словаре около 60. К ним относятся, например, междометия: *азд* "окрик, которым отгоняют собак", *алд* "окрик, которым отгоняют свиней" и т.д.

Большое место в Словаре занимает оценочная лексика. Это такие слова, как *алкуш* "крепкий, упитанный человек", *безделух* "бездельник", *благун* "тот, кто постоянно противоречит", *колотник* "жадный, скупой человек", *непрочень* "ленивый человек", *няжня* "высокомерный, заносчивый человек", *ухмыра* "утрюмый человек" и т.д.

В Словаре много оригинальных слов, а также редких слов, не зафиксированных другими русскими диалектными словарями. Например: *базароват* "продавать или покупать что-либо на рынке", *безуменка* "доска толщиной 30—33 мм", *бодакуй* "бодливый", *быстроговор* "человек, который говорит очень быстро", *встряхивать* "встряхивать", *гузеница* "слепая кишка", *держать* "быть женатым на ком-нибудь", *задерливый* "драчливый", *настевики*, ед. *настевик* "лапти из лыка или пеньки", *настойчиватый* "настойчивый", *облакатся* "наплакаться", *побирец* "нищий", *танцурист* "танцор", *толковитый* "толковый, умный", *трудоимый* "трудолюбивый" и сотни других.

Есть в словаре и определенное количество семантических диалектизмов: *банкэт* "песчаная насыпь для проезда через болото", *бедд* "двуколка", *бог* "икона", *болтовня* "корм для скотины; мякина с мукой", *брат* "убирать лен, выдергивая его из земли", *душд* "грудь", *твердый* "неприветливый", *темный* "слепой" и т.д.

Словарь А.Ф. Манаенковой включает большое число многозначных слов, например, *ба́бить*, *бла́гий*, *вершо́к*, *горбо́жа*, *за-лоба́нить*, *мартова́к*, *подвечерки*, *юшка* и мн.др. Словарные статьи дают развернутую систему значений.

Рецензент сопоставил реестр Словаря А.Ф. Манаенковой с реестром вышедших 24 выпусков сводного академического "Словаря народных говоров" (СРНГ) (М.; Л. 1965—1989) и пришел к следующим цифрам и выводам. В реестре СРНГ (вып. 1—24) отсутствует 1615 русских диалектных слов и значений, зафиксированных в Словаре А.Ф. Манаенковой. Из-за ограниченного объема рецензии назовем лишь некоторые из таких слов: *благові́на* "залежная земля, голока", *бокова́тый* 1) "застенчивый, стеснительный; сторонящийся людей"; 2) "недоброжелательный", *врёдовать* "капризничать", *вырубняк* "место вырубки леса", *гребарка* "канные грабли", *гриба́н* "сильный ветер", *доббистый* "энергичный, умеющий добиться чего-либо", *дорба́д* "хороший урожай", *жи́лина* "топкое болото", *жура́вка* "цепочка, косцов, идущих один за другим", *засядушек* "маленький хлебец, испеченный из остатков теста", *зэлик* "человек, знающий лечебные травы", *имжэнь* и *имжэ́нка* "состояние погоды между туманом и моросящим дождем", *кара́йка* "толстая шея" и т.д.

В процентном отношении это выглядит следующим образом. Сравнения показали, что в вышедших 24 выпусках СРНГ отсутствует 62% диалектных слов и значений слов, зафиксированных в Словаре А.Ф. Манаенковой. Для объективности рецензент из процентного подсчета исключил 555 белорусских слов на А—О в русских говорах Ветки (о белорусском влиянии на старообрядческие говоры Ветки см. ниже) и 59 русских литературных слов, включенных автором (считаем, необоснованно) в реестр рецензируемого словаря, таких, как *аккура́т*, *выпаивать*, *выпоить* "выкармливать новорожденных телят молоком", *зимник* "дорога, по которой ездят только зимой", *надоеда* "надоедливый человек" и т.д. Такую неполноту реестра СРНГ можно объяснить тем, что СРНГ начал составляться на первые буквы намного раньше, чем велось изучение русских островных говоров Белоруссии, и осуществлялось составление на базе лексических материалов этих говоров Словаря А.Ф. Манаенковой.

Уникальность, оригинальность, богатство диалектного материала русских говоров Ветки можно, объяснить в основном тем, что эти говоры давно "оторвались" от своей материнской основы, бытовали в течение столетий в окружении иноязычной среды

и сохранили свои старые языковые особенности, которые в материнских говорах могли уже давно утратиться, нивелироваться под влиянием русского литературного языка. Русские говоры Ветки могли развить также свои особенности не без влияния белорусского языкового окружения.

Хорошо сохранив исконную русскую диалектную лексику и в то же время находясь на протяжении столетий в белорусском языковом окружении, русские старообрядческие говоры Ветки испытали на себе значительное воздействие белорусского языка. В реестр ветковского словаря включено 959 белорусских слов. Назовем некоторые из них: *ба́чить* "видеть, смотреть", *вар* "кипяток", *вартovníк* "сторож", *виновдтити* "обвинять", *вўсьень* "гусеница", *гульта́й* "бездельник, лентяй, гуляка", *дарма́* "напрасно, попусту, зря"; *ка́зка* "сказка", *каплиця* "часовня на кладбище", *ковне́р* "воротник", *меши́тъ* "пахать землю вторично", *му́ро́з* "мурава", *нако́нт* "насчет", *напри́клад* "например", *нахили́ться* "наклониться", *па́пел* "пепел, зола", *принáдити* "приманить", *сёння* "сегодня", *сто́ль* "подолок", *сыродо́й* "парное молоко", *ти* "или, ли", *ша́фа* "шкаф", *я́ешня* "яичница; омлет" и т.д.

Влияние белорусского языка на русские говоры Ветки наблюдается также и в производстве оригинальных слов, образованных от основ белорусской лексики. Таких слов в Словаре А.Ф. Манаенковой насчитывается около 100 единиц. Среди них: *буркота́* "ворчун" (сопоставимо с белорусскими глаголами *бурча́ць*, *бурката́ць* "ворчать"), *гле́йный* "глинистый (белорусское *гле́й* "вязкая глинистая почва"), *буслы́ха* "самка аиста" (образовано от белорусского *бу́сел* "аист"), *куто́чный* "угловой, расположенный в углу" (от белорусского *куто́к* "угол"), *лётошник* "годовалое домашнее животное" (от белорусского *лёташні* "прошлогодний"), *нату́рный* "упрямый" (вм. белорусского *нату́рлівы* с тем же значением), *отру́ть* "отрава, яд" (от белорусского *атру́та* "отрава"), *пахі́на*, *пахові́на*, *пахови́ца*, *пахови́ца* (от белорусского *па́ха* "подмышка"), *упока́тую* "впывалку" (от белорусского *упо́кат* "впывалку") и т.д. Абсолютное большинство последних слов отсутствует в словарях белорусского литературного языка и его говоров и должно занять место в СРНГ (да многие уже там и есть, см. слова *лётошник*, *нату́рливый*, *мула́*, *нахмарі́вать*, *непослухме́ный* и др.).

На примере Словаря видно и белорусское фонетическое влияние на русские говоры Ветки: отвердение звука *p* (*бру́ква* вм. *бры́ква*), приставной звук *v* (*вб́бжа* вм.

обжя, пивон в м. пивн), приставочный элемент у- вместо в- (*увсвал, увечари, удвух, убкват, усклады*). К сожалению, в реестре словаря А.Ф. Манаенковой (это одно из немногих замечаний рецензента) мы не найдем слов *увсвал, увечари, удвух, убкват, усклады*, так же как и слов *вусень, вбка, вость, хтось, штось, што-небуду, збутуриць* и др. Все они неоправданно поданы в реестре в русском написании: *всвал, ввечаре, вдвух, вбкват, усень, вбо, ось, ктось, штось, што-небуду, збутуриць* и др. В иллюстративных же примерах все последние слова приведены с белорусскими фонетическими особенностями (*удвух, вусень, вбка, хтось, што-небуду, збутуриць* и т.д.).

На базе Словаря А.Ф. Манаенковой замечена (пока что толком не объясненная учеными) связь на лексическом уровне русских старообрядческих говоров Ветки с далекими от них географически северо-восточными белорусскими говорами (рецензент является автором многих работ по северо-восточным белорусским говорам). Мы нашли в ветковском словаре 140 слов, отмеченных и на северо-востоке Белоруссии и неизвестных другим белорусским говорам, например, *аюць* "окрик, которым гонят свиней", *болмотаць* 1) "говорить неразборчиво"; 2) "говорить много, болтать вздор", *вешаць* "вешалка в предбаннике", *взвале* "склон, поросший лесом, с обрывами и оврагами", *вздблеть* "смочь, быть в силах сделать что-либо", *вцёло*. ♦ *Вцело ехать* "ехать по снежной целине", *выкат* "вырез в легкой женской одежде", *гусенёнок* "гусенок", *изруб* "сруб", *лбкаць* "пить жадно, шумно", *молодня* "молния", *отечество* "отчество", *перепелёсы* "пестрый", *тухляк* "тухлое яйцо", *шума* "мусор", *яственны* "ясный" и т.д.

Словарь А.Ф. Манаенковой относится к словарям дифференцированного типа. В задачи автора входило: 1) по возможности максимально отразить русскую диалектную лексику; 2) включить белорусские заимствования, усвоенные говорами в большей или меньшей степени; 3) из слов, общих с литературными русскими, представить лишь те, которые существуют параллельно с белорусскими эквивалентами, чтобы не создалось впечатление о полном вытеснении их последними (например: *картошка бульба*). С поставленными задачами автор Словаря успешно справился.

Словарная статья в Словаре построена по образцу дифференциальных словарей. Имеются все необходимые компоненты такой статьи: заглавное слово с ударением, грамматические пометы (*м., ж., мн., нареч., сов., перех.* и т.д.), порядковый номер зна-

чения слова, оттенки значения следуют за знаком //, дефиниция, иллюстрация. После иллюстрации дано в сокращении название населенного пункта, где записан пример. Устойчивые сочетания приводятся в конце словарной статьи за черным ромбом. Заглавное слово дано в орфографическом написании, а иллюстративный материал — в упрощенной транскрипции.

По сравнению с другими диалектами словарями Словарь А.Ф. Манаенковой отличается лаконичностью, точностью толкований лексики. Составитель в зависимости от конкретных слов пользуется разными видами толкования. В подавляющем большинстве случаев к слову дается описательное толкование. К диалектному слову приводится литературное соответствие. Значение слова может раскрываться и несколькими синонимами. Синонимы даются отсылками, например, *гомонкбй* "то же, что говоркой" *книженца* "то же, что вежевика".

В Словаре имеется значительное количество словообразовательных синонимов, например, *гостеприёмный, гостеприёмчивый, гостеприёмчивовый; добытливый, добытнбй, добыточный, добычнбй; доверчатый*. Такие слова также сведены к одному из синонимов с помощью отсылочного выражения "то же, что...".

Обращает на себя внимание богатство иллюстративного материала. Порядок следования примеров обычно отражает алфавитный порядок наименований населенных пунктов, в которых записаны иллюстрации.

Состав Словаря позволяет также видеть словообразовательные особенности лексики русских говоров Ветки, ср.: *гостеприёмчивовый* "гостеприимный", *далённый* "неблизкий", *далнозбры* "дальнозоркий", *дуплёвый* "дуплистый", *завидливый* "завистливый", *задёрливый* "драчливый", *задёрчиватый* "задиристый", *обидчиватый* "обидчивый", *отёсливатый* "сырой, недопеченный (о хлебе)", *приманчиватый* "приманчивый" и т.д.

Словарь отражает все особенности народного языка старообрядцев Ветки.

К Словарю приложена карта, куда нанесены населенные пункты Ветковского и Добрушского р-нов Гомельской области, в которых компактно проживает русское старообрядческое население и где записывался автором языковой материал.

Благодаря Словарю А.Ф. Манаенковой специалисты-языковеды получили уникальный лексический (и не только лексический) материал, который также обязательно должен войти в СРНГ.

"Словарем русских говоров Белоруссии", монографиями "Лексика русских говоров

Белоруссии" (Минск, 1973), "Русско-белорусские языковые отношения" (Минск, 1978), многими другими научными трудами проф. А.Ф. Манаенкова внесла большой вклад в разработку проблем контактирования близкородственных языков.

Рецензируемый Словарь будет во многом полезен также историкам, этнографам, специалистам других областей знаний.

"Словарь русских говоров Белоруссии" А.Ф. Манаенковой хорошо издан (благодаря типографии "Победа" города Молодечна), является в сущности энциклопедией материального и духовного мира старообрядцев Ветки, а его обширный иллюстрационный материал — хрестоматией по русской диалектной речи жителей отмеченного региона и памятником Ветковскому и Добрушскому р-нам Гомельщины и их населению в прямом смысле слова, ибо из-за чернобыльской катастрофы жители указанных районов, сильно пострадавших от атомной радиации, переселены сейчас со своих

постоянных мест проживания в новые, безопасные места Белоруссии.

Наконец, нельзя не сказать о том, что желательно было бы, чтобы рецензируемый словарь имел не такое обобщенное название, как "Словарь русских говоров Белоруссии", а более конкретное, скажем, "Словарь русских старообрядческих говоров Ветки" (или Ветковского и Добрушского р-ов Гомельской области) или "Словарь русских ветковских говоров". Дело в том, что в Белоруссии, в основном в северо-западных р-ах Витебской области (Миорском, Глубокском, Браславском, Шарковщинском, Поставском и др.), до сих пор компактно проживает большое количество русских старообрядцев, предки которых пришли на данную территорию несколько веков назад из псковских земель. Изучение русских старообрядческих говоров Витебщины — неотложная задача языковедов.

Кривко Н.Н.

Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов: изменения значений. Будапешт: Танкеньвиадо, 1989. 288 с.

Изучение способов действия (СД) остается одной из актуальных проблем общей и русской аспектологии. В лавинообразный поток публикаций, ставящих своей задачей классификацию СД, разработку СД как типовых сигнификативных ситуаций в русском и других языках, анализ средств выражения русских и славянских СД в неславянских языках, включается монография зарубежного русиста Й. Крекича, привлекающая внимание детальным знакомством с имеющейся в русистике литературой, ее критическим осмыслением и собственным новым подходом к изучаемому материалу.

Исследование СД традиционно проводится в рамках лексикологии и словообразования. Грамматисты интересуются изучением СД в основном в плане их взаимодействия с категорией глагольного вида. Рецензируемая работа реализует более широкий функциональный подход к СД как к самостоятельному, центральному объекту грамматического анализа.

Одним из ключевых для теоретического построения, последовательно проведенного в книге, является понятие целостности как общее, или инвариантное, значение русского

совершенного вида. Резюмируя различные понимания целостности — достижение правой границы, наступление левой границы, неделимость на фазы, — автор считает их взаимодополняющими и для обобщенного объяснения того, что такое целостность, вводит три семантических компонента, характеризующих, по словам автора, денотат глагола: действие, время и аспектуальный актант. Целостность реализуется трояко: 1) как достижение качественного (внутреннего) предела — действие достигает своей цели (результата) в аспектуальном актанте: *Соседи построили дом; Отец уехал в Москву;* 2) как достижение количественного предела — действие количественно ограничено: *нагуляться вдоволь; немало наплакаться,* 3) как достижение временного предела действия — обозначается действие, ограниченное временным пределом: *просидеть два часа.* К последней группе глаголов, составляющих объект изучения в рецензируемой монографии, относятся начальные, финитивные, делимитативные, пердуративные, семельфактивные глаголы. Классификация СД строится автором на двойственном основании: в первую

очередь, на основе анализа семантики целостности и, во вторую, — с учетом синтаксической сочетаемости (обязательной валентности) глаголов. При этом автор стремится связать семантику обязательного именного или адвербиального члена предложения с аспектуальным значением, свойственным тому или иному СД.

Вводимое автором понятие аспектуального актанта представляет собой попытку объяснения сущности внутреннего предела действия. Аспектуальный актант — это элемент, заполняющий обязательную валентность глагола, в котором действие достигает своего качественного предела, или результата. Фактически под аспектуальным актантом понимается объект или субъект действия. Как кажется, автор здесь допускает некоторое упрощение. Во-первых, результат действия может быть воплощен в состоянии не одного, а всех участников действия, ср. *Петр отдал книгу Анне*, где фиксируются три "новых" состояния: 1) Петр лишился книги; 2) Анна получила книгу; 3) книга изменила свое местонахождение. Во-вторых, есть предельные действия, у которых достижение предела не связано с каким-либо явно выраженным изменением состояния участников: *Он сказал правду: встретил друга; посетил больного и т.п.* Более перспективным представляется определение предела, основанное на признаке смены или сохранения ситуации, см. [1].

Противопоставление понятий времени и количества применительно к значению глагола не вполне отчетливо. Говоря о количественной аспектуальности, имеют в виду достаточно разнородные характеристики: многократность, длительность, интенсивность [2]. Количественные СД выделялись Н.С. Авиловой, это однократные, уменьшительные, смягчительные, многократные, прерывисто-смягчительные, длительно-ослабленные, длительно-дистрибутивные, сопроводительные, осложненно-интенсивные глаголы [3]. Во всех приведенных случаях количественность неразрывно связана с длительностью так называемого внутреннего времени действия. На чисто семантической основе трудно обосновать разграничение количественных и временных СД. Видимо, именно поэтому М.А. Шелякин, отмечая семантику ограничителей, в которых сосредоточена предельная направленность действия, пишет о словах с количественно-временным значением (*поспать немного*) [4, с. 69]. Если же следовать критерию Й. Крекча — учитывать семантику обязательного восполнения глагольной валентности, указанное разграничение получает более твер-

дую основу. Однако группировка СД получается несколько иной по сравнению с известными в литературе. Значение глаголов, приводимых автором в качестве примера количественно-предельного СД — *наестся, нагуляться, наплакаться* — описывается как состояние, наступившее в результате продолжительного или повторяющегося, добавим также — интенсивного, действия. Операционально данная группа выделяется своей сочетаемостью с обстоятельством меры *вдоволь, до крайности, всласть*. В значении рассматриваемых глаголов действительно воплощается единство разных типов количественности, против объединения которых в одну семантическую категорию выступал В.С. Храковский [5].

Выделение временно-предельных глаголов (терминативно-временных, к которым относятся начинательные, финитивные, пердуративные и делиминативные, а также протяженно-одноактные) известно читателю по работам М.А. Шелякина [4, 6], однако отнесение к этой группе одноактных глаголов является нетрадиционным. Пердуративные и финитивные глаголы рассматривались как подтипы результативных [7], временных [3], терминативно-временных [4]. Одноактные глаголы рассматриваются обычно особняком [4, 7]; иная точка зрения представлена в [8]. Н.С. Авилова включает их в группу количественных СД [3]. Включение одноактных глаголов в разряд временно-предельных не представляется достаточно аргументированным. Ни семантический анализ целостности, реализуемой у данной группы глаголов, ни обращение к их синтаксическому окружению (факультативной сочетаемости со словами, обозначающими мгновенность, внезапность наступления) не убеждают в необходимости объединения одноактных глаголов с другими временно-предельными глаголами. Вместе с тем безусловно заслуживают внимания наблюдения автора, свидетельствующие о семантических связях одноактных и начинательных глаголов (с. 65—78).

К положительным чертам работы Й. Крекча относится разработка единой схемы описания для выделенных групп временно-предельных глаголов. Он останавливается на следующих характеристиках каждой группы: 1) главное значение; 2) коннотативно-прагматическое значение; 3) семантические связи данного СД с другими; 4) функционирование глаголов данного СД в позициях частных видовых значений. При этом автор учитывает уже имеющуюся достаточно обширную литературу.

В главе, посвященной начинательным и

семельфактивным глаголам, выделяются два основных значения начинательных глаголов — ингрессивное (точечно-начинательное — *зашагать*) и инхоативное (неточечно-начинательное — *задремывать, зацветать*). Вызывает сомнение пример одновременной реализации обоих значений — *захромать*. Как кажется, здесь мы имеем дело с лексической многозначностью: 1) *захромать* — "пойти, хромая" (ингрессив) и 2) *захромать* — "стать хромым" (инхоатив). Примечательно также выделение случаев сочетания приставочных начинательных глаголов с фазовым глаголом *начинать*: *Он то бодрился, то на ходу начинал задремывать; Вишни начинают зацветать*. Автор пишет здесь об утрате начинательного значения приставки *за-*. Более правильным представляется усматривать в таких случаях инцептивное значение — выделение собственно начала первой фазы в отрыве от развития самого действия (ср. [19]).

Рассматривая финитивные глаголы, автор выделяет; а) собственно финитивное значение (антоним начинательному) — *отсечься*; б) результитивно-финитивное значение — *отчитать лекцию, отписаться*; в) аугментативно-финитивное — *отгулять, отвеивать (свое)*. Коннотативно-прагматический элемент значения — эмоциональное отношение субъекта речи, определяемый как облегчение, успокоение, освобождение, удовлетворение.

Автор относит к группе финитивных глаголы, синтаксически сочетающиеся с показателем длительности действия. Автор интерпретирует эти глаголы как развивающие побочное пердуративно-финитивное значение или как совмещающие финитивное и пердуративное значения: *отживу свой век, отработали неделю*. Тем самым автор расширительно понимает финитивность. В классификации М.А. Шелякина глаголы с приставкой *-от-*, не сочетающиеся с дополнением (*отзаниматься, отшуметь*), включены в группу финитивных, а глаголы, сочетающиеся с временным дополнением (*отдежурит сутки, отслужит в армии два года*), — в группу пердуративных.

В качестве основного значения делимитативных глаголов Й. Креквич устанавливает уменьшительно-временное. Возможность передачи повышенной меры длительности и большой интенсивности действия в конструкциях с этими глаголами (*На сегодня довольно, я хорошо погулял, так и засну быстро*) связывается с контекстуальным окружением, передающим аугментативность. В этом явлении автор усматривает семантическую связь делимитативных и сативно-аугментативных глаголов.

Изучение вопроса о функционировании рассмотренных глаголов в частных видовых значениях СВ также содержит некоторые новые представления. При анализе контекстов, в которых формы СВ выступают в конкретно-фактическом значении, автор не ограничивается констатацией возможности данной функции у форм глаголов всех рассмотренных им групп. Он исследует также возможность реализации таксисных отношений в последовательности форм СВ, выражающих последовательные наступления или пучок одновременных фактов (состояний). При этом используется введенная Э. Кошмидером терминология, связанная с понятием ситуационного типа [10]. Точечно-начинательные, собственно финитивные и делимитативные глаголы могут передавать пучок фактов; финитивные и пердуративные глаголы прежде всего употребляются в изолированном ситуационном типе. Употребление в перфектном значении характерно для финитивных и неточечно-начинательных глаголов.

При анализе суммарного значения автор различает три разновидности суммирования: а) с помощью счетного обстоятельства (*три раза, дважды*); б) с помощью обстоятельства длительности (*пять лет, многие годы*); в) с помощью обстоятельства меры (*много, немало, за десятерых*). Как видим, понимание суммарности согласуется с вводимым автором понятием количества как характеристики действия, но расходится с общепринятым в русистике представлением о суммарном значении. Чаще всего в суммарном значении наблюдаются пердуративные глаголы — речь идет о конструкциях с обстоятельствами длительности (*Павел промучился с ним месяц...*). Делимитативные глаголы в контексте суммарного значения (также с обстоятельством длительности) суммируют отдельные акты проявления какого-либо действия, приурочивая их к одному большому отрезку времени (*Я в юности немало повозился со стогами сена*). Обращают на себя внимание приводимые автором примеры с употреблением некантифицируемых глаголов: (*...поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку...; Долго ли у нас проживешь? Слава Богу, пошла довольно...*). В таком случае вряд ли речь идет о суммировании отдельных актов. В суммарном значении возможны также пердуративно-финитивные глаголы, управляющие дополнением с временным значением (*Так средним шахком отшагал шестьдесят три годочка*), а также аугментативно-финитивные глаголы с дополнением

свое (*Я свое отвоевал*). В суммарном значении (с счетным обстоятельством) функционируют также точно-начинательные глаголы, произведенные от мультипликативных основ (*Кобыла два раза заржала*). Точно-начинательные глаголы, образованные от немultiпликативных основ, не могут выступать в контексте суммарного значения: (**Он несколько раз заговорил*).

Книга *И. Крекича* содержит также интересное приложение, посвященное исследованию прагматики и семантики положительных и отрицательных форм императива. Автор ставит перед собой задачу изучения частных видовых позиций императива и соотнесения их с "иллокутивным качеством" речевого акта. Тема взаимодействия значений видов и повелительности с учетом прагматики в настоящее время активно разрабатывается в ряде публикаций ([11—14] и др.). В рецензируемой работе выдвигаются следующие прагматические противопоставления, релевантные для описания функционирования форм повелительного наклонения СВ и НСВ: безразличное / безразличное отношение говорящего к высказываемому повелению; ожидаемость / неожиданность; сильное / слабое воздействие на адресата. Вызывает сомнение утверждение автора о том, что форма императива НСВ чаще всего наблюдается в позиции конкретного процесса (с. 220). Исследователи обращали внимание на то, что в императиве НСВ выступает чаще в общефактическом значении. Об этом свидетельствуют также и примеры *И. Крекича*, трактуемые им как реализующие процессность: *Я выезжаю*. — *Ну что ж, езжай* (М. Шолохов); *Слетов*. *Володька, можно поцеловать Олю? Орлов*. *Целуй, пожалуйста* (А. Афиногенов) и др. В целом данный раздел содержит достаточно обширный и интересный языковой материал, который требует дальнейшего осмысления.

Книга *И. Крекича* несомненно вызовет интерес специалистов по русской грамматике.

1. *Барентсен А.А.* Вид и время в предложениях, содержащих слово *пока* // Dutch contributions to the Seventh International congress of slavists. The Hague; Paris, 1973.
2. *Маслов Ю.С.* К основам сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
3. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
4. *Шелякин М.А.* Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
5. *Храковский В.С.* Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. № 537: Аспектуальность и средства ее выражения. Тарту, 1980.
6. *Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
7. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
8. *Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 232—233.
9. *Недялков В.Л.* Начинательность и средства ее выражения в языках различных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 192.
10. *Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
11. *Kučera H.* Aspect in negative imperatives // The scope of Slavic aspect. / Ed. Flier M.S., Timberlake A. Columbus (Ohio), 1985.
12. *Храковский В.С.* Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // Rling. 1988. V. 2. № 3.
13. *Lehmann V.* Pragmatic functions of aspect and their cognitive motivation. Russian aspects in the context of the imperative and the infinitive // Proc. of the Second Scandinavian symposium on aspectology. Uppsala, 1989.
14. *Padučeva E.V.* Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // Studia Slavica Finlandensia. T. 6. Helsinki, 1989.

Козинцева Н.А.

Появление большого двуязычного словаря — это всегда значительное событие не только в области лексикографии, языкознания, переводоведения, это событие и в области культуры, ибо в словарях отражается в известной степени мировосприятие народов. Создание словаря диктуется потребностью людей в нем как источнике информации о языке и способах перевода слов, словосочетаний, фразеологизмов и т.п. на другой язык, откуда вытекает задача лексикографа — дать языковому коллективу необходимую ему информацию для более адекватного и совершенного владения языком (что актуально не только для переводчиков, но и для изучающих конкретный язык). Поэтому выход в свет большого по объему нидерландско-русского словаря в Антверпене можно только приветствовать. Двумя годами раньше у нас был издан "Нидерландско-русский словарь" (Nederlands-Russisch Woordenboek) под рук. С.А. Миронова и отв. ред. В.О. Белоусова (объем около 60 000 слов) с приложением краткого грамматического очерка нидерландского языка (составленного С.А. Мироновым), краткого списка сокращений (составленного В.О. Белоусовым), списка географических названий (составленного Л.С. Щечковой), а также с таблицами сильных глаголов и глаголов особого типа спряжения. Оба указанных словаря, каждый по своему, полезны для всех, кто изучает нидерландский язык.

Проф. А.Х. ван ден Баар (а с ним сотрудничали еще 28 специалистов) посвятил этому труду 20 лет. Очерку о нидерландско-русской лексикографии предпослан эпиграф — высказывание В.И. Даля, переведенное на нидерландский язык, о том, скольких трудов и десятков лет требует работа над словарем.

Перед автором стоял комплекс сложных задач. Первая из них связана с проблемой ограничения корпуса словаря. Это одна из старейших и вместе с тем одна из основных проблем. Ведь роль словаря как сферы кодификации неодинакова для разных периодов истории языкового коллектива. Кроме того, на различных этапах истории общества дистанция между лингвистической теорией и лексикографией, между лексикографической деятельностью и запросами общества тоже различна. Подбор нидерландского словника диктовался ориентацией на среднего носителя языка: в нем достаточно полно представлена основная лексика

(kernlexicon). Но поскольку словарь рассчитан на широкий круг пользователей, то приводятся и различные термины (технические, военные, медицинские, религиозные, театральные, лингвистические и др.).

При выработке принципов составления словаря лексикографу необходимо не только анализ нормы, но и социального контекста, в котором будет существовать и использоваться словарь. Отсюда вытекает установка на то, чтобы максимально обеспечить успешность коммуникации, что предъявляет высокие требования к способам словарной презентации двуязычного материала, к полноте информации в словарных статьях о возможностях функционирования слов в различных ситуациях общения, что в свою очередь требует указания стилистических, хронологических помет, других характеристик слов. В рецензируемом словаре разработана весьма разносторонняя система подобных помет. Нидерландские и русские лексические единицы содержат также грамматические, синтаксические характеристики. Например, переходность, непереходность глаголов и глагольных единиц маркируется римскими цифрами (I, II) внутри словарной статьи (см. *plenzen, onsteken, neerslaan, oplossen*). По такому же принципу выделяются разные грамматические категории у других слов. Ср.: *weer I sb. meteo. погода*^{315А}; *bar, afgrijpselijk (slecht) — гадкая/мёрзкая погода; het wordt beter — погода улучшается; *распогодится... II adv. (nog eens, wederom) опять; (nog een keer) еще раз; (herhaald: op dezelfde wijze) снова... В словарные статьи включены слова полных частей речи и служебные. Лексический континуум очень разнообразен (заимствования, неологизмы, архаизмы, историзмы, вульгаризмы, различные термины и т.д.).*

К числу сложнейших задач, которые стоят перед лексикографами, относятся проблемы адекватной презентации значения слова, так как с ними тесно сопряжены вопросы границ лингвистической и экстралингвистической, словарной и энциклопедической информации. Они осложняются целым спектром проблем, решение которых имеет принципиальный, кардинальный характер как для лексикографии, так и для лексикологии. К ним принадлежат, в частности, проблемы разграничения отдельных значений слова, значения и употребления слова, семантического комплекса слова, взаимодействия полных и неполных слов, разграничения полисемии и омони-

мии и др. Эти задачи неизбежно приходится решать лексикографам. В настоящем словаре значения многозначных слов подаются достаточно полно и детально на основе толкования, сочетаемости. Последнюю следует особо подчеркнуть. Это очень важно не только с лингвистической точки зрения, но и для пользователей, для изучающих нидерландский язык, ибо активное владение языком предполагает знание сочетаемости слов. Роль развернутого представления сочетаемости лексических единиц особенно велика в словарях, предназначенных для иностранцев, поскольку овладение сочетаемостью слов представляет известную трудность (может быть, даже несколько большую, чем овладение грамматикой языка), в то время как носители языка благодаря своему речевому опыту без всяких затруднений соблюдают правила сочетаемости. В словаре дается и предложная сочетаемость для слов разных частей речи. Словарные статьи в нем, как правило, насыщены также фразами, фразеологизмами, разговорными оборотами, отчасти и пословицами (например, статьи с заглавными словами *rol, maag*), что существенно повышает ценность словаря, хотя он не претендует на исчерпывающее представление всего языкового материала. В предисловии оговаривается, что лексикограф не может предусмотреть "всех ситуаций во всех текстах" ("niet alle situaties in alle texten"), с которыми может столкнуться переводчик (с. IX). Неудивительно, что многие словарные статьи слишком велики по объему (одно слово занимает несколько столбцов), это относится как к полнзначным, так и к служебным словам (например, *dag, goed, spelen, maar, weg*). Причем учитывается словарное представление слов разной семантики. Например, глагол *moeten* может выступать как полнзначный и как неполнзначный (с инфинитивом), что четко показано в соответствующей словарной статье.

В рецензируемом словаре уделяется большое внимание семантическим связям слов. Указанный аспект также актуален как для словарей описательного характера, так и для словарей, назначение которых — обеспечить возможность максимально активного владения языком. Последнее обусловлено умением наиболее точно выражать смысл высказывания и требует знания синонимических средств языка, владения перифрастическим арсеналом языка, что базируется на знании соответствующих лексических средств. Это касается не только переводчиков, но и изучающих нидерландский язык. Задача построения какого-либо текста предполагает владение различными средствами

номинации объектов. Поэтому значение синонимических средств, приводимых в рамках словарных статей данного словаря, связей слов с контекстами их употребления трудно переоценить. В предисловии указывается на то, что составители принимают во внимание лексическую синонимию в нидерландском и русском языках (с. VII), демонстрируют соответствие синонимических средств (*vertaalsynonymie*) и их расхождение и подчеркивают большую роль перифрастических средств, частотности употребления синонимичных лексических единиц. Ср. фрагменты некоторых словарных статей: *rede I sb. geen pl. (verstand) páзум^{220A}; (verstandelijk vermogen) рассудок^{239A}; (geest, vernuft) ум^{220B}; (toespraak) речь^{351P}; ... een — houden/uitspreken, выступить^{184A(B)} с речью, держать¹⁵² *if.* речь, произнести⁷¹ речь; ... II *sb. pl. reden mar. рейд^{220A}; op de — liggen, стоять¹⁵⁶ if. на рейде; fris (van bloem, gezicht, kleur, lucht, wind) свежий⁴⁰⁹¹⁰; (van weer) прохладный³⁷²; (van drank) прохладительный³⁵⁹; освежающий⁴⁰⁷; (monter) бодрый³⁶¹¹⁰; (jong uitziend) молодежавый³⁶⁰; ... iemand — se moed geven, ободрить^{182B} [4], подбодрить^{182B} [4]; storm (op land, zee) буря^{338A}; (orkaan) ураган^{220A}; (op zee) шторм^{220A}; *mil.* штурм^{220A}; *zware* —, сильный шторм; (*heviger*) жестокий шторм; *de wakkerde aan*, шторм разбушевался/разыгрался...**

Важным достоинством словаря является презентация словообразовательного потенциала продуктивных словообразовательных элементов. Например, производные, сложные слова, сложноположенные, аббревиатуры подаются в алфавитном порядке в качестве заглавных слов отдельных словарных статей, это относится как к исконным лексическим единицам, так и к заимствованиям. В частности, заглавными словами самостоятельных словарных статей являются: *mild, milddadig, milddadigheid, mildheid; professor, professoraal, professoraat, professorabel, professorstitel; systeem, systeemanalist, systeemanalyse, systeembouw, systeemloos, systeemloosheid, systeemprogrammeur, systematicus, systematiek, systematisatie, systematisch, systematiseren, systematisering.*

Словарь по структуре тщательно проработан, материал изложен компактно. Работа полиграфически очень сложна, но выполнена с высокой степенью точности. К сожалению, есть некоторые опечатки в русском тексте (*discussie* "подлежит обсуждению" вм. "обсуждению" с. 200; *eten* "описывать за обе щеки" вм. "уписывать" с. 246; *ontraden* "советую тебе не купить дом" вм. "не покупать дом" с. 775). Есть опечатки и в нидерландском: на с. 641 см. слово

mildheid (vrijgevigheid) — два *h* вместо одного, но на такой большой словарь — это единичные случаи. На наш взгляд, было бы желательно снабжать терминологическими пометами ряд специальных слов, которые являются именно терминами: например, *lettergieterij* "словолитня" (полиграфический термин) и т.д.

В конце словаря помещен грамматический компендий по русскому языку.

При разработке словаря составители пользовались как нидерландскими, так и русскими лексикографическими материалами (толковыми, двуязычными словарями различных типов), энциклопедиями, политехническим словарем, Библией, а также

многоязычными специальными словарями, что позволило авторскому коллективу создать фундаментальный лексикографический источник.

Рецензируемый нидерландско-русский словарь представляет лексику современного нидерландского литературного языка, систематизированную по алфавитному принципу. Он рассчитан на большой круг пользователей, специалистов разных областей. Помимо практической ценности данный словарь представляет интерес и для лингвистов широкого профиля.

Ивлева Г. Г.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

4. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью: чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями, все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два-три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

5. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

а) список использованной литературы дается по порядку номеров в конце статьи;

б) ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках: [1, с. 3], [2—4], [1, 3]; в случае одноразовой ссылки указание на страницу, если оно необходимо, дается в списке литературы; если же упоминаются разные страницы одного и того же источника, указание на страницы следует давать в тексте;

в) подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

6. Непринятые рукописи возвращаются по просьбе авторов.

7. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

8. Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, который является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.

Технический редактор *Беллева Н.Н.*

Слано в набор 29.04.92	Подписано к печати 15.06.92	Формат бумаги 70×100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл. печ. л. 13,0	Усл. кр.-отг. 46,2 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5	Бум. л. 5,0
Тираж. 3493 экз.	Заказ. 2808	Цена 2 р. 30 к.		

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 203-00-78

2-я типография издательства «Наука», 121090, Москва Г-99, Шубинский пер., 6